

Modern Science

Moderní věda

№ 2 - 2016

scientific journal

vědecký časopis

Prague Praha

MODERN SCIENCE - MODERNÍ VĚDA

№ 2 - 2016

Incorporated in
Czech Republic
MK ČR E 21453
published bimonthly
signed for publication on the 25th of May 2016

Evidenční číslo
Česká republika
MK ČR E 21453
Vychází šestkrát do roka
Podepsáno k tisku dne 25. května 2016

Founder
Nemoros
Main office: Rubna 716/24
110 00, Prague 1, Czech Republic

Zakladatel
Nemoros
Hlavní kancelář: Rybná 716/24
110 00, Praha 1, Česká republika

Publisher
Nemoros
Main office: Rubna 716/24
110 00, Prague 1, Czech Republic

Vydavatel
Nemoros
Hlavní kancelář: Rybná 716/24
110 00, Praha 1, Česká republika

*The East European Center
of Fundamental Researchers
Rubna 716/24
110 00, Prague 1, Czech Republic*

*Východoevropské centrum
základního výzkumu
Rybná 716/24
110 00, Praha 1, Česká republika*

Address of release
Modern Science
Rubna 716/24 , 110 00, Praha 1
Czech Republic

Adresa redakce
Moderní věda
Rybná 716/24, 110 00, Praha 1
Česká republika

Editorial advice / Redakční rada
Dr. Iryna Ignatieva, Ph.D Diana Kucherenko, Roman Rossi

Editorial college / Redakce
*Dr. Oleksii Hudzynskyi, Dr. Halina Aliakhnovich, Ph.D Angelina Gudkova,
Dr. Iryna Ignatieva, Ph.D Diana Kucherenko, Dr. Natalia Yakovenko,
Dr. Oleksandr Makarenko , Dr. Natalia Mamontova, Ph.D Nataliya Chahrak,
Dr. Nataliya Demyanenko, Ph.D Nataliia Ivanova, Dr. Yuriy Chernomorets*

Chief-editor / Vedoucí redaktor
Dr. Iryna Ignatieva

© Modern Science — Moderní věda. — Praha. — Česká republika, Nemoros. — 2016. — № 2.
ISSN 2336-498X

OBSAH

Ekonomika

Golovač Kateryna. Analýza vnějšího a vnitřního prostředí jako nástroje krizového managementu..... 9

Iljaš Olga, Mazjarko Iryna. Bariéry a priority provádění státní regulace sociálního dialogu v ukrajinském maloobchodě 16

Markina Iryna, Sjomýč Mykola. Ekonomické modely bezpečnosti v moderním podnikatelském prostředí 23

Marcenjuk Larisa. Teoretický a metodologický přístup pro zjištění počtu turistů, kteří mohou využívat služeb turistických dopravních společností 31

Pavlov Alexander. Objektně -subjektní složka venkovského vývoje v Ukrajině 39

Pahomov Sergej. Institucionální předpoklady utváření konkurenceschopného modelu ukrajinského národního hospodářství 45

Reznikova Natalija. Problémy globální makroekonomické vzájemné závislosti 52

Rubcova Marina. Cykly světové ekonomiky jako dominanta modernizace ekonomické transformace v Ukrajině 56

Tomilin Alexey, Galyč Alexander. Problémy státní regulace ekonomiky a hlavní oblastí zlepšení meziodvětvových vztahů v agrárním sektoru 63

Státní správa

Abbás Mahmud Aliyev oglu. Centra správních služeb to jsou nové formy spolupráce mezi úřady a občany 71

Pedagogika a psychologie

Fedorova Marija. Teoretické základy utváření a fungování morálních hodnot osobnosti ve vědecké literatuře 81

Filozofie a teologie

- Dergachov Jevgenij.** Informační politika státu jako faktor při formování a transformaci právního vědomí společnosti: historie a současné ukrajinské reality 87

Dějepis

- Gerus-Bachtina Natalija.** Zdrojové aspekty výzkumu stavu německého obyvatelstva na jihu Ukrajiny ve vydání 1939-1953rr 99

- Jakovenko Natalija.** Etnický aspekt v dlouhodobé anglicko-skotské opozici 113

Medicína a fyziologie

- Dijev Jevgenij.** Výpočet celkové doby trvání ortopedického protokolu výroby zatímního cementovaného můstku s opěrou na celistvý implantát 122

- Koval Jurij, Cevuch Ljudmila.** Aktuální problémy současnosti: gingivitis dásní u dětí, dospívajících, mladých lidí 128

- Kovač Ilona, Vasylyšyna Marta, Lavrenjuk Lev.** Změny rychlosti slinění a viskozity ústní tekutiny u dětí v dynamice ortodontické léčby 140

- Zacharová Anna, Paškevič Vitalij, Tereščuk Jelena.** Komparativní klinické hodnocení účinku způsobu fixace částečné snímací náhrady na stav tkaně parodontu u pacientů gerontologického věku při zachování jednotlivých zubů v čelistích 147

- Počtar Viktorija, Deňga Eduard, Šnajder Stanislav.** Funkcionální stav mikrokapilárního řečiště dásní v průběhu léčby multiformní exsudativní erythemy 155

- Savčuk Oleg.** Management ve stomatologii s ohledem na nové ekonomické podmínky..... 160

- Semenov Konstantin.** Technika přijímání potravy při onemocnění čelistně spankového kloubu 165

Semenov Jevgenij. Studium stomatologického stavu pacientů, kteří používají různých typů zubních implantátů jako opěru pro ortopedické konstrukce 171

Čorneňka Žanetta. Korelační analýza hormonálně imunních interakcí u pacientů s demodikózou 180

Právo

Kučma Olga. Odpovědnost subjektů povinného státního sociálního pojištění v právní doktríně a právních předpisech..... 189

CONTEXT

Economics

Golovach Katerina. Analysis of the external and internal environment as a tool of crisis management 9

Ilyash Olga, Mazyarko Iryna. Barriers and priorities of the implementation of the social dialogue's state regulation in the Ukrainian retail trade 16

Markina Iryna, Syomych Mykola. Economic security models in the modern business environment 23

Марценюк Лариса. Теоретико-методический подход к определению количества туристов, которые могут пользоваться услугами туристических транспортных компаний 31

Pavlov Aleksandr . Object-subjective component in the rural development of Ukraine 39

Пахомов Сергей. Институциональные предпосылки формирования конкурентоспособной модели украинской национальной экономики..... 45

Резникова Наталия. Проблемы глобальной макроэкономической взаимозависимости 52

Rubtsova Marina. Cycles of the world economy as the dominant of modernization of economic transformation in Ukraine 56

Tomilin Alexey, Galych Alexander. Problems of state regulation of economy and main areas of improvement of interbranch relations in the agrarian sector..... 63

State management

Abbas Mahmed Aliiev oglu. The centers of administrative services are new forms of cooperation between authorities and citizens 71

Pedagogy and psychology

- Fedorova Mariya.** Theoretical basis of formation and function of moral values of the personality in scientific literature 81

Philosophy and theology

- Дергачев Евгений.** Информационная политика государства как фактор формирования и трансформации правового сознания общества: история и современные украинские реалии 87

History

- Gerus-Bahtina Natalia.** Source aspects of research of the German population condition in the south of Ukraine in 1939–1953 issue 99

- Yakovenko Natalia.** Ethnic aspect in long-term English-Scottish opposition 113

Medicine and physiology

- Диев Евгений.** Расчет общей продолжительности ортопедического протокола изготовления временного цементируемого мостовидного протеза с опорой на цельные имплантаты 122

- Коваль Юрий, Цевух Людмила.** Актуальная проблема современности: гингивит у детей, подростков, молодых людей..... 128

- Ковач Илона, Василишина Марта, Лавренюк Яев.** Изменения скорости саливации и вязкости ротовой жидкости у детей в динамике ортодонтического лечения 140

- Захарова Анна, Пашкевич Виталий, Терещук Елена.** Сравнительная клиническая оценка влияния способа фиксации частичных съемных протезов на состояние тканей пародонта у лиц геронтологического возраста с сохранением одиночных зубов на челюстях..... 147

- Почтарь Виктория, Деньга Эдуард, Шнайдер Станислав.** Функциональное состояния микрокапиллярного русла десны в процессе лечения многоформной экссудативной эритемы 155

Савчук Олег. Менеджмент в стоматологии в новых экономических условиях..... 160

Семенов Константин. Техника приема пищи при заболеваниях височно — нижнечелюстного сустава..... 165

Семенов Евгений. Изучение стоматологического статуса пациентов, у которых в качестве опор ортопедических конструкций используются различные виды дентальных имплантатов..... 171

Chornenka Zhanetta. Correlation analysis of hormone-immune interactions in patients with demodicosis 180

Law

Кучма Ольга. Ответственность субъектов общеобязательного государственного социального страхования в правовой доктрине и законодательстве 189

ECONOMICS

ANALYSIS OF THE EXTERNAL AND INTERNAL ENVIRONMENT AS A TOOL OF CRISIS MANAGEMENT

Katerina Golovach,
post-graduate student,
Zhytomyr National Agroecological University

Annotation. *The article aims to disclose the essence of the use of SWOT and PEST analysis as a tool of crisis management for agricultural enterprises of Zhytomyr region. Based on the results of the analysis were revealed the main opportunities and threats, strengths and weaknesses for the choice of companies. Was made the evaluation of internal and external environment for economic entities to meet the requirements of the industry.*

Keywords: *crisis management, SWOT-analysis, PEST analysis, strengths and weaknesses of the enterprises, opportunities and threats.*

Introduction. In modern conditions of unstable development of the agricultural enterprises the anti-crisis management is an effective tool of overcoming the crisis in the company. Various factors of external and internal environment affecting the activities of the entity and are marked with the changing character. These factors should be analyzed by exercising their monitoring for management purposes and for the prevention of crisis in the company. Comprehensive evaluation of internal and external environment to the crisis situation in the agricultural enterprises should be carried out through SWOT and PEST analysis. In modern practice, these two methods are the most popular and effective methods of analysis of exogenous and endogenic factors. Evaluation of opportunities and threats for the industry also has a significant impact in these techniques. Therefore, the definition focuses on management decisions regarding strengths and weaknesses in conjunction with the threats and opportunities.

Analysis of recent research and publications. The subject assessment of external and internal environment through SWOT and PEST analysis focuses on a number of national and foreign researchers, among them are works of interest by K. R. Andrews [3], G. I. Kindratska [1], H. I. Ansoff [4], L. Byars [7], A. Humphrey [11], R. K. King [12], J. Pearce [13], R. Robinson I. [13], J. Aguilar [2], A. Brown [6] and others.

However, the implementation and qualitative use of SWOT and PEST analysis for the assessment of external and internal environments in enterprises should be given attention from enterprises managers, administrators and researchers.

The aim of the article is the analysis of external and internal environment enterprises of Zhytomyr region and the determination of the management decisions within the framework of crisis management.

The subject of the study is the research of endogenous and exogenous environment of agricultural enterprises of Zhytomyr region and implementation of static observation-based on the questionnaire of managers and specialists of the researched producers.

Methodology. In this paper were used the methods of spastic observation — questionnaire method of peer review, systematic method for the theoretical part.

Results and discussion. To select a substantiated strategy the company must use a set of scientific approaches: systemic, situational and the integration. Exactly on the aggregate of scientific approaches is based a SWOT-analysis method, which is the first step and the basis for the formation of marketing strategy [4].

SWOT-analysis, as well as other financial instruments of crisis management has certain advantages and disadvantages. The advantages of SWOT-analysis are: the possibility of periodic diagnostics of available resources in the enterprise and also the market condition; the determination of the relative advantages for enterprise competition. Disadvantages of SWOT-analysis include: subjective selection of internal and external environment factors that influence the activity of the enterprise; poor and difficult adaptation to the environment that is rapidly changing. Despite the shortcomings, this tool still is widely used in the crisis and financial management, and with the quality conducting can give extensive list of problems that exist in the enterprise. [8]

The task of SWOT-analysis is to give the head of the enterprise all the necessary information for reasonable choice of marketing strategy, which will consider further changes in the external and internal environments of the functioning of agricultural enterprises.

To find the way of influence of agricultural enterprises of Zhytomyr region on the environment, through questionnaire of specialists and heads of departments of agricultural enterprises we will analyze strengths and weaknesses (Table 1).

The methodology of the SWOT-analysis first identifies strengths, weaknesses, opportunities and threats, and then sets the chain of ties between them, which can later be used to form the strategy of agricultural enterprises in the future. [12, p. 99].

The identified competitive advantages of agricultural enterprises, their opportunities and threats allow to develop a set of anti-crisis management solutions to overcome the existing threats and identify new opportunities for producers of the investigated products in Ukraine (Table 2).

The threats described in the column "The combination of threats and weaknesses," need time to resolve and prevent their occurrence in the future. The possibility of the crisis in the inefficient management is for the high level of weaknesses and threats .

Therefore, evaluating the strengths, weaknesses, opportunities and threats of investigated companies is possible to say that in today's difficult conditions of development of agricultural enterprises for restoration of financial stability, solvency, protection against financial crises and neutralization of their consequences is necessary to reinforce the strengths of using business opportunities and neutralizing threats.

For the first time PEST — Analysis is marked in the work of Francis Dzh. Agilara "business environment scanning", in which he considered the external factors affecting the business, and identified them as ETPS (Economic, Technical, Political, and Social factors). Soon Arnold Brown reorganized method STEP (Strategic Trend Evaluation Process). Later, a number of experts (Fahey, Narayanan, Morrison, Renfro, Bush, Mecca, Porter) suggested various variants of the method, the essence of which is the amount of covered areas and the importance of different factors:

Table 1

Matrix of basic SWOT-analysis for agricultural enterprises of Zhytomyr region

Internal factors	Strengths: 1. Favorable climatic conditions, advantageous geographical position (95% of respondents) 2. Reliable suppliers in 60% of surveyed enterprises 3. Proximity to distribution channels in 64% of the respondents 4. Expanding the range of products (58%) 5. Distribution of the common enough agricultural technologies adapted to the material — technical and financial capacity of the enterprise to 51% of enterprise managers	Opportunities: 1. Creating a favorable investment climate (35% of survey enterprises) 2. Dealing with the personnel policy — (50% respondent) 3. Enhancing the competitiveness of products (50% respondent) 4. The growing more profitable crops (44%) 6. The need of the population in food, thus providing a constant demand for agricultural products (25%)	External factors
Internal factors	Weaknesses: 1. The general problem for agriculture — aging human resources, workforce immunity to new approaches in production (75% of respondents) 2. Low levels of management, including management costs and ensuring financial transparency, 60% of surveyed enterprises 3. Lack of working capital in 64% of the respondents 4. Insufficient development of own sales networks (58%) 5. The physical and moral deterioration of most of the assets (67% of surveyed companies) 6. The need for changes in management approaches in the deteriorating financial and economic situation (55% of surveyed companies)	Threats: 1. The gap in prices for sold agricultural products and inputs purchased (90% respondent) 2. Competition of agricultural products from other regions and countries (45% respondent) 3. Discrepancy international standards as domestic vegetable production (85% of surveyed companies) 3. The heavy tax burden (85% of surveyed companies) 3. Deterioration of monetary policy (raising interest rates on loans, etc.) (75% of surveyed companies) 3. The yield (capacity) and quality of products grown (56% of surveyed companies)	External factors

Source: own research.

PEST / STEP / ETPS — politics, economics, social, technology;

PESTE- politics, economics, social, technology, environment;

SEPTTEI — social environment, economy, politics, technology, ecological environment, infrastructure.

Basic provisions of PEST-Analysis:

- Strategic analysis of each of the four specified components of the system should be sufficient, since all these components are complex and closely interrelated.

Table 2

Comprehensive assessment of opportunities and threats of the status of management of agricultural enterprises in Zhytomyr region, taking into account the strengths and weaknesses.

F*	Strengths	Weaknesses
Features	<p>Making opportunities through strengths</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Assuming that the continuation of the enterprise activity can be preserved then the old management structure and the main approaches to the management of production can remain 2. Full provision of the population with food and goods of its own production 3. Increasing the investment attractiveness of Agricultural enterprises to foreign investors. The high yield sector will help attract investors and improve food base. 4. With the help of land resources, strong MTB, new technologies, experienced workers can effectively grow the most profitable crops. 	<p>Overcoming weaknesses by capacity</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Replenishment of working capital through loans 2. Price regulation by the state, subsidies system, subsidies when rampant growth of prices for material resources is noted 3. The search for new and preserving the old trade partners 4. Material and moral incentives for workers
Threats	<p>Eliminating threats due to weaknesses</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Possibility of partial renewal of the material and technical base of production within the framework of accepted and existing agricultural enterprises lending programs 2. Attracting investment for the renovation and equipping of fixed assets 3. The use of new technologies 	<p>The combination of threats and weaknesses</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. All the threats associated with the risk of loan defaults due to the peculiarities of agricultural production 2. If you change the leadership will change style, methods, tools of enterprise management 3. The improvement of the quality that meets international standards

*factors

Source: own research.

- Do not rely on these components of the environment, because real life is much wider and more varied.

- PEST-analysis is not common to all organizations, as there is a special set of key factors for each of them. []

There are the following stages of the PEST-analysis:

1. Developing a list of external strategic factors that have a high probability of implementation and impact on the functioning of the enterprise.

2. Evaluating the significance (probability of occurrence) of each event for the enterprise by giving it a certain weight from one (most important) to zero (negligible). The sum of the weights must be equal to one for each factor that is provided by rationing factors.

3. The estimation of the degree of influence of each factor — events on the enterprise strategy on a 3-point scale: "three" — high impact (high probability); "unit" —

the lack of impact (low probability). Evaluation is assigned to the "+", if the factor refers to "the possibility of the company" category and a "-" if the factor refers to the "threat" category.

4. Are determined by multiplying the weighted evaluation of the weight factor (the weighting coefficient) on the strength of its impact and calculated the total weighted score for this research object. Score indicates a degree of readiness of the organization to respond to the current and predicted environmental factors [1].

In carrying out this type of analysis, an enterprise is trying to identify the favorable and unfavorable factors in each of these sections, and on this basis to solve the question of the continuation of its work (implementation of the investment) or termination. If the decision is positive, the key issue — to increase up to the limit of the plan in order to take advantage of all favorable factors and minimize the adverse effects.

PEST-analysis of the external environment for agricultural enterprises of Zhytomyr region was based on expert assessments. Number of experts were 5 people, and the factors were initially identified by the greatest influence for the study of the sphere (Table 3).

So was evaluated the significance of each factor for agricultural enterprises taking into account the influence of factors. Indications of positive or negative values in the table reflect the opportunities and threats for firms in the sample, taking into account in which will allow management to improve operations. A positive value of this analysis also has to identify and prevent the crisis in the company. It is through the PEST-analysis assesses the changeable external environment monitoring of which will bring good results in crisis management.

The following conclusions are drawn from the strategic analysis of the development of agricultural enterprises in the Zhytomyr region:

- Political factors have a strong influence on agricultural enterprises; their influence is mainly neutral, despite the situation in the country and due to the support of the industry by the state;

- The impact of economic factors is not clearly defined. A positive point is the provision of the sector by agricultural lands, loyal enough taxes for producers, sufficient raw material base. Another negative factor is the unfavorable investment business climate, lower incomes and rising prices, increased competition due to the entrance to the EU, the shortage of highly qualified specialists;

- The influence of social factors is positive, due to the existing traditions of consumption of agricultural products by the population, the promotion of healthy lifestyles, a new branch for the Ukrainians — ecologization and distribution of environmentally friendly or organic products;

- The impact of technological factors on the development of agricultural enterprises is negative due to the low technological equipment of the industry, but the development and build-up has a great potential. This suggests that the innovative direction of development of the industry would be able to increase the efficiency of the industry.

Conclusions. Crisis management and regulation of the internal and external environment has a significant impact on undertakings to improve their business. SWOT and PEST analysis is a tool of the management in all aspects of ongoing enterprise ac-

Table 3

PEST-analysis for agricultural enterprises of Zhytomyr region

Political		Economic	
Factor	Weight	Factor	Weight
lack of antitrust regulation	-0,03	level of disposable income of the population	-0,29
credit policy	+0,04	Inflation and interest rates;	-0,17
changes in tax legislation;	-0,19	Energy costs and supply;	-0,18
trade policy on quality, import and export	+0,31	fluctuations in exchange rates;	+/-0,32
political instability;	-0,34	Level of demand for agricultural products;	-0,34
Socio-cultural		Technological	
Factor	Weight	Factor	Weight
trust consumers to domestic producers;	-0,28	Spending on research and development	-0,03
population growth rate	+0,05	level of innovation and technological development of agriculture	+0,07
the level of working conditions and safety;	+0,06	Enterprises use outdated technologies	-0,09
requirements for product quality and service	+0,14	technological backwardness, high depreciation of fixed assets	-0,17
Ecology and environment related to environmentally-friendly products	+0,18	mass informatization and computerization of society	+0,29

* Where (+) — opportunity and (-) — threat

Source: own research.

tivities. Summary of results obtained in the process of researched methods of analysis makes it possible to generate a significant amount of management decisions and to identify strengths and weaknesses of companies based on the field of agriculture.

The application of SWOT and PEST analysis in practice allows to find out about the problems in the activities of agricultural enterprises, and develop the existing facilities and use research results for effective management decisions for the exit of economic entities from the crisis. The proposed methodologies will allow to choose measures to ensure economic balance and will not allow irrational use of agricultural enterprises assets.

References:

1. A strategic analysis of the competitive position of organization/ G. I. Kindratska, Y. I. Kulinyak, A. G. Zahorodniy // Problems of Accounting and Analytical Support for the Management System of an Enterprise: collective monograph/ Editor by: prof. A. Zahorodniy and prof. H. Ronek. — Lviv: Publishing House of Lviv Polytechnic, 2014. — p. 154–170.

2. Aguilar, F. J. (1967) *Scanning the Business Environment*. New York: Macmillan
3. Andrews, K. R. (1987). *The concept of corporate strategy*. Homewood, IL: Irwin
4. Ansoff, H. I. (1965). *Corporate Strategy*. New York: McGraw-Hill
5. Bagorka, M. (2010). SWOT — analysis as a basis for the formation of marketing strategies of enterprises // *Agrosvit* 2010. — №6. — p. 17.
6. Brown, A. (1984). *Supermanaging: How to Harness Change for Personal and Organizational Success*. New York: McGraw Hill
7. Byars, L. (1991). *Strategic management, formulation and implementation — Concepts and cases*. New York: HarperCollins
8. Cole, G. A. 1999. *Strategic management*. (2nd ed). Gosport, Hampshire: Ashford Color Press
9. Conner, K. R. (1991). A historical comparison of resource-based theory and five schools of thought within industrial organization economics: Do we have a new theory of the firm? *Journal of Management*, 17, 121–154.
10. Fathutdynov, R. (2008) *Production Management* / Fathutdynov R. — Peter. — 6th ed., 2008. — 496 p.
11. Humphrey, Albert (2005) SWOT analysis for management consulting. *SRI Alumni Newsletter* (SRI International), 1.
12. King, R. K. (2004). Enhancing SWOT analysis using triz and the bipolar conflict graph: A case study on the Microsoft corporation. *Proceedings of TRIZCON2004*, 6th Annual Altshuller Institute.
13. Pearce, J. & Robinson, R. (2005). *Strategic management*, (9th Edn). New York: McGraw-Hill
14. Tereshhenko, O. (2004). *The financial reorganization and bankruptcy of enterprises, teach. guidances.* / A. A. Tereshchenko. — Kyiv: Kyiv National Economic University, 2004. — 412

BARRIERS AND PRIORITIES OF THE IMPLEMENTATION OF THE SOCIAL DIALOGUE'S STATE REGULATION IN THE UKRAINIAN RETAIL TRADE

Olga Ilyash,

*Doctor of Economics, Professor,
National Institute for Strategic Studies of Lviv,*

Iryna Mazyarko,

*post-graduate student,
Lviv University of Trade and Economics*

Abstract. *In the article determined the scientific and theoretical background of implementation of the social dialogue in the retail trade in Ukraine, shown a set of elements of the social dialogue. Considered barriers, factors and problematic aspects of the state regulation and social dialogue in the retail in the state. Proposed the basic strategic objectives and priorities of the state policy for removing barriers, which have a destructive effect on the social dialogue.*

Keywords: *social dialogue; social-labor area, state policy, mechanisms of the state regulation, retail.*

Introduction. There is no doubt that the difficult negative effects of the implementation and state regulation of social dialogue leading to a decrease of the level and quality of labor life of working population, appears in the letdown of organization and work productivity and its results, reducing the efficiency of wage system reformation, reduction in tax payments to the budget, decreasing of purchasing power and deteriorating of the consumption structure of the population, reducing the culture of social responsibility of business, spreading unemployment and problems of youth employment, social stratification and more.

Moreover, barriers of effective development of retail and not objective negotiations within the social dialogue lead to further strengthening of the problematic aspects of the state policy for realization of social dialogue in this scope as reducing real wages of employees and irregular distribution of collective earnings, reduced availability of the industry of intellectual and human resources, inefficient use of forms of work organization, reduction of social control and social protection of trade workers, deterioration of social and psychological climate and motivation of sales employees to vocational qualification development, failure of labor law and of collective labor contracts and so on. Therefore, the main purpose of removing barriers and improving of the state regulation of the social dialogue in retail is to promote effective state policy in this scope and to promote effective social support of the economically active population.

Theoretical and methodological fundamentals of the state regulation of the social dialogue. A significant contribution to the theory of social dialogue made JJ Rousseau, who believed that society could not exist without the laws, the main task of which is to protect freedom of each person and be equal for all [1, p. 20–23]. At the same time, John Mill considered that the social dialogue is the way of liquidation of the institution of wage labour and the formation of economic systems, the operation of which were on the basis of social partnership [2]. A great contribution in building fundamental scien-

tific principles of the system of social dialogue, in our opinion, made C. Webb and B. Webb, who considered it as the only way to satisfy the needs and protect the labour rights of employees [3], and A. Mueller-Armak considered social dialogue as an important condition for the formation of a market economy, in which the "functional division" property turns into a socially desirable "personal" income distribution, and the participants will strengthen the dialogue and cooperation with initiatives to promote decent working conditions and gender policy [4, p. 54–69].

However, we must admit that Ukrainian society today, as a part of the Association Agreement needs a clear, objective and comprehensive information about the major economic, institutional and social effects in all spheres of life. This need is caused by the fact that the main part of the economic provisions of the Agreement actually determines the content of the reforms that Ukraine has to implement that actually to modernize and become successful country in the broadest sense of this word. In particular, these changes mostly should be done in employment, health and safety at work, social dialogue, social protection, social inclusion, gender equality and struggle with discrimination. Ukraine committed to ensure the gradual approximation of the national legislation in this scope to the laws and practices of the EU. This requires particularly scrupulous attitude of scientists to implementation mechanisms of social dialogue in the retail and this is due to the relevance of the research theme.

Results. Despite of some quality shifts to socialization of the retail in Ukraine and its positive impact on the financial and economic efficiency of the brunch, the gradual convergence (especially on wages growing and improving its structure, improvement of staff motivation, improve social protection and social guarantees) in this scope to developed countries, mechanisms of the implementation of the social dialogue in this scope is not perfect, it remains an important priority of state regulation of social dialogue in Ukraine. In particular, after the results of preconditions evaluation of implementing the principles of the social dialogue in domestic retail it is important to separate favorable macroeconomic factors and identify obstacles to the state regulation that will justify the weaknesses and disadvantages of the state policy in the investigated scope, and, therefore, to identify the main objectives and priorities of it state regulation.

It is well known that social dialogue is a scope of mutual agreements and arrangements between employees, employers and the state, associated with the functioning of the socio-economic sphere, hiring and firing of labor, remuneration and reproduction of labor potential and directed at social harmony providing, a high level and quality of working life, good financial-economic efficiency of retail enterprises. Obviously, the positive results of the social dialogue implementation are an important dominant of balanced development of the analyzed sector and the state economy as a whole.

It should be noted that as the object of state regulation social dialogue could be seen as a snapshot of economic relations in socio-labor sphere, which is objectively independent from understanding of these relationships by subjects of social dialogue, their social significance, and practice linked with work activity [5, p. 152–153]. Accordingly, state policy of formation and development of the social dialogue in retail

requires socio-economic and socio-labor processes to determine the total volume of labor functions and their differentiation in individual groups of performers. Thus, totality of functional responsibilities of staff depends on the planned volume and structure of the turnover, on the nomenclature and quantity of additional commercial services. The basis of separation of such processes in individual groups of workers should be considered a labor division that happens regarding separate categories and depends on the complexity and requirements to quality of labor activity [6, p. 140–142].

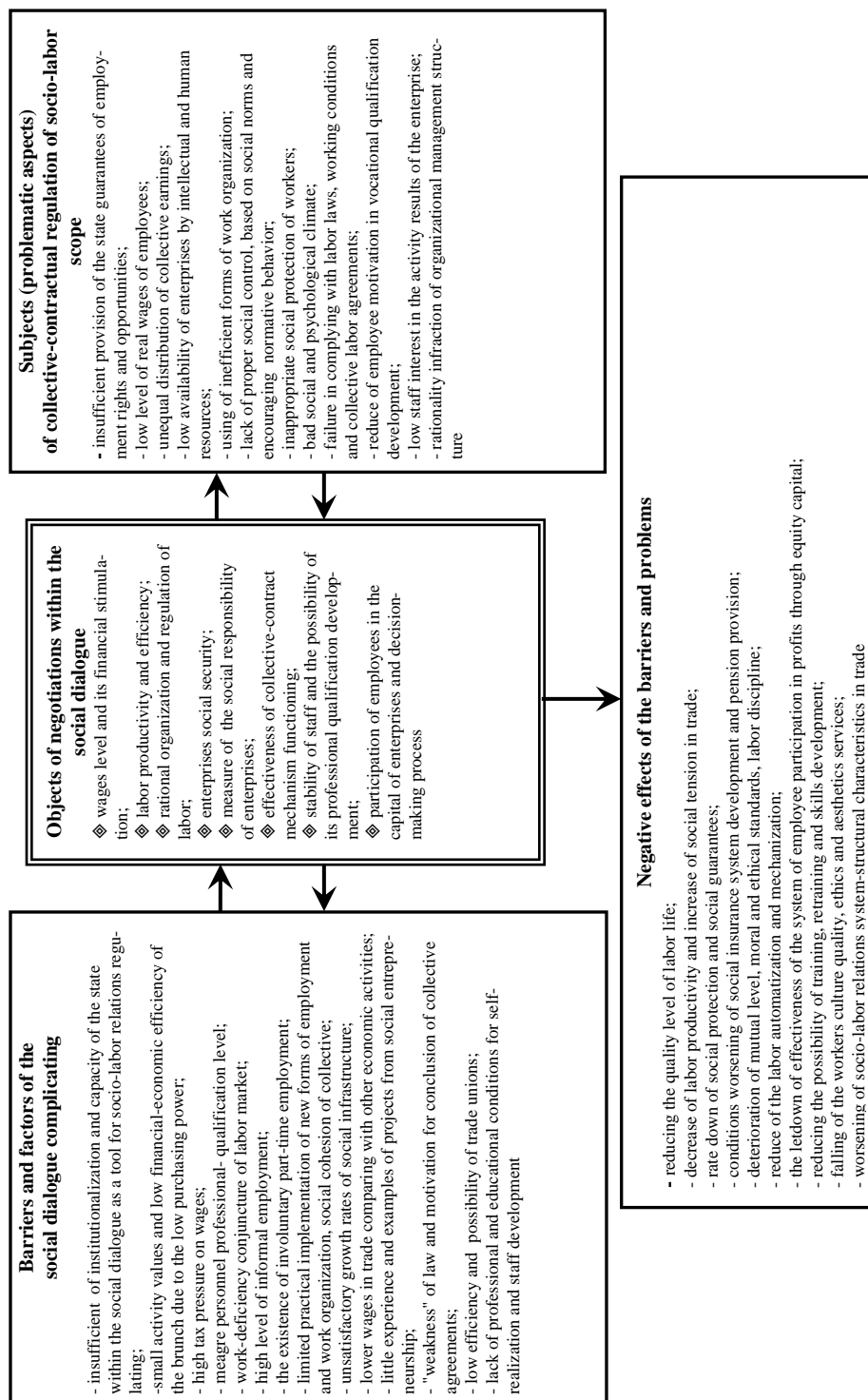
Obviously, the market requires some form of the social dialogue: the motives of personal advantage, readiness to take risks with a sense of personal social responsibility. Therefore, state regulation of the social dialogue perceive as an equal distribution of responsibility for the labor effectiveness in the brunch, those freedom limitations which are necessary for the development of socio-economic and socio-labor relations [7, p. 125–128].

As you know, the elements of social dialogue are: the subjects and aspects, objects and principles, types and levels, types and methods, which, in fact, should be under the state regulation. Each of these elements is important, because it creates or influences on the systemic relationships formation, rational relationships in social and labor standards, and therefore — failure to achieve the main goal — a high level of labor life quality and because of this improvement of the economic results in the brunch. We think that after the results of our investigation there are grounds to determine the barriers, factors and problematic aspects of the functioning and state regulation of the social dialogue in the Ukrainian retail in the form as at the Picture 1.

However, we note that the obstacles not allow to achieve the objectives of development of the social dialogue. As a result, appears problematic aspects of collective-contractual regulation of the socio-labor sphere. At the same time, under conditions of the state regulation these problematic aspects raise low values for the social dialogue implementation, create new obstacles and increase the impact of negative factors. This is especially important to understand in the context of further improving of the system of the social dialogue state regulation in domestic retail.

But, in today's conditions of functioning retailers in Ukraine, most negotiations within the social dialogue rarely end successfully. Thus, the low level of wages and its material stimulation on the trade enterprises conditioned by the small volume of activity, low financial and economic efficiency, high level of distribution costs, limited purchasing power and high tax overweight on wages. That's why, we think that the disadvantage of the state regulation here is a disagreement policy in socio-labor sphere with stimulation of volume increasing and raise the effectiveness of the economic agents functioning in brunch.

Barriers for the functioning and state regulation of social dialogue in domestic retail are, in particular, high level of informal employment, the existence of involuntary part-time employment, limited practice of implementation new forms of employment and work organization, social cohesion labor power in the sector. All of this confirms the importance of deepening undertaken by the social and economic organs practices of legalization of employment and wages. One of the strategic objectives of the state

Picture 1. Barriers, factors and problematic aspects of functioning and state regulation of the social dialogue in retail in Ukraine (proposed by the authors)

policy of the social dialogue implementation in the Ukrainian retail should consider the development and implementation of the special programs to stimulate self-employment and private business, including, for example, for categories of persons which are return after the employment on abroad.

In 2014 the level of population informal employment was in average 24.8% and in retail — 14.1% [8]. And in 2014 as a part of the trade enterprise personnel 42.9% were employees with vocational-technical education, 18.2% with secondary education. [9] So, as of 1th of January 2015 every second employee of domestic trading companies hadn't higher education.

Increasing of the number of employees with only vocational-technical or secondary education shows the limited financial possibilities of the economic activity subjects to provide training, retraining and advanced training of its own staff. Removing this obstacle needs from the state searching of mechanisms and means for retail enterprises stimulation for the joint with enterprises of other economic brunches creating centers of studying and skills development.

At the same time, the labor market in Ukraine is still labor overweight. Moreover, the supply of labor in the retail is far from the demand for it. In 2014 the number of unemployed citizens who were registered at the State Employment Service totaled 512.2 thousand people when needed only 35.3 thousand people. Among the total number of registered citizens 15.5% were service and trade workers. Note, that in 2015 1.4% of the average number of staff of the trade enterprises which we have investigated, were on leave without pay. Also in 2015 because of the economic reasons was transferred 7.0% of the average number of full-time employees to part-time. The result of these trends was the increasing of the loss of working time on trade enterprises — in 2015 their level was 1.7%, which is 0.3% more than in the previous year. In particular, in 2015, each trade employee, who was on leave without pay, not worked on average 220 hours, and because of the transfer under economic reasons to part-time — in average 255 hours. It indicates that on the retail enterprises is not used in full volume intellectual and human potential, there are infractions of the trade-technological processes continuity, the rhythm of work, and also there is no consistency of interests of all social dialogue participants. The state authorities should also turn appropriate efforts to removal this barrier.

Negatively that there are other problematic issues, whose resolution is possible in the framework of social dialogue implementation at the national retail — low wages (Table. 1).

So, in 2014 the average monthly salary of one staff member in trade totaled 3439 UAH, which is on 429 UAH (14.3%) more than in 2013 [9]. Therefore during the 2007–2014 the size of average monthly wage of trade workers was lower than the average value in Ukraine, confirming lower wages and accordingly the social responsibility of the employers side in this issue within the social dialogue. This does not encourage employees to effective work, improving its quality, labor activity and self-development.

However, there are other barriers to state regulation of social dialogue in the retail in Ukraine. Failure of labor laws norms, conditions of collective and labor agreements

are also the problematic aspects of the social dialogue that prevents the functioning of the collective-contractual regulation mechanism in domestic retail. Using imperfection of low enforcement mechanisms in the system of labor relations, the leaders of trade enterprises found many informal means for the labor costs minimizing. In particular, the practice of fixed-term contracts often implements, it allows to minimize the cost of trade enterprise on reducing headcount and if it is necessary on reducing of workplaces quantity.

Table 1

**Average monthly wage of employees in trade*
and in economy of Ukraine in 2007–2014 years. [1]**

(UAH)

Indicators	Years								Growth rates, %	
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014/ 2007	2014/ 2010
The average wage of one staff member										
- for month	1024	1514	1565	1874	2339	2696	3010	3439	3,4	114,3
- for one paid hour	6,75	9,53	10,70	12,48	14,11	17,29	19,23	22,56	3,3	117,3
Average monthly wage per employee in full-time equivalent	1055	1582	1770	2006	2500	2851	3175	3699	3,5	116,5
The average monthly wage in Ukraine										
- for staff member	1351	1806	1906	2239	2633	3026	3265	3480	2,6	106,6
- for employee in full-time equivalent	1446	1885	2064	2389	2765	3171	3423	3696	2,6	108,0

*including car repairs, household goods and personal consumption

Together barriers and problematic aspects lead to difficult negative effects of functioning and state regulation of the social dialogue in the retail. Negative effect of the influence of barriers and functioning problems in the social dialogue state regulation in the retail is also the deteriorating of conditions of development of social insurance and pension provision. For example, in the retail there are still unresolved such problems, as the functioning of the insurance funded pension system, correlation of the social guarantee level with the size of paid contributions, the inclusion to the general social insurance system new types of insurance (unemployment, accidents, occupational diseases) personification of paying employee pension contributions for the whole working period, the implementation of the new valorizing principle in the correlation of average pension to the average wage, the final abolishment of the current system of the social insurance.

Conclusions and implications. After the research results established that the current main barriers, implementation factors and problematic aspects of the complication

of the state policy of social dialogue implementation in the Ukrainian retail are systematic and they include: insufficient institutionalization and possibilities of the state within the social dialogue, small business volumes and low financial and economic efficiency of business because of the small purchasing power of the population, the high tax pressure on wages, insufficient professional and qualification level of staff, work-shortage conjuncture of labor market, high level of informal employment and the existence of involuntary part-time employment, limited practice of introduction of the new employment forms and work organization, social staff consolidation, unsatisfying development rates of social infrastructure, little experience and examples of social entrepreneurship projects, "weakness" of law and motivation to collective agreements conclusion etc.

At the same time, their removal needs the development and implementation of effective system of the state regulation with activities directed at the socio-labor scope regulation mechanisms improving and providing accordingly higher economic efficiency of labor and financial-economic results of retail as an important sector of the national economy.

Further improvement of the state policy of the social dialogue development in retail in Ukraine is a difficult process that depends on many factors and complex support from the employees, trade unions, employers and their associations, public authorities.

References

1. Rousseau J.- J. (2001), *On the social contract , or principles of political rights*, Cambridge
2. Müller-Armack A. (1996). *About freedom and social justice. Proposals for the implementation of the social market economy. Social Market Economy*, Koln
3. Mill J. (1821), "Elements of Political Economy", available at: <http://www.econlib.org/library/MillJames/mljElm3.html> (Accessed 20 March 2016).
4. Webb B., Webb S. (1936), *Soviet Communism: A New Civilization*, Great Britain
5. Dovbnya V. V. (2000) "Problems and contradictions of social and labor relations in the transitional economy of Ukraine", *Visnyk Harkivskogo natsionalnogo universitetu im. V. N. Karazina: ekonomichna seriya*, vol. 468, pp. 152–157.
6. Blank I. A. (2004) *Trade management*, Elga, Kyiv, Ukraine
7. Marcin V. S. (2006) *Economy of Trade*, Knowledge, Kyiv, Ukraine
8. Bashko V. (2015), "Tax reform: how to become holier than the Pope in one sweep", available at: <http://gazeta.dt.ua/finances/podatkova-reforma-yak-statisvyatishim-vid-papi-rimskogo-za-odin-pomah-.html> (Accessed 20 March 2016).
9. The official site of government service of statistics (2016), available at: <http://www.ukrstat.gov.ua> (Accessed 20 March 2016)

ECONOMIC SECURITY MODELS IN THE MODERN BUSINESS ENVIRONMENT

Iryna Markina,

Doctor of Economics, Professor,

Mykola Syomych,

*Candidate of Sciences in Public Administration, Associate Professor,
Poltava State Agrarian Academy*

Annotation. *The article deals with the problem of typology of economic security models. An analysis of the genesis of the economic security models of the national economy is carried out by authors. The main types of economic security models are summarized and described. The necessity of the economic security model formation, based on the casual approach is proposed by authors. The main internal elements of the economic security of casual model are identified.*

Keywords: *economic security, casual approach, the business environment, the model of economic security threats.*

Statement of the problem. Real-world practice shows that socially oriented and socially responsible model of social development, which provides a sustainable economic development of the country, has become the dominant ideology in the XXI century. Any economic system is exposed to a number of internal and external factors that destabilize the economy and disrupt the balanced development of its basic elements, and ultimately lead to a reduction in the level of social welfare. In the study of issues of economic security of the country one of the major problems is also the well-being of inequality that generates social tension in society. In the process of studying the issues of the economic security of the country we recognize that one of the major problems is also the well-being of inequality which generates social tension in society.

In the context of global integration one of the most important vectors of the economic policy in many countries has become a struggle for sales markets, raw materials and energy resources, as well as the desire to place ecologically dirty and labor-intensive production on the territory of other states. This situation has created many problems in the field of sustainable economic development and general improvement of the living standards of the population. That is why it is very important for us to find the solution of the problem of formation of the national economic security. In fact, the problem of the country's economic security ensuring has become one of the basic conditions for sustainable development of society, which determines the need to build a model of economic security in today's dynamic business environment.

Analysis of the recent investigations and publications and highlighting of the unsolved before parts of the general problem, to which the article is dedicated to. The problem of the typology of economic security models that are now being implemented in the framework of the private and public sector organizations in the domestic and foreign literature are not studied deeply enough. In many ways, this situation is due to the difficulty in determining the criteria for classification. Most often, this or that com-

pany is forced to respond to the challenges arising “upon”, and the range of economic security threats extremely wide [1, 2, 7, 12].

In today scientific literature there is no a uniform approach to the understanding of the optimal model of economic security. However, at the present level of knowledge and research activity in this sphere, the development of a model for the economic security achievement is not only subjectively necessary, but is also objectively true. This is due to the fact that the favorable state of the economic security of the enterprise, organization and region is the financial basis for the economic security of the country as a whole.

Results. Nowadays many researchers consider economic security problem not only as a condition of protection of interests of the individual, society and the state in the production and economic, financial, foreign trade, energy, technology, food and other fields, but also as the creation of conditions to support and improve the quality of life of citizens. Obviously, all this contributes to the sustainable and effective functioning in the enlarged reproduction of the economy mode [1–8].

Formation of the relevance of economic security problem goes to the period of formation of capitalist relations, when the idea of the need to ensure the welfare and safety of the state began to develop in the countries of European civilization. Jean-Jacques Rousseau, a famous Genevan philosopher and writer of the 18th century, in his treatise, called “The Social Contract”, pointed out that the concern for self-preservation and security is the most important of all the concerns of the state. The concept of the security in that difficult historical time was considered as “a certain state or situation, which arises as a result of the lack of a real danger, as well as the availability of financial institutional structure that facilitates the creation and maintenance of this situation” [1].

Further understanding of the economic security issues was based on the idea of society as an integral organism, the functioning of which may be deliberately adjusted in order to improve social welfare. More intensive study of economic security issues started in the 1930–1940-ies of the last century, when the epoch of free competition capitalism finished and the next “administrative revolution” began. This period was concerned with the realization that for the public benefit the market self-regulation must be accompanied by centralized control.

In the existing economic literature the dependence of the economic security of the economic theory is usually considered at a very superficial level. Consequently, it is difficult to understand the reasons which influenced and formed the essential understanding of the changes of economic security. Between the occurrence of the threat and the formation of a package of measures to combat it, there is always an intermediary, i.e. an economic model that is interpreted and reveals the problem.

Organizational structures that are intended to provide protection of the economic security began to take shape in the 20th century, when the main theoretical approaches to the definition of national economic security of the main threats were formed (See Table 1):

the Mercantilism concept of protection against macroeconomic internal threats (16 – 18th centuries);

the Cameralism concept of protection of the external economic safety (the mid 19th century period);

the Keynesian concept of protection against domestic macroeconomic threats (the last third of the 20th century);

the Institutional concept of protection against administrative barriers (the end of the 20th century) [2, 9].

Table 1

Evolutionary models of national economic security understanding
[summarized by authors on the basis of 4, 7, 8, 11]

Specifications of the model	Model name			
	Mercantilism concept	Cameralism concept	Keynesian concept	Institutional concept
The time of occurrence of the model, its main founders	The 16–18 th centuries	The 1840s, Friedrich List	The 1930s, John Maynard Keynes	The 1980s, Hernando de Soto
Formation of the maintenance of the main threat to national economic security	Focus on regulation of entrepreneurial activity	Competition or other actions of foreign states	The inability of the market to ensure the stability of economic growth, unemployment, inflation	The basic state failures (administrative barriers)
The purpose of safeguarding the national economic security	The desired economic activities	Economic independence	Economic and social stability	“Board of Rights”, the protection of property rights
Methods and forms of struggle to ensure national economic security	Protectionist government policies	Protectionist trade policies	State regulation of production, employment and monetary	The reduction of the registration procedures and payments, the fight against bureaucracy and corruption

Such interpretation of the essence of threats often leads to the fact that researchers avoid the development of special economic security models, but merely state the need for a comprehensive provision of this security. However, in practice most of the economic security threats are more specialized.

In addition, the process of comprehensive economic security is costly and time consuming, and this is particularly noticeable in the context of business restructuring processes. It is known that the total security costs should not exceed the useful effect, resulting from the implementation of appropriate measures. Therefore, in the process of determining the optimal version of “integrated security” it is very important to provide for the possibility of differentiation of economic security models, depending on various factors. Moreover, it should be noted that the process of economic security re-

quires a flexible, often prompt response to the challenges of the current market situation.

On the basis of the results obtained on the available data, it seems possible to propose the following classification of economic security models.

First of all, depending on the degree of urgency all the economic security models of the organizations can be divided into strategic and tactical ones. Most public and private businesses are interested in the formation of the strategic scheme, able to protect their interests and their welfare. Many large companies and businesses, whose activities are related to state secrets, generally consider the process of ensuring their own economic security in the national security context, and are oriented at the same time on all sorts of “doctrines” and “strategies”. Tactical model for enterprises is considered to be an “extraordinary” and even “forced” one. It greatly depends on the specific of business organization. For example, in the non-manufacturing sector of the national economy (finance, retail, insurance), the risks are always inevitable, and they are pre-counted by the top-management and the staff of the company, but in enterprises, economic activity of which is related to the production, the successful development is possible only due to the complete rejection of the excessively risky management decisions [3].

Secondly, the next classification of the models of economic security formation is concerned with their differentiation into simple and layered ones according to the degree of depth of building protection. Most often enterprises create simple, single-stage economic security protection systems. This is due to the rational nature (layered model of economic security of the business is much more expensive than the simple one), and the underestimation of rival options. The layered models of economic security are often used in the “technical” level. This assumes several “levels of protection” of the enterprise. Layered protection strategy traditionally includes prevention and computer hacking within information security provision of the company [11].

Thirdly, the classification of economic security models can be formed on the basis of the level of protection in the case of any threats. Thus it is necessary to distinguish between dynamic, static and mixed model. Besides, it is possible to allocate dynamic, static and mixed models. Static model involves “defensive” as in case of the normal conduct of business, and in case of the “unexpected scenario”. This approach is based on understanding of the economic security as a “protection”. However, it almost does not consider the dynamics of the economic situation, the emergence of new threats to the modern requirements of openness and transparency in conducting business activities, not taking into account that such a model of “defense” is inappropriate for the situation of competition, when the defense is actually a defeat, and for the situation business restructuring [2].

Fourthly, some authors identify three basic models of economic security (social, economic and environmental) according to the basis of their focus. Thus, it is necessary to distinguish economic security between these models on the regional level. For example, the social model is based on demographics, the level and quality of life (birth and death rates, life expectancy, morbidity, average and minimum wages and pensions in comparison with the cost of living, the difference in income between the individual

layers of the population, consumption of most important kinds of food and provision of durable goods, crime and so on) and the dynamics of employment; the proportion in the population of citizens with incomes below the subsistence minimum; average life expectancy; the income gap between groups; crime rate, etc. Economic and financial models are based on the measure of the infrastructure (the reproduction dynamics, performance and degree of wear and tear, technical accidents, the number of infrastructure), the state of fiscal and credit systems, the provision of financial and material resources, the most important regional requirements, availability of resources, the performance of individual delegated state powers; the effectiveness of the system of state authority, legal and administrative control mechanisms; the political climate in the region. Environmental models are based on the state of the environment and ecology; the use of mineral resources, land and water resources, mineral resources; introduction of modern, environmentally friendly, resource- and energy-saving technologies [8].

And finally, depending on the ability to adapt to economic threats, the control mechanism of economic security may be regarded as a management technology based on one of the following models for the implementation of this mechanism:

an active behavior model, which means that a certain business entity is willing to adapt to economic treats, and the pace of the adaptation is quite high. The core principles of adaptation, which are related to the nature and scale of the changes, are developed. The nature of the adaptation system is based on system approach, which covers all the possible areas;

a conservative behavior model, which is used for the passive business entities only. There are no active steps to market and all the problems are solved on the traditional way and even at the level of the state. The pace of adaptation is low. Models and principles, necessary for efficient adaptation, are not developed. Adaptation is usually local in nature;

a mixed behavior model is widely used in the case of adaptation, which is dependent on the intensity and the outstanding impact of environmental factors. Pace of adaptation is much lower than in the active model. There are general principles of adaptation and ways of behavior, but the model is not developed [10, p. 134–135].

Based on the diversity of the above-considered models, we believe that economic security is a process of predicting and preventing extensive losses from the negative effects on their economic security in various aspects of financial and economic activity. Consequently, the effective result of the entity to ensure the profitability and sustainability of the business can be reached directly by forecasting and timely prevention of losses, which represent a threat to economic security.

On the basis of previously obtained results we propose a causal model to allocate the economic security of the business entity. The basis of its formation is to understand the economic security as a set of external conditions and factors endangering the functioning of the business entity and the implementation of organizational interests. The fundamental difference of this model from the previously discussed is that the economic security of the assessment there is a transition from the study of the internal environment to the observation of the environment. Assessment of economic security is to determine the impact of existing and potential hazards of the enterprise behavior,

which is particularly important in the context of economic integration and globalization processes. The concept of the economic security of the model is shown below (See Figure 1).

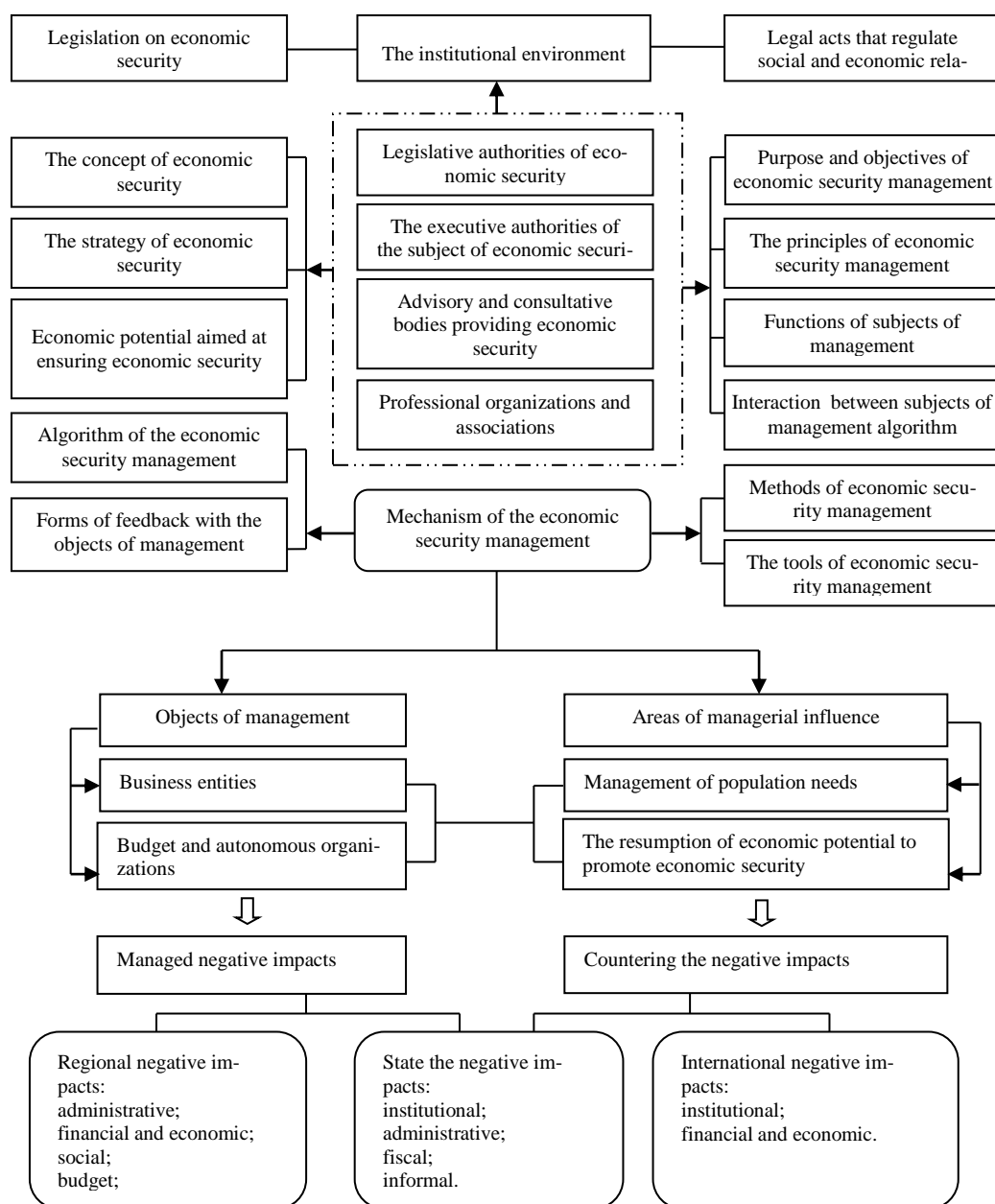

Figure 1. Causal model of information security of the business entity [proposed by author on the basis of 2, 3, 12]

As we can observe from Figure 1, economic security model has its own internal structure, which includes the following elements:

- economic independence, which is not absolute, because the international division of labor, inter-sectoral and inter-regional physical and financial flows, the relationship between the individual companies form different economic systems (from the country as a whole to individual enterprises), which are interdependent on each other;

- stability, balance and sustainability of the economic system, involving at national, regional and sectoral levels, protection of property in all its forms, to create reliable conditions and guarantees for entrepreneurial activity, deterrence factors that could destabilize the situation, providing the existing inter-sectoral and inter-regional proportions of the necessary resources; at the enterprise level it is the ability to produce competitive products, providing all kinds of resources, strengthening financial stability;

- the ability to self-development and progress, which implies the presence of industrial, scientific and technological potential, creation of a favorable climate for investment and innovation, continuous improvement, organization of production, improvement of professional, educational and cultural level of workers [3, 5].

The main objectives of the proposed economic security model should be the following ones:

- improvement of the investment climate on the basis of ensuring the effective property rights protection, improvement of the regulatory and corporate law and restrictions manifestations of monopoly;

- development of financial and capital markets;

- reforming the tax system, as well as appropriate security orientation of fiscal policy to reduce the proportion of all components material costs;

- more efficient use of resources, ensuring effective control of natural monopolies, the transparency of the use of financial resources, the efficiency of the tariff and regulatory policy;

- the direction of economic policy measures to strengthen the financial condition of the business entities to ensure their focus on increasing profitability and capitalization;

- along with implementation of the state policy of export promotion, especially high-tech, it is necessary to provide outpacing the expansion of the internal market, to avoid critical dependence of the national economy on world markets;

- improving the competitiveness of the national economy is not possible with the current level of innovation activity of enterprises, which are necessary for the formation of the national innovation system, the expansion of investment opportunities for innovative projects [6].

Conclusion. This led us to the conclusion that consideration of the model from the perspective of the casual approach allows to get a broad overview about the object of economic security, to identify the main problem areas that are most susceptible to the occurrence and effects of threats, to determine the subjects, whose actions may lead to their implementation, to focus on risk assessment methods, as well as to develop practical measures to ensure economic security. In general, the development of casual model of economic security requires a comprehensive solution of issues of organiza-

tional, legal, scientific, methodological, analytical, informational and expert support activities in this area, which is the purpose of further research and development.

References:

1. Von Peter Dortans. Sicherheit im Gespräch. — Retrieved from the web-site of the Free University: http://www.fu-berlin.de/presse/publikationen/fundierte/archiv/2005_01/05-01_dortans/index.html de (April 25, 2016).
2. Bunchuk M. A. Innovation and technology policies in the social market economy / M. A. Bunchuk // *Science and science of science: an international scientific journal*. — 2001. — № 2. — P. 98–103.
3. Haiduk V. Development of fuel and energy complex of Ukraine as the basis of its economic security / V. Haiduk // *Economics of Ukraine*. — 2001. — № 5. — P. 4–11.
4. Donets L. I. The economic security of the enterprise: a tutorial / L. I. Donets, N. V. Vashchenko. — K.: Center of educational literature, 2008. — 240 p.
5. Yermoshenko M. Determination of a threat to national interests of the state in the financial and credit sector / M. Yermoshenko // *Economics of Ukraine*. — 1999. — № 1. — P. 4–12.
6. Zhalilo Y. A. Economic strategy of the state: the theory, methodology and practice: monograph / Y. A. Zhalilo. — K.: NISS, 2003. — P. 53–87.
7. Kasperovich S. A. Diversified model of non-equilibrium dynamics for forecasting the development of the industrial complex of Belarus / S. A. Kasperovich, V. Y. Asanovich // *Belarusian Economic Journal*. — 2004. — № 4. — P. 65–78.
8. Kowalski V. On the issue of improvement of energy and environmental security of Ukraine / V. Kowalski, A. Holodnikov M. Hryhorak, O. Kosarev, V. Kuzmenko // *Economics of Ukraine*. — 2000. — № 10. — P. 34–41.
9. Livshits V. The key terms of the increasing of quality of life of the population / V. Livshits // *Statistics Issues*. — 2004. — № 11. — P. 14–19.
10. Novikov D. A. Mathematical models of the formation and functioning of teams / D. A. Novikov. — M.: Publisher of physical and mathematical literature, 2008. — 184 p.
11. Senchagov V. K. Economic security: geopolitics, globalization, self-preservation and development. — M.: Finstatinform, 2002. — 128 p.
12. Shlykov V. Economic security (what it costs to business entities to protect property and ways to minimize possible losses) / Shlykov V. // *RISK*. — 1997. — № 6. — P. 55–70.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОЛИЧЕСТВА ТУРИСТОВ, КОТОРЫЕ МОГУТ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ УСЛУГАМИ ТУРИСТИЧЕСКИХ ТРАНСПОРТНЫХ КОМПАНИЙ

Лариса Марценюк,

*доцент кафедры Экономики и менеджмента,
Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна*

Theoretical and methodical approach to definition of the number of tourists who can use the services of tourism transport companies

Annotation. The author proposes a new methodological approach to the determination of the number of potential prospective tourists. It is based on the coefficient group, taking into account certain factors that are directly related to the tourism industry.

Keywords: transport, tourism, tourist traffic, infrastructure, railway

Вступление. В последние десятилетия в мировом сообществе наблюдается тенденция стремительного развития индустрии туризма. Отдельное место среди всех видов путешествий занимает железнодорожный туризм [3]. По мнению автора, Украина имеет достаточный историко-культурный потенциал для развития железнодорожного туризма, однако, пока остро стоит проблема обновления и развития инфраструктуры как железнодорожного транспорта, так и тяготеющих к железной дороге объектов туристической отрасли [5].

В новых рыночных условиях, особенно учитывая процедуру акционирования украинских железных дорог, которая произошла в октябре 2015 года, возникла необходимость в новой методике прогнозирования количества туристов, желающих пользоваться полным комплексом туристических услуг, смотровыми путешествиями и трансфером на несколько лет.

Проблемы туристической деятельности и туристических путешествий подробно рассмотрены в работах украинских ученых: В. В. Абрамова [1], Е. С. Алешинского [6], Ю. С. Бараша [2], В. Г. Гуляева [4], В. Г. Кузнецова [7], И. М. Писаревского [8], П. А. Пшинько [7], В. И. Стрельца [9], Н. В. Черненко [10], и мировых ученых: Р. Батлера, Х. Кима, Н. Лейпера, С. Медлик и др. Они изучали вопросы внедрения туристических поездов на железных дорогах, развития и обновления инфраструктуры, возможности повышения конкурентоспособности железнодорожного транспорта и соответственно роста доходности пассажирского хозяйства за счет развития железнодорожного туризма.

Однако в их работах не затронуты вопросы прогнозирования потенциально-го количества туристов в том или ином регионе, никем из вышеперечисленных авторов не предложена универсальная методика прогнозирования количества туристов.

Целью статьи является разработка новой методики прогнозирования количества туристов, желающих пользоваться полным комплексом туристических услуг, смотровыми путешествиями и трансфером на несколько лет.

Изложение основного материала. Регионы Украины могут пользоваться спросом как отечественных так и зарубежных туристов из разных стран мира, желающих путешествовать железнодорожным транспортом (рис. 1). Условно их можно разделить на пять основных потоков, каждый из которых имеет свой туристический потенциал.

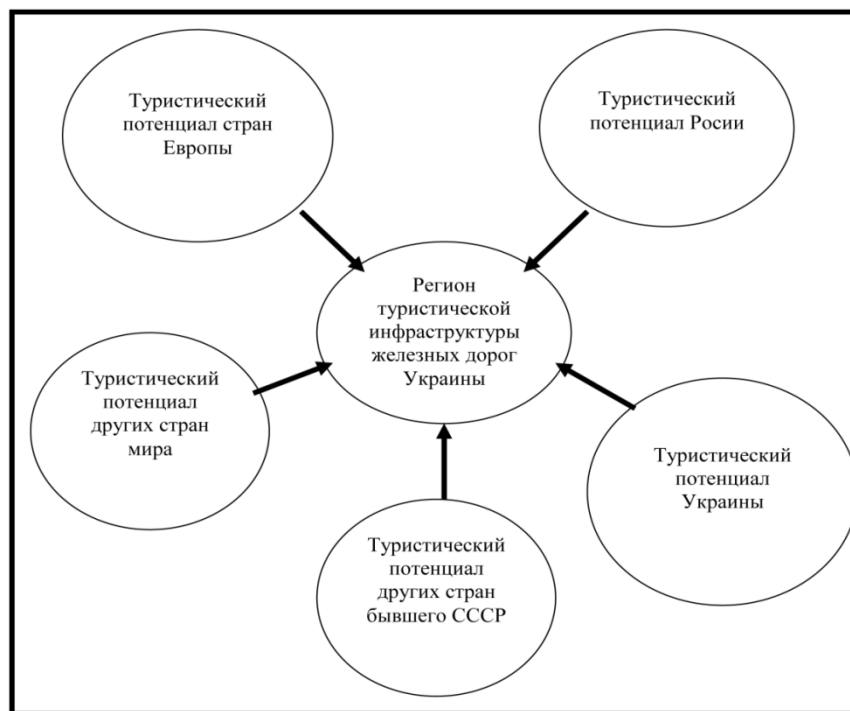

Рис. 1 — Модель перспективного спроса туристов из разных стран и регионов мира на туристические железнодорожные путешествия

Источник: Разработка автора

Наибольший потенциал у Украины, поскольку в последние годы происходит переориентация ее жителей на отдых в Западной Украине вместо курортов Крыма, Египта, Турции из-за резкого падения курса гривны, что привело к снижению покупательской способности украинского населения.

Существенно снизилось количество отдыхающих граждан России, из-за обоюдного негативного отношения россиян и украинцев в связи с политическими событиями, произошедшими на протяжении 2014–2015 годов. Туристический потенциал туристов из России резко снизился. Еще существует определенный интерес к туристическим поездкам в Украину со стороны туристов из других стран бывшего СССР, но этот поток также значительно снизился после аннексии Крыма, однако при всем этом отмечается незначительный спрос на туристические путешествия в Закарпатский и Львовский регионы.

В то же время появился больший интерес к туристическим путешествиям в Украине со стороны граждан европейских стран, особенно из Польши, Чехии, Словакии, Венгрии и Румынии, которые имеют с Украиной общую границу. Пятый поток туристов из других стран мира, желающих путешествовать по железным дорогам Украины, только лишь начинает развиваться. Но военные действия на Донбассе и аннексия Крыма существенно уменьшают спрос на эти путешествия из-за боязни иностранцев пересекать границу Украины. Такие существенные изменения, которые происходят на туристическом рынке Украины, требуют досконального учета всех показателей, влияющих на определение туристического потенциала самой Украины и ее основных поставщиков.

На туристический потенциал любой страны мира влияет общее количество, возрастная структура и мобильность ее населения, жизненный и культурный уровень жителей, а также их спрос на туристические путешествия (рис. 2). Но не все слои населения отдают предпочтение железнодорожному транспорту, поэтому в формуле 1 показаны коэффициенты, учитывающие только ту часть населения страны, которая желает путешествовать и отдыхать с использованием поездов.

Наибольшее количество туристов, желающих путешествовать железнодорожным транспортом, находится в самой Украине. В последние годы регионом повышенного спроса стали узкоколейные железные дороги Закарпатья. В этот регион в развитие железнодорожной и сопутствующей туристической инфраструктуры планируют вкладывать средства украинские и зарубежные бизнесмены.

На количество туристов, желающих ознакомиться с Украиной, влияют многие факторы, основными из которых являются: военные события и общественный порядок в стране, взаимоотношения между странами, из которых прибывают туристы, уровень полученных туристических услуг и др. Дальнейшие исследования по определению перспективной численности туристов, которые будут пользоваться услугами железнодорожных туристических компаний и ее контрагентами, автор предлагает выполнять по формуле (1):

$$\text{ПКТ} = \sum_i^s \text{КНК}_i \times \text{К}_{\text{пт}} \times \text{К}_{\text{пу}} \times \text{К}_{\text{мо}} \times \text{К}_{\text{эт}} \times \text{К}_{\text{смк}} \times \text{К}_{\text{ртп}} \times \text{К}_{\text{вгс}} \times \text{К}_{\text{жрт}} \cdot \text{К}_{\text{жру}}, \quad (1)$$

где КНК_i — количество населения любой страны, чел.;

$\text{К}_{\text{пт}}$ — коэффициент, учитывающий годовой спрос на туристические путешествия в любой стране мира, доля. Определяется по результатам статистического анализа каждой страны отдельно;

$\text{К}_{\text{пу}}$ — коэффициент, учитывающий годовой спрос на туристические путешествия иностранцев именно в Украине, доля. Определяется по результатам статистического анализа каждой страны отдельно;

K_{mo} — коэффициент, учитывающий интерес туристов к конкретному региону Украины, доля. Определяется по результатам статистического анализа каждой страны отдельно;

K_{zt} — коэффициент, учитывающий спрос на туристические путешествия железнодорожной инфраструктурой, доля. Определяется по результатам статистического анализа каждой страны отдельно;

K_{cmk} — коэффициент, учитывающий отношения между туристами страны контрагента и Украины, доля. Определяется по результатам статистического анализа каждой страны отдельно;

K_{vgs} — коэффициент, учитывающий военные события и общественный порядок в Украине, доля. Определяется по результатам статистического анализа каждой страны отдельно;

K_{rtp} — коэффициент, учитывающий уровень туристических услуг и комфорта в Украине, доля. Определяется по результатам экспертного анализа и Интернет-анализа отдельных туристов;

$K_{жр}$ — коэффициент, учитывающий жизненный уровень страны, из которой прибыли туристы, доля;

$K_{пт}$ — коэффициент, учитывающий жизненный уровень жителей Украины, доля;

S — количество стран, которые являются основными поставщиками туристов в Украину, ед. Для практических расчетов S не может превышать 20 стран. Все указанные коэффициенты имеют значения меньше единицы, и их величина должна определяться отдельно для каждой страны.

Кстати, предложенный метод определения прогнозного количества туристов не всегда дает необходимый результат, поскольку указанные выше коэффициенты рассчитываются в некоторых странах, а в некоторых областях Украины местные власти не имеют даже реальных отчетных данных о количестве отдыхающих в регионе.

Кроме указанного выше методического подхода в перспективных районах, не имеющих существующей, или развитой туристической инфраструктуры, автор предлагает другой научный подход расчета туристического потенциала.

Рассчитать прогнозное количество отдыхающих в районе тяготения таких железных дорог очень трудно, так как не до конца спрогнозирована туристическая инфраструктура указанного района, а именно количество: гостиниц, баз отдыха, туристических городков, ресторанов, местных достопримечательностей, музеев и др. Кроме того, от вместимости туристической инфраструктуры зависит количество работающих и местных жителей, которые будут пользоваться железной дорогой как средством проезда на работу и трансфером.

Рис. 2 — Основные факторы, влияющие на определение количества туристов, которые могут пользоваться железнодорожным транспортом и окружающей туристической инфраструктурой для заданного региона Украины.

Источник: Разработка автора

Без досконального исследования указанного региона невозможно спрогнозировать количество туристов, которые будут пользоваться туристической инфраструктурой в районе железной дороги, поскольку часть этих туристических потоков будет переориентирована и задействована в новом проекте.

В этом случае перспективное количество туристов, которые будут пользоваться узкоколейной железнодорожной линией и туристической инфраструктурой нового района можно определять по формуле (2).

$$\text{ПКТ} = (\text{ПКВГ} + \text{ПКОЕ}) \cdot K_{\text{тур.рлч}} + \text{ПКПР} \cdot K_{\text{пр.рлч}} + \text{ПКММ}, \quad (2)$$

где ПКВГ — прогнозируемое количество туристов, которые в течение года будут пользоваться местными отелями, частными апартаментами и железнодорожным трансфером, чел.;

ПКОЕ — прогнозируемое количество туристов, которые в течение года будут пользоваться железнодорожными обзорными экскурсиями, чел.;

ПКПР — прогнозная численность работающих рабочих, которые в течение года будут пользоваться железной дорогой, чел.;

ПКММ — прогнозное количество местных жителей, которые в течение года будут пользоваться железной дорогой, определяется в зависимости от численности населения, проживающего в зоне тяготения, с учетом коэффициента, который учитывает долю населения региона, которое будет пользоваться этой железной дорогой, чел.;

$K_{тур.р\dot{u}ч}$ — прогнозный коэффициент, учитывающий колебания количества туристов в течение года;

$K_{пр.р\dot{u}ч}$ — прогнозный коэффициент, учитывающий колебания количества работающих рабочих в течение года.

В свою очередь, прогнозируемое количество туристов, которые в течение года будут пользоваться железнодорожными обзорными экскурсиями на первый период 1–2 года, можно определить по количеству смотровых маршрутов, по которым будут проводиться экскурсии, количества специальных железнодорожных поездов на каждом из них (3)

$$ПКОЕ = \sum_{y=1}^m ПКП_y^i \cdot n_{сеп}^i \cdot ПКМ_y \cdot m_y, \quad (3)$$

где $ПКП_y^i$ — количество туристических железнодорожных поездов на y — м маршруте за один день, ед.;

$n_{сеп}^i$ — средняя расчетная населенность i -го туристического поезда на y — м маршруте за год, чел.;

$ПКМ_y$ — количество обзорных туристических маршрутов в прогнозном году, ед.;

m_y — среднее количество рабочих дней i -го туристического железнодорожного поезда на y — м маршруте на прогнозный год, дней.

Научная новизна и практическая значимость. Автором предложен новый методический подход к определению перспективной численности потенциальных туристов, которые имеют возможность пользоваться туристическими путешествиями с использованием специального подвижного состава, основанный на использовании группы коэффициентов к существующей численности населения любой страны, которые учитывают спрос на туристические перевозки железнодорожным транспортом, интерес к конкретному региону страны, отношения между туристами из разных стран, общественный порядок и военные события в

Украине, уровень туристических услуг, жизненный уровень стран, из которых прибывают туристы и жителей Украины.

Также автором в данной статье предложен научный подход к определению перспективной численности потенциальных туристов в некоторых районах Украины, которые не имеют существующей, или развитой туристической инфраструктуры, учитывающий годовое количество туристов в зависимости от наличия мест в местных гостиницах, частных апартаментах, количества обзорных экскурсий, работающих рабочих и местных жителей, что позволит спрогнозировать количество подвижного состава, железнодорожных и автомобильных трансферов и емкость туристической инфраструктуры.

Выводы. Прогнозируемое количество туристов, которые в течение года будут пользоваться местными отелями, частными апартаментами и железнодорожным трансфером ПКВГ, может быть ориентировано рассчитано по количеству мест в гостиницах и апартаментах, которые находятся в туристической инфраструктуре, расположенной в районе тяготения железной дороги, с учетом среднегодового количества отдыхающих и коэффициента, учитывающего количество желающих воспользоваться железнодорожным трансфером.

$$\text{ПКВГ} = \left(\sum_{z=1}^r \text{КМГ}_z + \sum_{p=1}^w \text{КМА}_p \right) \cdot K_{cp} \cdot K_{non}, \quad (4)$$

где КМГ_z — количество мест в z -той гостинице, которая находится в зоне тяготения железной дороги, ед.;

КМА_p — количество мест в p -тых апартаментах, которые находятся в зоне тяготения железной дороги, ед.;

K_{cp} — коэффициент, учитывающий среднегодовое количество отдыхающих в отелях и апартаментах, доля;

K_{non} — коэффициент, учитывающий спрос туристов на пользование железнодорожным трансфером, доля.

Прогнозная численность работников отелей, ресторанов и других работников ПКПР рассчитывается в зависимости от общего количества туристов и отдыхающих с учетом коэффициента, определяемого их соотношением в пределах конкретной области.

References:

1. Abramov V., Tonokoshkur M. The history of tourism / V. Abramov. — Kharkiv, KNAME Publ., 2010. 294 p.
2. Barash Yu., Kravchenko A., Yasnetsov O. The development of railway tourism in Ukraine / Yu. Barash, A. Kravchenko, O. Yasnetsov. — [Proc. of the Dnipropetrovsk National University of Railway Transport named after Academician V. Lazaryan «Problems of the Transport Economics»], 2014, issue 8, pp. 7–11.
3. In the world. Available at: <http://vsviti.com.ua/collections/18902>.

4. Huliaiev V. Organization of tourist traffic / V. Huliaiev. — Moscow, Finansy i statystyka Publ., 2001. 512 p.
5. Martseniuk L. Main directions of development of tourism in Ukraine Transport / L. Martseniuk. — Science and Transport Progress. Bulletin of Dnipropetrovsk National University of Railway Transport, 2013, no. 47, pp. 24–32.
6. Aloshynskiy Ye., Balaka Ye., Sivakoneva H., Svitlychna S. Preconditions of creation of transport-logistic clusters in the framework of international transport corridors [Materials of the ninth International Scientific and Practical Conf. «Problems of Intern. Transport Corridors and a Unified Transport System of Ukraine»]. Koktebel, UkrDAZT Publ., 2013, pp. 87–89.
7. Kuznetsov V., Pshinko P., Klimenko L. Perspectives of Ukrainian railway tourism development on narrow-gauge lines of Zakarpattia / V. Kuznetsov, P. Pshinko, L. Klimenko. — Science and Transport Progress. Bulletin of Dnipropetrovsk National University of Railway Transport, 2015, no. 4 (58), pp. 23–33.
8. Pysarevskiy I. Tourism as a national priority. / I. Pysarevskiy. — Kharkiv, KNAME Publ., 2010. 284 p.
9. Strilets V., Yalbuhan O. Organization of railway tourism in Ukraine as a factor of increasing the profitability of the industry. / V. Strilets, O. Yalbuhan. — [Proc. of the Dnipropetrovsk National University of Railway Transport named after Academician V. Lazaryan «Problems of the Transport Economics»], 2011, issue 2, pp. 114–117.
10. Chornenjka N. The organization of the tourism industry / N. Chornenjka —K.: Atika, 2006. — 264 p.

OBJECT-SUBJECTIVE COMPONENT IN THE RURAL DEVELOPMENT OF UKRAINE

Aleksandr Pavlov,

Doctor of Economics, Professor,

Odessa National Academy of Food Technologies

Annotation. *The article substantiates the relevance of the scientific and practical significance of the rural development in Ukraine, taking into account availability in our country of fertile agricultural land, favorable natural conditions for production of agricultural food products, significant proportion of the rural population. It reveals essential features of the rural territories as an object of rural development, role of rural development entities in the revival and regeneration of rural natural and socio-spatial formations.*

Keywords: *object of rural development, ruralizm, rural development, rurality, rural territories, subjects of rural development.*

At the present stage, rural development in Ukraine plays a key role in the implementation of European integration course of our country, which has a great potential of land and other natural resources and favorable natural conditions that allow to become a major supplier of food to the world markets. In this context, scientific relevance and practical importance are applied to the issue of the object-subjective component in the rural development of Ukraine.

This study is based on the hypothesis that determines the rural development as the timeless phenomenon in the development of the world community as a whole and Ukraine in particular. In our previous publications the connection of the rural development with the rurality as a certain state of society, type of life activity, predominantly agrarian way of production of material goods, type of social development and social system in its time and spatial measurements was justified [1], and the rural context of global economic development of Ukraine analyzed [2]. It is also important to identify the object of rural development, its space boundaries, driving forces of this development, which will reveal the essential characteristics of rurality as the dynamic development of rural life in its various aspects.

At all times, the attributes, exponents of rural identity, were represented by the peasantry (social group), agricultural labour (main type of economic activity and the way of existence for the peasantry) and village (type of a settlement, space of life activity for the peasantry and other social strata of the rural population). That is why the rural development first of all was associated with the agricultural development of the rural space which in turn was determined by the extent of availability of natural resources and geographic location or factors of the 'first nature' after P. Krugman [3, p. 38]. It is the availability of agricultural lands, forests, water, fauna resources, natural zone sequence, favorable climatic conditions that added agrarian features to the rural development as a sectoral sign of the rurality.

With the social development, improvement of its technical and technological levels, the agrarian way of production have been losing its features of flexibility, while remaining dominant in the rural space. At the same time, the traditionally rural, primary sectors (agriculture, fishing, hunting, forestry) were supplemented with recreation,

green tourism, and the secondary (food production and processing) and tertiary (trade, services) economic activities.

At the background of these changes, the ideas about the countryside as a space segment featured by the natural properties have been transformed. Image of rural areas as an object of the rural development having public properties that can serve as a space basis for population location, production and economic, social and other facilities formed in the process of economic and social development of the rural space have been gradually formed. In this sense, rural areas (an object of the rural development) are seen as a complicated by its structural composition natural and social and spatial formation that brings together economic, social and environmental components consisting of such elements like population, settlements, industrial and economic complex, infrastructure, lands for agricultural and other purposes, natural environment. However, non-farm activities that have appeared in the spatial boundaries of rural territories cannot substitute the agri-food function performed by the rural population. In other words, production of food, social improvement of the rural habitat remains to be socially significant tasks of the rural development.

Given the public importance of the rural areas (guaranteed food security for the country; achievement and maintenance of the balance between economic, social and environmental developments; alignment of life conditions for the rural and urban population; formation of a favorable living environment, preservation of the peasantry as the exponent of Ukrainian national identity; social control over the territory), the issue of positioning the tasks for rural development in its objective aspect becomes actual (Fig. 1)

Determination of the rural development as a multidimensional process that occurs in the spatial boundaries of the rural areas, in terms of designated tasks, requires for re-evaluation of importance of the 'second nature' factors for rurality [3, p. 39], namely the benefits created by human activity (high density of population; human capital, institutions that contribute to the improvement of the business climate, mobility of population, distribution of innovation).

This approach allows the subjective component of the rural development to be identified by the way of determination of the adequacy of attitude of different members of the society being the carriers of specific interests to the rural areas as a socially important value, i.e. it is a question of determining the substantive side of the public interest, and therefore the intended involvement in the life of rural areas as an object of the rural development. In this case, we have in mind the participants of rural development not in the traditional sense as the subjects of control, but as a driving force of the process itself. Here, the mental basis of behavior of various representatives of rural and non-rural society has come to the fore.

An inextricable link between the behavior and mentality of the rural development subjects is confirmed by the mentality structure that includes emotional, cognitive and behavioral components [4, p. 17]. In this sense, the mentality is presented as a complicated social and psychological phenomenon. Its first (base) layer, in our view, is represented by fringe of consciousness, mentality and cognitive sphere, the second (essential) by the spiritual sphere and the sphere of images, and the third (functional) by the

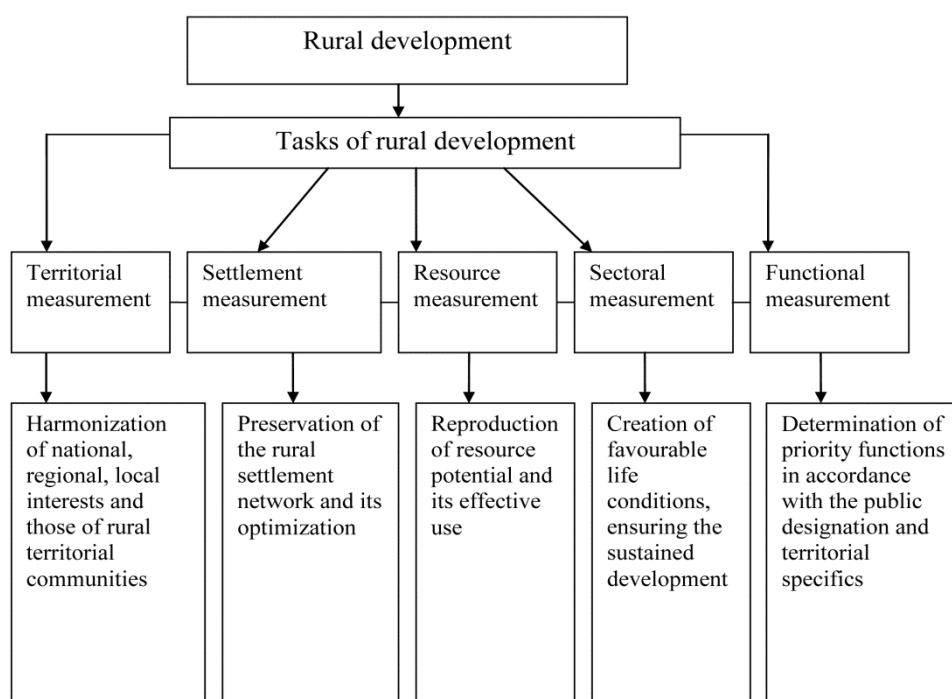

Figure 1. Tasks of the rural development in its objective aspect

sphere of activity. On this basis, we can assume that mentality is actively involved in the development of the rurality object, the rural areas. First of all, certain individuals, communities of people by taking part in the transforming activities in the rural areas, are guided with a certain system of believes, mentalities, and traditions. In addition, the human consciousness in the process of this activity is formed and secured with some type of space mentality — thoughts, images, feelings and sensations where the real space is reflected. Thus, mentality is a specific sphere that exists simultaneously with the space where its carriers live.

The diagram for subjective aspect of the mental space for the object of rural development is shown in Figure 2.

As the Figure shows, mentality of both rural and urban population is featured by duality. The mental structure of representatives of public authorities and businesses is more homogenous. Moreover, the attitude to the rural areas as a goldmine of life values related to their closeness to nature, with a space within which food and agricultural raw materials are produced is inherent in all subjects of rural development.

With the representatives of big business, rural areas are associated with huge tracts of fertile agricultural land and other natural resources, low land rent. For large agri-business corporations, an economic interest comes to the fore, and consequently, the amount of profit, while the social as well as natural environments take second place and are considered as nothing more than a factor of production.

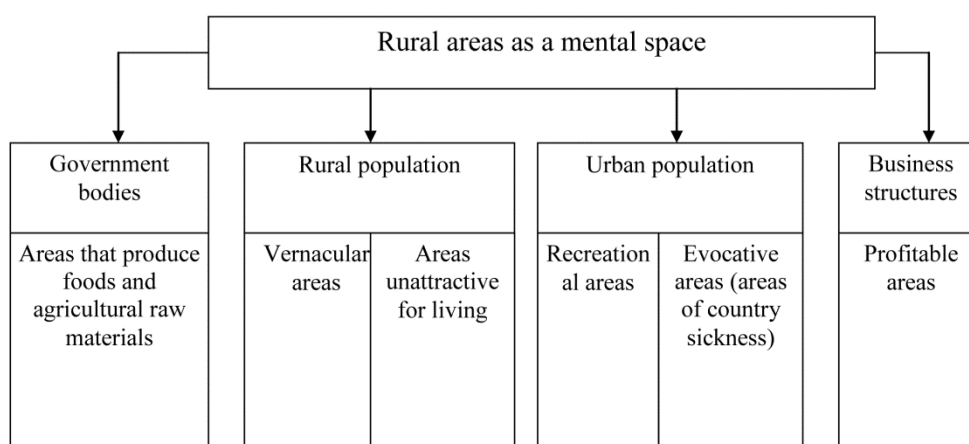

Figure 2. Diagram for subjective aspect of the mental space of rural areas

Differentiation in perception of rural areas and tasks of rural development by the urban population is determined by their identification as the citizens of different generations. Townspeople in the first and second generation have a sense of nostalgia for their native land.

At the same time, many of them also tend to forget their 'rural' past as soon as possible. It was greatly facilitated by the process of urbanization. Cities have formed in the public mind the image of areas more attractive by living conditions than the rural ones. Citizens of the third and over generation believe that the public benefit of rural areas lies in their ability to provide recreational and wellness services. Almost the majority of the urban population has the consumer attitude to the object of rural development with no binding obligations to the rural areas.

Theoretically, the only real driving force of the rural development is the rural population united in the territorial communities under formal grounds (place of residence). However, it does not have the necessary financial base. Business entities represented by farms restrict their economic activities with satisfaction of personal needs at the level of simple reproduction. Active participation of small agricultural businesses and farms in the rural area development is constrained by lack of financial resources, agricultural equipment, cooperative relations, and production infrastructure.

The situation worsens by imposition to the rural population, through the media, advertising, school education, social success and marketing and business practices, of high consumption standards concentrated in urban areas, which will materialize in migration attitude of rural youth. Most of the rural pensioners, being on the edge of physical survival, cannot be taken seriously as an active participant of rural development. Perception of rural areas as vernacular (from the English *vernacular* – native, local, folk) is inherent predominantly in rural population of suburban and coastal areas, which are featured by dynamic development.

By the status, public authorities are intended not only to perform the function of integrator of public interests, but also to be active participants of social transformation to be undertaken for revival of rural areas. However, these subjects have a simplified and utilitarian view of these natural and socio-spatial formations as a supplier of food and agricultural raw materials. Actually, rural areas not only guarantee food security, but also contribute to the preservation of natural landscapes and reduce negative effects of manmade disasters. We are talking about public goods that are not valued at market performance criteria, the value of which has not yet received governmental support.

The subjective component of the rural development is constrained by administrative practice prevailing in Ukraine, which is related to the directed distribution of functions, authority and competence of the governing entities in rural areas, originating not from the people as a source of power, but from the government institutions. It should be carried out as follows: a citizen (sovereign, self-governing entity) → territorial community → local self-governing authorities, district public authorities → regional public authorities → central and supreme bodies of state power. However, given the duality of public authorities, in practice, we have two distribution channels for power functions. The first, the state one is operating at the horizontal level in the form of three branches of authority: the legislative, executive and judicial. The executive branch is represented in vertical cut by three hierarchical levels: district, regional and national. Local self-government also has three levels, the basic, district and regional. Their relationship is as follows: the basic level of self-government (territorial communities) → 0 (public authorities are not represented at this level); district level of local self-government (district councils) ↔ district state administrations; regional level of local self-government (regional councils) ↔ regional state administrations; 0 (local self-government authorities at this level are not represented) ← the Cabinet of Ministers of Ukraine; central bodies of executive power of general and special jurisdiction.

Based on the study of object-subjective component of the rural development in Ukraine we can make a conclusion about contradiction that exists between the important public purpose of the rural areas as an object of this development, and the passive role of subjects aimed at their social position to fulfil the role of rurality engine.

Resolution of this conflict requires for introduction of the ruralism in the public consciousness as a worldview and ideology for rurality. This will contribute to the promotion of the values of the rural way of life, preservation of the peasantry as a primary form of social existence and its natural basis.

Practical steps related to the dynamic rural development involve consideration of a model for rural development in Ukraine, which will include the objectives of each of the subjects of transforming activities in rural areas.

References:

1. Pavlov, A. Rurality: time and spatial measurement /Pavlov, A. //Application of New Technologies in Management and Economy: ANTIm 2016 (5th International Conference, 21–23 April 2016, Belgrade, Serbia). — Proceedings Volume 2; editor prof. dr Maja Andjelkovic. — Belgrade: University «UNION-NIKOLA TESLA», 2016. — P. 235–243.

2. Pavlov, A. Rural context for global economic development of Ukraine / Pavlov, A. // Modern Science (Praha). — 2015. — No. 5. — P. 15–22.
3. Krugman P. Geography and Trade / P. Krugman. — Cambridge, MA: MIT Press, 1991. — 476 p.
4. Baronin, A. C. Ethnical psychology / Baronin, A. C. — K.: Tandem, 2000. — 264 p.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ МОДЕЛИ УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Сергей Пахомов,

доктор экономических наук, профессор,
Киевский университет туризма, экономики и права

Institutional preconditions of forming of the Ukrainian national economy competitive model

Annotation. The article analyzes a problem of structurally-innovative changes in Ukraine which, as it is known, determine chance of its occurrence in club of the advanced countries.

The author offers designing such institutional economic environments, which corresponds to the highest criteria of the present and functions as self-supported system thanks to effect of the synergy, the interaction received for the account and intersupplement of corresponding institutes.

Among tasks of modern strategy of development it is necessary to allocate especially a task of creation of system of institutes which aim national economy at success.

Keywords: competitiveness, institutes, innovative development

Современная стратегия формирования конкурентоспособной модели украинской экономики должна быть сориентирована на мощный общеэкономический и инновационный прорыв. При этом, говоря об инновационности, мы понимаем ее не только в научно-технологическом контексте, а и в экономическом реформаторстве.

Экономические реформы у нас не принято считать инновационными, и это не случайно. В Украине, в отличие от успешных и самостоятельно действующих стран, с первых же лет независимости присущей стала реформаторская покорность. А между тем, все успешные страны, особенно страны экономического чуда, вырывались вперед в первую очередь за счет изобретения собственной, адаптированной к своей стране стратегии (и модели) экономического реформаторства [1]. В таком, уже заторможенном состоянии, в качестве приоритетной стоит задача преодолеть пассивность не только в запуске высокотехнологичной модели, но и в конструировании экономической системы.

Среди задач соответствующей стратегии развития следует особо выделить задачу создания системы институтов, нацеливающих экономику страны на успех. Проблематика эта важна потому, что в современной украинской экономике именно ее институциональное обустройство — в виде правил, экономических механизмов и инструментов, а также организационных форм — обеспечивают взаимодействие рынка и государства.

Опыт передовых стран показывает, что именно институты как регуляторы с тонким реагированием и прицельными стимулами — расширяют границы действия рынка, также усиливают могущество и социальную ориентацию как рынка, так и государства. И при этом традиционное для прошлых лет рыночно-государственное противостояние заменилось бы их взаимодополняемостью и гармонией. Кстати, знаменитое японское экономическое чудо имеет и другое

название, а именно — «сочетание сил рынка и государства» [2]. Государство в таких условиях, пользуясь институциональным инструментарием, придает рыночным импульсам долгосрочный характер, то есть, привязывает эти стимулы к долгосрочным стратегическим проектам. Появляется также возможность полноценно использовать рыночные стимулы в социальной, научно-технологической и инфраструктурной сферах, что при «голом» рынке невозможно.

Характерно, что наибольший эффект от взаимодействия рынка и государства на институциональном уровне мы наблюдаем в Соединенных Штатах, то есть, в стране, которая по недоразумению считается в Украине чисто рыночной, почти лишенной регулирующего воздействия со стороны государства. На примере США, а равно и других стран мирового авангарда, легко убедиться, что качественное институциональное обустройство экономики — это не просто необходимый компонент, но и, по сути, главное богатство современного передового общества. Мы же, по традиции, и это когда-то (при примитивном хозяйствовании) было правильно, все еще считаем богатством страны что угодно, но только не систему институтов.

Конечно, нашим богатством до сих пор (хотя уже меньше) есть конструкторские, инженерные и научные кадры; а также то, что уже больше отдает архаикой, — знаменитые черноземы. И, конечно же, на передний план убедительно выступает финансовое обеспечение страны, без чего реальный сектор становится неподъемным.

Однако, на собственном опыте мы удостоверились, что финансы в неблагоприятной ситуации легко и быстро покидают страну и как следствие за несколько недель некогда богатое государство становится нищим. Тоже самое следует сказать о кадрах — польза от них не гарантирована, а переезд их в другие страны становится обычным (за годы независимости только из вузов за границу выехало 28 тыс. профессоров [1]).

Черноземы в наших институционально неблагоприятных обстоятельствах зарастают сорняками, становятся наполовину заброшенными. Следует учитывать, что без современных (модерных) институтов даже воспроизведение высоких темпов роста не обеспечит устойчивого движения на пути экономического и социального прогресса; не обеспечит хотя бы потому, что успех должен сопровождаться не только ростом, но и развитием, особенно в инновационно-технологической и социальной сферах. А эти результаты предполагают наличие институтов, обеспечивающих такие изменения.

Сложность изменений, связанных с развитием и ростом, заключается в том, что назревающая в Украине замена воспроизводящей модели инновационной, требует пересмотра отношения к абсолютным показателям роста. Высокие темпы роста и здесь желательны, но при условии их оптимизации, то есть, в соотношении с высокодинамичными структурными сдвигами в русле инноваций. И не исключено, что с целью перераспределения средств и ценностей в пользу инновационного будущего именно снижение темпов окажется целесообразным. И в отработке критериев текущей и долгосрочной эффективности в обстоятельствах таких изменений не обойтись без сложных институциональных конструкций [3].

В свете приведенной аргументации должно быть понятно, почему институциональному обеспечению экономики надо уделять такое большое значение, прежде всего потому, что в Украине система институтов, регулирующих экономику, вообще находится в зачаточном и крайне деформированном состоянии. Это касается и отношений собственности, и фондового рынка, и системы контрактов и соглашений, и стимулов трансформации коротких денег в длинные и многое другое [4]. Поэтому стартовая задача — это элементарное упорядочение важнейших институтов и ликвидация тех «черных дыр», которыми изрешечена институциональная система страны.

Вместе с тем наряду с упорядочением мы предлагаем конструирование такой институциональной народно-хозяйственной среды, которая соответствует самым высоким критериям современности и функционирует как самоподдерживающаяся система благодаря эффекту синергии, полученной за счет взаимодействия и взаимодополнения соответствующих институтов.

Что же касается главных линий формирования институтов, то речь идет в первую очередь о следующем:

- о благоустройстве, в том числе и в интересах привлеченных инвесторов, отношений собственности в широком диапазоне, — от корпоративной земельной собственности к собственности сотен тысяч, а в дальнейшем и миллионов мелких акционеров. Без этих изменений рискованно вкладывать полученные прибыли в новые технологии и нет смысла восстанавливать основные фонды;

- о совершенствовании организационной структуры экономики, что предполагает как широкое распространение кластерных систем, так и формирование мощных, в том числе транснациональных корпораций, их сетей на основе взаимовыгодного «подключения» малого и среднего, в том числе венчурного бизнеса к крупным и транснациональным компаниям. Именно такие трансформации делают экономику конкурентоспособной по высочайшим глобальным критериям и, соответственно, способствуют интеграции страны в мировое экономическое пространство;

- о достижении высоких темпов монетизации и капитализации экономики за счет применения механизмов, обеспечивающих ускоренное развитие финансовых рынков и масштабную трансформацию коротких денег в длинные в процессе функционирования фондового рынка, и дополняющих его компаний, страховых и инвестиционных фондов;

- об институтах и, соответственно, стимулах, способствующих широкому макроэкономическому маневру и разблокировке межотраслевых потоков капитала с целью обеспечения структурно-инновационных сдвигов. Известно, что то, что можно условно считать маневром, у нас обычно считается дестабилизацией. Стабильность же ассоциируется с железобетонной устойчивостью, или же с «улучшением» тех или иных важных макроэкономических показателей.

То, что маневр макроэкономическими регуляторами в переходных (более переменных) экономиках более актуален, есть аксиома. Но важно при этом с самыми макроэкономическими регуляторами обращаться как с воспроизводящими институциональными инструментами, а не только как с сигнализаторами благо-

получия или бедствия [5]. Потому что тот же бюджетный дефицит может быть сигналом «проедание» средств, а может быть и инструментом увеличения числа рабочих мест и уменьшения безработицы. Также инструментами ускорения развития могут быть процедуры увеличения внутригосударственного долга, «ослабление», или же наоборот — «усиление» валютного курса и т.д. И именно по указанной причине — по причине важности овладения искусством макроэкономического маневра, этому инструменту следует уделять большое значение.

Важным аспектом является осуществление постоянного мониторинга и стратегической оценки институциональных предпосылок формирования конкурентоспособной модели национальной экономики. С этой целью необходимо ввести институты, способные, с одной стороны, учитывать влияние внешней среды на национальные ценности, стратегические цели, анализ разницы между целями и ожиданиями и на принятие стратегических решений, а с другой отслеживать возможности, сильные и слабые стороны, компетенции стратегического участия и наличие и доступность ресурсов. Те и другие усовершенствования, положенные в основу стратегии развития конкурентоспособной украинской экономики, в состоянии институционально обогатить и обустроить экономику, сделать ее высокодинамической, что даст социальный эффект, несопоставимый с сегодняшним. И дело не столько в другом масштабе социальной отдачи, полученной от успешной экономики, но и в дифференциации самих источников жизненного благополучия. В итоге к тем источникам личных доходов, которые уже есть (зарплата, пенсия, дотации и т.д.) добавляются другие, способствующие и росту благосостояния, и (что очень важно!) уменьшению разрыва между доходами богатых и бедных. Так, миллионы граждан, как это происходит в высокоразвитых странах, станут получателями доходов на акции. Далее население страны получит свободный подход к заблокированным сегодня социальным благам. Распространенными и доступными станут дешевые долгосрочные (в том числе ипотечные) кредиты и льготы по ним. Заработают на всю мощность пенсионные и страховые фонды. Системными и действенными (в отличие от современных) станут стимулы демографической активности и т.д.

Особенно остро встает проблема структурно-инновационных изменений, которые, как известно, определяют шанс Украины на вхождение в клуб высокоразвитых стран. Первостепенное значение имеет в этом отношении вышеупомянутое создание полноценных финансовых рынков, что подводят под инновационный подъем адекватную денежно-кредитную общефинансовую базу, ориентированную на долговременность. По этой причине финансовую обеспеченность будет усиливать и поддерживать многозвеньевая система саморегулирующихся механизмов и стимулов, ориентирующих финансы на достижение долгосрочного инновационного эффекта. Среди них отметим, прежде всего, государственную поддержку инноваций за счет создания таких институтов, как Банк развития и бюджет развития, как система госконтракта и госзаказа, а также льготы, обеспечивающие формирование украинских научных городков, технопарков и т.д.

Важное значение для инноваций именно в Украине имеет формирование на базе соответствующих институтов механизмов разблокировки межотраслевых и

межрегиональных перетоков капитала и прибыли. Отсутствие такой разблокировки не только сдерживает рост, но и препятствует осуществлению таких важных для страны структурно-инновационных сдвигов. Содействовать разблокированию должны в первую очередь механизмы и стимулы, включенные в полноценно действующий фондовый рынок, вступающие во взаимодействие с другими институтами (банки, пенсионные, страховые, инвестиционные фонды и т. д.). При этом первоочередное значение будет иметь мобилизационная и перераспределительная (в пользу инноваций) функция для широких масс населения (через приобретение акций) на фондовом рынке. Следует учесть, что положительным побочным эффектом раскручивания фондового рынка является наращивание капитализации, что является очень важным для нашей недооцененной экономики. В случае таких изменений традиционное для Украины обескровливание экономики путем вывоза прибылей за границу станет бессмысленным и невыгодным.

Развертывание инновационной модели обеспечит переход к более высокой модели времени. Сейчас страна живет от бюджета до бюджета, от урожая до урожая, что присуще наиболее отсталым странам мировой периферии. Эта традиция периода независимости привязки к летнему циклу блокирует и лишает смысла все то, что касается долгосрочного проектирования и, соответственно, научно-технологического прогресса. Напомним, что вложения в науку и высокотехнологичные сегменты, как правило, дает отдачу лишь через ряд лет. Поэтому нужны механизмы и стимулы (в том числе правительственная политика), что делает выгодным перераспределение средств в пользу будущего развития и роста. В этом развитый мир, благодаря наличию долгосрочного планирования, подкрепленного институтами развития, существенно отличается от нашей, сейчас бесперспективной, ситуации [4].

Конкурентоспособность в современном мире не может быть обеспечена только либеральной, то есть, сугубо рыночной основой. При этом первоочередные рычаги влияния принадлежат государству. Оно может способствовать национальному капиталу административно, помогая его развитию или, наоборот, выборочно и даже кланово, и это последнее в конечном счете подавляет конкурентоспособность, поскольку облегчает их благополучие, подрывая стимулы к развитию и снижая жизнеспособность тех, кого эта опека не охватывает. Когда мы говорим об опеке бизнеса со стороны государства, следует указать, что она должна быть умеренной и уменьшаться при усилении взаимодействия бизнеса с рынком.

Современное состояние украинского бизнеса является доказательством негативного воздействия непосредственной государственно-административной и, особенно, ее мафиозно-клановой опеки. Другая опасная тенденция современной государственной политики в Украине — это нынче популярная бюджетная модель выкачивания капиталов из экономики страны на временное решение социальных проблем. Такая переориентация с модели роста потянет страну обратно к необходимости решения задач восстановления, что опять будет препятствием для формирования научно-технологических сегментов [1].

Еще более недостижимым станет относительно развитое состояние, которое имела украинская экономика в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. И в этом случае, в случае налаживания экономики и обеспечения высоких темпов ее роста, потеря научно-технологических кадров и невозможность инновационного развития вообще приведут к тому, что наша экономика будет ускоренно отставать от передовых стран Запада и Востока по критериям глобальной конкуренции. Сегодняшняя фискальная экспансия государства не может быть оправдана гуманными целями, которыми она прикрывается, потому что делает невозможным развитие и рост экономики.

При этом важно учитывать, что оценки роста и развития базируются в глобальной экономике на показателях не столько внутристрановых, сколько на геоэкономических, включающих соотношение с достижениями других стран, прежде всего высокоразвитых, которые, кстати, все больше доминируют. И парадокс отсталых стран заключается в том, что их экономика в период рекордного роста безнадежно отстает от своих развитых конкурентов, вследствие воспроизведения отсталого производства отсталыми средствами.

Так, показатели конкурентоспособности Всемирного экономического форума свидетельствуют о том, что основным фактором уменьшения отечественной конкурентоспособности является именно государственный институционализм [1]. Общий курс современной социальной политики Украины является безусловно положительным. Сегодняшнее производство невозможно развивать без повышения человеческого благополучия. И не только потому, что это формирует платежеспособный спрос. Все большее значение имеет зависимость производства от уровня квалификации рабочих, а это требует соответствующей оплаты. Отсюда — приоритетность социальных задач.

Но обобщающий, а не дифференциальный подход без чувства меры в комплексе с ревальвацией национальной валюты для удовлетворения западных импортеров и снятия барьеров на пути импорта формирует стратегию, делающую невозможной не только конкурентоспособность национальной экономики, но и дальнейшие возможности ее развития.

Аналогичным неолиберальным путем в последнее время шла Аргентина, что, соответственно, привело к разрушению ее экономики [6].

Необеспеченная ростом экономики попытка решения социальных проблем ограничивает дальнейшие возможности стимулирования роста экономических стимулов, увеличивает инфляцию и, в конце концов, нивелирует социальные задушки.

Украина, которая сейчас окончательно теряет принятые в наследство от Советского Союза факторы научно-технологической конкурентоспособности, имеет шанс войти в Европу как место расположения дешевого производства, транзитных сегментов, место хранения отходов и локализации грязного производства.

References:

1. Yaremenko, O. L. Transitive processes in the Ukrainian economy: the Institutional aspect / O. L. Yaremenko. — Kh.:Osnovy, 1997. — 182 s.
2. Rotbard, M. Power and market. The state and Economics / M. Rotbard; per. s angl. B. S. Pynskera pod red. G. Sapova. — Chelyabynsk: Sotsium, 2010. — 417 s.
3. Moskovskiy, A. I. Institutionalism: theory, the basis of decision-making, method critics / A. I. Moskovskiy // Voprosy ekonomyky, 2009. — № 3. — S. 110–124.
4. Kuzminov, Ya., Rdaev, V., Yakovlev, A., Yasin Eu. Institutions: from borrowing to growing / Ya. Kuzminov, V. Rdaev, A. Yakovlev, Eu. Yasin // Voprosy ekonomyky, 2005. — № 5. — S. 5–27.
5. Egorov, A. I. Institutionalism: investment potential: the formation and implementation / A. I. Egorov . — Kh.:Osnovy. 2007. — 188 s.
6. Ershov, M. O. About financial mechanisms of economic growth / M. O. Ershov // Voprosy ekonomyky, 2002. — № 12. — S. 4–16.

ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

Наталья Резникова,

доктор экономических наук, доцент кафедры мирового хозяйства
и международных экономических отношений,

Институт международных отношений
Киевского национального университета имени Тараса Шевченка

The problems of the global macroeconomic interdependence.

Annotation. *The determinants of macroeconomic interdependence are defined through the prism of endogenous and exogenous factors. Regional features of macroeconomic dependence are determined. Four channels of macroeconomic interactions, that characterize inter-country interdependence, are distinguished among the existing macroeconomic variables. The determinants of the North and South growth are classified. The risks of macroeconomic interdependence and the challenges of economic recovery are forecasted. The regional aspects of macroeconomic interactions are defined.*

Keywords: *macroeconomic interdependence, macroeconomic policy, capital inflow, terms of trade, interest rates, exchange rate, channels of interaction*

Экономические исследования 1980-х годов фокусировались на одностороннем влиянии макроэкономической политики ОЭСР на «Юг». В частности, коллектив авторов в составе А. Хоффмайстера, М. Прадхана и Г. Самиеи [3] утверждает, что именно улучшенная внутренняя политика, включающая более открытую торговлю и валютные режимы, более тесные финансовые связи, обеспечившие значительный приток капиталов, прирост во внутрирегиональной торговле и более масштабную диверсификацию экспорта «Юга», объясняет, почему и каким образом связи между традиционными торговоориентированными бизнес-циклами «Севера» и «Юга» изменились.

Среди исследований, посвященных установлению степени взаимозависимости делового цикла между развитыми странами и развивающимися странами, в которых используются данные по различным секторам экономики, выделяем, среди прочего, подход М. Коупаритса [4], который констатирует различные факты о связи между циклическими колебаниями роста стран Севера и стран Юга по отраслям в период 1970–1995 гг., используя ежегодные темпы роста. Д. Кoen [1] проанализировал общие экономические закономерности между странами в Латинской Америке, Восточной Азии и Европы за период 1970–1994 гг. и пришел к выводу, что колебания роста в европейских и восточно-азиатских странах демонстрируют значительно высокую степень синхронности. Ученые К. Рейнхарт и В. Рейнхарт [5] приводят пример взаимосвязанности обменных курсов на глобальном уровне. В то же время, в эмпирической литературе о макроэкономических каналах недооцениваются фискальные шоки, хотя они и исследовались в работах Р. Дорнбуша [2] и С. Ван Вижнбергена [6].

Постановка задачи. Определение каналов макроэкономической взаимозависимости между странами ОЭСР и не являющимися ее членами изначально сосредотачивалось на анализе влияния международной торговли путем вариации

во внешнем спросе, внутренних процентных ставках и условиях торговли, которая позже акцентировалась на определении детерминантов движения капитала вследствие фактической финансовой либерализации во многих развивающихся странах. Нами предлагается рассмотреть детерминанты макроэкономической взаимозависимости через призму **экзогенных и эндогенных факторов, а также** установить региональные особенности макроэкономической зависимости.

Изложение основного материала. К группе **экзогенных факторов** мы зачисляем: шоки спроса; шоки предложения; шоки ценовые; шоки инфляционные; шоки валютные; шоки финансового кризиса; шоки технологические; шоки сырьевые; изменения политики процентных ставок; эффекты инфицирования; циклические изменения экономик развитых стран; колебания конъюнктурные; развитие финансовых инноваций; развитие технологий; глобальные изменения в потребительских предпочтениях; иррациональные поведения инвесторов; стадное поведение; спекулятивные атаки. К группе **эндогенных факторов** мы зачисляем: интенсивность финансовых связей между национальными экономиками; интенсивность торговых связей между национальными экономиками; наличие национальных факторов риска, связанных с макроэкономической политикой; наличие национальных факторов риска, связанных с финансовой политикой; особенности национальных моделей неопротекционистской политики.

Среди наиболее важных макропеременных, характеризующих межстрановую взаимозависимость, мы, вычленив **четыре канала макроэкономического взаимовлияния** (циклические вариации роста ВВП, влияющие на эффекты производства/спроса, изменения условий торговли стран и потоков капитала; монетарные шоки, которые, в свою очередь, определяют уровень инвестиционного риска, процентные ставки и кривые доходности, как и потоки капитала; фискальные шоки, действующие наподобие монетарных шоков и, кроме того, вытесняют частные инвестиции; степень волатильности ключевых валют, процентных ставок и производства), **определяем детерминанты глобального влияния, детерминанты «северного роста» и детерминанты «южного роста», характеризующие макроотношения.** Здесь под терминами «Север» и «Юг» подразумевается географическое распределение, в котором «Север» представлен развитыми странами Северной Америки, Европы, Японией, Австралией и Новой Зеландией, а «Юг» — большинством стран Африки, Азии и Латинской Америки.

К детерминантам глобального влияния нами относится ряд факторов/тенденций/проявлений, выражающихся следующим: повышение роли развивающихся стран в формировании географии международной торговли и инвестиций; торговля и инвестиции в направлении Юг-Юг становится важной новой силой в мировой экономике; преимущество финансовых каналов относительно торговых в отношениях Север-Юг с возрастающей важностью Юга для подъема мировой экономики; отклонения в демографии между странами ОЭСР и странами, не являющимися членами ОЭСР; развивающиеся страны нуждаются как в стабильности ключевых валют, так и стабильного потребления со стороны эмитентов G3 для максимизации роста своего ВВП.

К детерминантам «северного роста» мы относим: торговлю и цены на сырье; динамику процентных ставок; вариацию ключевых валют. **К детерминантам «южного роста» мы засчитываем:** эластичность прибыли их экспорта; долю экспорта относительно неторгуемой продукции; уменьшение сырьевой зависимости; уровень и валютную составляющую внешнего долга.

Колебания циклического роста объединяет группы стран каналами: внешнего спроса (экспорт и импорт); изменения относительных цен (условия торговли); потоков капитала (благодаря перспективной доходности капитала). Впрочем, нет оснований оставить вне внимания важность торговых каналов для расширения бизнес-циклов. Финансовые циклы бумов и спадов в развивающихся странах вызывают временные смещения долгосрочной траектории экономического роста и рынка труда. На протяжении целого цикла бум-спад-восстановление обычно наблюдается чистая потеря производства, занятости и зарплат. Бумы могут увеличить доходы, занятость и зарплаты выше их долгосрочного среднего уровня, но во время кризиса их падение происходит на более длительной основе.

Во время восстановления после кризиса, сопровождающегося дефляцией, как занятость, так и зарплаты склонны значительно отставать от темпов роста доходов. Восстановление, характеризующееся низким уровнем увеличения рабочих мест, является характерным как для стран с формирующимися рынками, восстанавливающимися после финансовых кризисов, так и для индустриально развитых стран, таких как США, восстанавливающимися после взрыва финансовых пузырей. Однако, их последствия для рынка рабочей силы являются более серьезными для развивающихся стран. Более того, не исключаем и влияния эффектов условий торговли, потому что эластичность товарных цен относительно мирового производства, как известно, остается высокой.

Повышение процентных ставок в странах ОЭСР отрицательно повлияет на большинство стран, не являющихся членами ОЭСР. Более того, на нетто-должников это влияние будет осуществляться непосредственно, тогда как на экспортеров сырья косвенно, потому что спад производства и более высокие затраты на хранение спровоцируют более низкие цены на сырье. Нетто-должникам угрожает дополнительное бремя, потому что уровень процентных ставок ОЭСР имеет тенденцию поднимать спреда для стран-должников. Эти эффекты обуславливают более низкий уровень инвестирования и роста во многих странах, не являющихся членами ОЭСР, с отрицательными последствиями для стран ОЭСР.

Выводы: К региональным особенностям макроэкономической зависимости относим следующие:

- страны Латинской Америки получают выгоду по срокам более высокого роста ВВП от низкой волатильности процентных ставок, тогда как колебания ключевых валют не имеет на них сильного влияния;

- «азиатские тигры» диспропорционально выигрывают от более низкой волатильности между валютами G3;

- другие развивающиеся страны нуждаются как в стабильности ключевых валют, так и в стабильном потреблении со стороны G3 для максимизации роста своего ВВП.

- Осуществленный анализ каналов макроэкономической взаимозависимости позволяет выдвинуть следующие теоретические предположения:

- страны-лидеры ОЭСР должны ответственно проводить макроэкономическую политику относительно обменных курсов и процентных ставок;

- страны-должники без значительных запасов нефти получают больше выгоды от комбинированного усиления стран ОЭСР, низких процентных ставок и слабого доллара США.

В то же время, вопреки рискам взаимозависимости, продуцированным финансовой глобализацией, следует отметить, что последняя ведет к улучшению макроэкономических показателей той или иной страны при условии наличия так называемых исходных условий, которые одновременно могут быть определенным достижением для правительств государств, на момент включения в глобальный рынок не имевших достаточно четких стартовых позиций. Таким образом, преимущества глобализации, которыми стремятся воспользоваться страны, принимая их как частичную конечную цель, могут выглядеть дополнительными конкурентными преимуществами для стран, оперирующих ими на момент вовлечения в активную мировую торговлю.

References:

1. Cohen D. Growth and External Debt: A New Perspective on the African and Latin American Tragedies / D. Cohen // Centre for Economic Policy Research Discussion Paper. — 1997. — № 1753. — P. 1–17.
2. Dornbusch R. Policy and Performance Links between LDC Debtors and Industrial Nations / R. Dornbusch // Brookings Papers on Economic Activity. — 1985. — Vol. 2. — P. 303–356.
3. Hoffmaister A. Have North-South Growth Linkages Changed? / A. Hoffmaister, M. Pradhan, H. Samiei // World Development. — 1998. — Vol. 26. — No. 5. — P. 791–808.
4. Kouparitsas M. A. Evidence of the North-South Business Cycles / M. A. Kouparitsas // Economic Perspectives, Federal Reserve Bank of Chicago. — 2001. — Vol. 25. — No. 1. — P. 24–45
5. Reinhart C. What Hurts Most: G-3 Exchange Rate or Interest Rate Volatility? / C. Reinhart, V. Reinhart // Preventing Currency Crises in Emerging Markets / S. Edwards, J. Frankel. — Chicago: University of Chicago Press for the NBER, 2001. — P. 73–99.
6. Van Wijnbergen S. Interdependence Revisited: A Developing Countries Perspective on Macroeconomic Management and Trade Policy in the Industrial World / S. Van Wijnbergen // Economic Policy. — 1985. — No. 1. — P. 82–137.

CYCLES OF THE WORLD ECONOMY AS THE DOMINANT OF MODERNIZATION OF ECONOMIC TRANSFORMATION IN UKRAINE

Marina Rubtsova,

Ph.D, Associate Professor,

Institute of International Relations,

Taras Shevchenko National University of Kyiv

Annotation. *The article deals with the most important stages of world economy development basing on the analysis of behaviour of megatrends of system cycles. Particular features of contemporary stage of world economy development is characterized within the context of system cycles of G. Kitchyn, K. Zhyuglyar, S. Kuznets, M. Kondratyev. Attention is paid to external challenges which should be considered while formulating strategic purposes of national economy modernization and their successful fulfilment. Mechanism of loan policy is analysed together with characteristic features of economic policy stimulating modernization processes in the state. Necessity of rising absorption capacity aimed at Ukraine's economic modernization is stressed.*

Keywords: *modernization, economic policy, megatrends, system cycles, technological basis, Washington consensus, Beijing consensus.*

The need to modernize Ukraine's economy is determined by the new situation in the long term perspective, due to systemic changes in the global economy.

Ukraine's modernization scenario should be based on the priority of external relations, based on intelligence and scientific and technical potential of the society, the results of international cooperation in this field. In addition, it has to set the priorities and parameters of foreign policy of Ukraine combined with long-term goals and objectives of internal policy at the stage of transition to innovative type of socio-economic development and civilizational shifts caused by the global crisis. The strategic objectives of modernization and progress of their achievements are directly dependent on external challenges and characteristics of the global economic system of the first half of the XXI century. Therefore, in the context of the above mentioned considerations, there is a necessity of the appropriate analysis of the current stage of global economic development in terms of its short-term megatrends.

Based on the theory of N. Kondratieff (theory of large cycles or K-cycles), V. Pantin, F. Braudel, J. Schumpeter, S. Glazyev (theory of techno-economic structures and paradigms), G. Mensch (the theory of "technological stalement"), theories of the formation of technical and economic communities by L. Badalyan and V. Krivorotov, theory of systemic cycles of capital accumulation by G. Arrighi and others. A. Ayvazova proves the existence and details the "Periodic system of world capitalist development" and predicts the global economy in the period from 2010 to 2025. According to this system in 2008, the world entered a phase of "great turmoil" (classification given by the author of theory of evolution cycles V. Pantin) of 3rd stage of the evolutionary cycle of industrial capitalism. At this stage, the change of world economic development leader should happen (USA can give way to China and India). G. Arrighi argues that the world belongs to Asian capital accumulation cycle system in

which a key role in ensuring economic growth belongs to the state. And the modern neoliberal doctrine will be replaced by a doctrine, which provides increased state intervention in the economy, state indicative planning, strict management for economic development through public and private institutions. [1]

It should be noted that the listed features are common for the "Beijing consensus", which, as many researchers and experts emphasize, is replacing "Washington consensus" — a global project where major developed industrial states have been expanding and the modernization of developing countries have been carried out, as well as for countries with economies in transition.

Global project called "Washington consensus" appeared in the late 1980s. By this doctrine — John Williamson, an economist at the Institute for International Economics in Washington — included macroeconomic stabilization, privatization, strict monetary policy, the rejection of the budget deficit, trade liberalization, openness to foreign investment.

This approach has become the standard recipe for solving the problems of developing countries, and was the basis for reforms in Latin America and Eastern Europe. But market reforms have not resolved the social problems of Latin America, and the results of reforms in the CIS countries, more often declared as a failure.

In May 2004, the London International Policy Centre published a report entitled "Beijing Consensus". In this report, it was not only about the effectiveness of "Chinese model", but its fundamental difference from the principles of the "Washington Consensus", which came out of a desire to "make bankers and top executives of multinational corporations happy" and "Beijing Consensus" seeks to achieve reasonable growth in the interest of the whole population. Its goal — socio-economic growth while maintaining independence; characteristics — strong commitment to innovation and experimentation (special economic zones), protection of national borders and interests, accumulation of tools of asymmetric power (in the form of trillions of dollars of currency reserves). [3]

China has implemented an open development model with very high growth rate and accumulation. These features, which allow to characterize the Chinese model of economic development as an example of successful modernization, prompted a number of researchers to believe the Chinese model of universal response to be a universal tool for the challenges of our time. But it should be noted that there are opponents of such an assessment of the Chinese model, who indicates that one of the sources of the dynamic growth of its economy was extremely cheap labor, but now the situation is changing, instead of cheap labor a model expensive labor power is coming, significantly reducing the growth rate of China's economy. This also will help decrease the demand for Chinese exports in the global economic arena, due to the crisis of the global economic system. It follows that it is not enough for Ukraine to implement even the experience of a successful states. Besides, the world economy is in transition to the Asian cycle system, not Chinese. It makes it clear that Ukraine should consider an Asian vector while modernizing the national economy and foreign economic priorities.

Ukraine entered the second decade of the XXI century in a deep systemic crisis that hit all sectors of Ukrainian society — political, economic, demographic, cultural

and spiritual. Further following of "catch-up" development for Ukraine will lead to irreversible degradation of all major components of the state, the loss of their ability to protect the sovereignty. This determines the search for new approaches to modernize Ukraine's economy.

Let us consider the most essential stages of the global economy, starting from 2010 and ending by 2025, based on the behavior of the L. Kitchin cycles (lasting 3–5 years), K. Juglar cycles (8–11 years), S. Kuznets cycles (20–25 years) and N. Kondratiev cycles (40–45 years). [1]

The characteristics of these stages significantly affect the identification of areas, the nature and pace of modernization of Ukraine's economy, and therefore should be considered when developing strategies and programs of modernization in the transition to sustainable development, if possible, because, as will be evident from the reasons below, sustainable development most likely to be updated only after 2025.

It should be noted that about once in 50 years all four economic cycles reach their upper peaks of the development phase and are in decline — a resonance effect is appearing. In 2007–2008 it has been a phenomenon, when Kitchin, Juglar, Kuznets and Kondratiev economic cycles almost simultaneously passed its peak and began a phase of recession.

Taking into account the specificity of the cycles' influence on the modernization of Ukraine, it makes sense to stop briefly on their characteristics. The defining feature of the short-term Kitchin cycle is a breach and restore the balance of supply and demand of products on the market, which corresponds to a certain level and the ratio of market prices. By the way, the latest decline in this cycle (2008–2009) is characterized by a sharp fall in global demand and in its lower point in 2009, according to the WTO, the volume of world trade fell by 12%. Short-term recovery in this cycle in 2010–2011 accompanied by a low global growth, but after that recovery, we have seen falling since 2012.

Characteristics of medium-term Juglar cycle fluctuations are both in volume of goods and inventory in warehouses of sellers and manufacturers, and in levels of current load of production capacity, rising unemployment, and a decline in investments in the restoration of fixed capital. The last entry in the recession according to Juglarcycle was marked by a significant decline in 2008–2009 capacity utilization, soaring unemployment and a significant decrease in the replacement of fixed assets.

Kuznets cycles are associated with demographic processes and corresponding changes in the volume of construction (Nobel prize winner S. Kuznets called them "construction" cycles). The decline in the Kuznets cycle in 2007–2008 appeared in the mortgage crisis and the sharp decline in housing construction, manufacturing and infrastructure areas of developed countries, and falling prices for housing.

Big economic cycles of 40–50 years consist of a falling and growing waves. In 2008, the global economy entered a downward wave of the sixth K-cycle. Its conclusion coincides with the formation of the sixth technological structure.

These cycles vary in length, reach their peak at different times, and of course, after the first resonant coincidence they begin to work in asymmetry. After the fall there will

be simultaneous process caused by fluctuations amount varying in amplitude, frequency and direction.

Thus, from 2012–2016 crisis continues downshift along sixth K-wave when Juglar, Kuznets and Kondratiev cycles will still be in the depression, and Kitchin cycle enter a phase of recession. The local rise of the global economy is expected from 2015. But in 2017–2019 we will have a new sensitive crisis associated with the fall in Kitchin and Juglar cycles, due to a small recovery in the Kuznets and Kondratieff cycles. Only starting 2020 a global economic recovery is due to begin since a cluster of basic innovations of the sixth techno-economic system will have been formed, based on nano-, bio- and information and communication technologies, without which further development of global economic growth is not possible. During this period, the world economy will go on growing wave of K-cycle, and starting 2025 there will be a stable growth within the Asian systemic cycle of accumulation, based on an already formed new techno-economic order. Further development of the world economy at this stage is possible only under the formation of conditions and prerequisites for a new financial system based on fundamentals of "Beijing consensus".

Another interesting approach that explains and complements these findings, deepens the vision of these trends of the global economic system that directly determine the content, tools and mechanisms of economic transformation in different countries and Ukraine in particular, is the theory of "innovation pause" by V. Polterovych, described in many publications, particularly in [4].

It is based on "technological" theory of economic development, the founders of which were J. Schumpeter, N. Kondratiev, S. Kuznets, the concept of "general purpose technology" [4] and the monograph written by G. Mensch [5], which introduced the concept of "technological stalemate", "basic innovation", "innovation cluster base" which are, in fact, the engines of economic growth.

Analyzing the causes of the current global crisis, comparing them with previous crises of XX century, V. Polterovych validates fundamental factors, especially an "innovation pause" (or "technological stalemate" by G. Mensch) and high expectations of economic growth that were generated prior to long-term period of rapid growth. Innovative pause occurs when the old core technologies are no longer able to produce sufficient amount of secondary (complemented and improved by G. Mensch) innovations that significantly increase productivity, inputs and capital expenditure efficiency, and a new cluster of basic innovations is not yet created. It should be mentioned that the new products, that are often called "innovations" may not really be them by the time of mentioning, and they form a class of "faked innovations" that imitate real innovations, but do not change either production or productivity, but only modify it, and therefore not a source of real economic growth.

Note that developing the theory of "innovation pause", V. Polterovych based on the concept of general purpose technology (GPT). The properties of these technologies have very similar characteristics, basic technology, but they are not identical. During GPT [4] the technology, which can have many improvements, has a different use cases, can be applied in various industries, be complementary to other technologies, significantly enhancing their effectiveness.

It is difficult to predict how long the innovation pause may last, because the GPT is an unpredictable event and happens very rarely. In addition, it is associated with the transition from discovery to innovation, which, according to G. Mensch can last from 10 to 110 years in developed market economies. To avoid stalling economic growth, new GPT should be created, which will replace the old ones or complement them or coexist. It all depends on the intensity of the efforts of the developed Western countries to create new core of technologies. If the development is retained, then there may be stagnation. Economies of developing countries are not directly dependent on the development of new GPT, but these countries can ensure their growth by borrowing GPT that have proven effectiveness in the West. Thus, during the "innovation pause", these countries can and should use their "advantage of backwardness" — learn from established institutions of developed countries, technology, advanced management system. Borrowing is an easier, "cheaper" way for the creation of fundamentally new technologies, but difficult to do and only few countries managed to solve. A key success factor was the effective system of interaction between the state, business and society, which has provided reconciling the interests of large-scale projects in the modernization of industries.

So, to overcome innovation pause and stagnation, developed countries can only through a new technological breakthrough — cluster core technologies, the occurrence of which testify to form a new technological structure, but it takes time. In developing countries, and also in Ukraine, there is a unique chance to avoid stagnation, and even catch up with developed countries by borrowing leading countries' efficient technologies and the gradual transition to an innovative path of development. This should implement a system of measures to address the three large-scale problems: increasing the rate of accumulation, which involves stimulating savings, improvement of credit; creation of interactive planning and management of growth, based on cooperation between the state, business alliance with the community and increase absorption capacity of the country. [5]

The mentioned theories present a research interest for us in terms of identifying areas of modernization of Ukraine's economy, focusing on possible ways and tools to increase the absorption capacity of the country. In our opinion, solving of this task describes trends and outlines the purpose of modernization.

One of the criteria that will be assessed the positive effects of the modernization of Ukraine's economy is the success of the catch-up policy, which depends on the absorption capacity of the country, i.e. the ability to recognize the value of new external information, assimilate it and apply for commercial use. Solving this problem requires specific tools, the most effective of which are:

- Encouraging the import of new equipment and technology, the acquisition of licenses and the corresponding customs policy;
- Promotion of direct foreign investments into the national economy through the inclusion of domestic enterprises into global production chains and new joint ventures;
- Promoting outsourcing services development;
- The introduction of modern management in production;

- Intensifying cooperation with foreign experts, learning and training abroad, exchange of teachers, implementation of joint research projects;
- Prevention of brain drain, stimulate the Ukrainians who received education or experience in the West to return back to Ukraine;
- Direct state support of borrowings (acquisition of patents, financing technology transfer centers);
- Promotion of research (R & D) departments of large companies.

Incidentally, the theory and the experience of the "economic miracles" show that the large firms played a significant role in the process of catch-up while supporting the activity of small firms. But the increase of number of small firms does not provide innovative way of development. However, even these tools are not enough to overcome the innovative pause and successful modernization.

Modernization strategy should include efficiency implementation of public administration and fighting corruption. Overcoming the innovation pause requires increased coordination and therefore more significant role of the state, even in developed countries, not to mention the developing countries if they wish to contribute rapidly to new GPT and make a real upgrades.

Conclusion. The modernization of Ukrainian economy in the next 3–7 years will take place in the frame of permanent crisis in the global economy, under the depressed conditions of innovative pause. Only since 2020 there will be a global economic rise, since a cluster of basic innovations of the sixth techno-economic system will be formed, which will be based on nano-, bio-, information and communication technologies, without which further development of global economic growth is not possible.

Under such circumstances, the strategy of modernization of Ukraine's economy should include a system of measures and tools that will allow it to take advantage of innovative pause and rapidly approach the level of developed countries due to the policy of borrowing, the success of which largely depends on whether Ukraine will be managed to increase absorption capacity. Also essential to the success of the modernization scenario is to enhance coordination and efficiency of public administration, continuous and real fight against corruption.

References:

1. Pereodycheskaya systema kapytalystycheskoho razvitiya [Electronic resource] / A. Ayvazov — Access mode: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/66601/>
2. The Heritage Foundation: Rating of economic freedom by countries of the world, 2010 [Electronic resource] — Access mode: <http://gtmarket.ru/news/state/2010/01/21/2487>
3. Williamson J, Is the «Beijing Consensus» Now Dominant? // Asia Policy №13, January — 2012 [Electronic resource] — Access mode: <http://www.relooney.com/NS3040/Washington-Consensus-Chapter.pdf>
4. Polterovych V. M. Hypoteza ob ynnovatsyonnoy pause I strategiya modernizatsii / V M Polterovych // Voprosy ekonomiky. — 2009 — №6 — [Electronic resource] — Access mode: http://mathecon.cemi.rssi.ru/vm_polterovich/files/Crisis_VoprEco_Polterovich_2009.pdf

5. Polterovych V. M. Problema formirovaniya nacionalnoj ynnovatsyonnoy sistemy / V. M. Polterovych // Ekonomicheskie i matematycheskiye metody, No 2, 2009 — [Electronic resource] —Access mode: http://mathecon.cemi.rssi.ru/vm_polterovich/files/EMM_2_2009.pdf

6. Mensch G. Ballinger Publishing Company, Stalemate in Technology. — Cambridge, Mass.: 1,979

7. J. Schumpeter Teoria ekonomichnogo rozvytky. Doslidzhennya prybutkiv, kapitalu, kredyty, vidsotka ta ekonomichnogo cykly//Schumpeter J. / K.: Kyiv-Mohyla Academy, 2011. — 242 s.

PROBLEMS OF STATE REGULATION OF ECONOMY AND MAIN AREAS OF IMPROVEMENT OF INTERBRANCH RELATIONS IN THE AGRARIAN SECTOR

Alexey Tomilin,

*Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Finance and Credit,*

Alexander Galych,

*Ph.D, Associate Professor,
Director of Training and Research Institute of Economics and Business,
Dean of the Faculty of Economics and Management,
Poltava State Agrarian Academy*

Annotation. *The purpose of the article is the research the major problems of state regulation of the economy and the identification of the main ways to improve interbranch economic relations in agricultural production. In the research are used the basic methods of scientific knowledge. Among them: the dialectic, the abstract logic and system analysis (theoretical and methodological generalizations).*

The element of novelty is the development of measures for economic regulation of public structural policies at the stages of the formation of interbranch relations in the areas of agricultural production. The current state and the essential basis for the industry and the evolution of structural policy and the economic results of the pricing system as a tool for economic regulation of interbranch relations in agricultural production were analyzed. It is carried out the evaluation of the economic regulation of economic equivalence interbranch relations in the agrarian sector of Ukraine's economy. Inconsistency of modern economic regulation of interbranch relations in agriculture was established.

Keywords: *agricultural production, agriculture, agrarian sphere, government regulation, interbranch relations, structural policies.*

Presentation of the problem and its connection with important scientific and practical tasks. One of the outstanding problems hampering the effective development of agriculture in the process of inter branch cooperation is not well conceived economic mechanism, non-equivalence of inter branch exchange mismatch between input and output of financial flows to other sectors of the national economy. The lack of the necessary structural changes in agro industrial production (AIP) and evidence-based organizational and economic mechanisms of their regulation has led to lack of control of these processes.

The most important unsolved problems that hinder the development of agricultural production are the sharing of resources non-equivalence, in and out of agricultural production system and not well conceived interaction between interrelated and interdependent structural elements of the agro food sector. This is what led to a decrease in the efficiency of the industry and a significant decline in agricultural production. The immediate task of the financial and economic state of the control unit should be to create favorable socio-economic conditions in rural areas, especially in the direction of development of agro industrial groups.

The main objective of the formation of the system of inter branch economic relations in the agricultural sector of the economy is the optimal selection of related industries, rational selection of industries and enterprises with the general financial interests in accordance with appropriate proportions between them, effective natural and geographical distribution of productive forces [14, p. 4].

Analysis of the latest research and published works. The issue of agriculture production have been devoted in the works of many scientists and economists: V. G. Andriychuk [1], V. L. Valentinov [2], T. V. Gagalyuk [3], P. I. Gaydutsenko [4]; S. N. Kvasha [5; 6], I. I. Kirilenko [7], Y. A. Lupenko [8]; V. Y. Mesel-Veselyaka [9], P. T. Sablukov [10–12], A. M. Shpychaka [16], Johnston, Bruce F., and John W. Mellor [17], Meier, Gerald M. [18], Ohkawa, Kazushi, and Henry Rosovsky [19] and other researchers.

However, these scientific works have not been founded of theoretical and practical principles of organizational and economic regulation of inter branch relations in agricultural production, as well as inter branch issues of state regulation of relations in the agrarian sector.

The purpose of research is studied of the main problems of state regulation of the economy and the identification of the main ways to improve inter branch of economic relations in agricultural production.

The presentation of the main results and their justification. We believe that the gradual elimination of the problem of non-equivalence, possibly through improving vertical coordination mechanisms. This process is very slow, requires a more thorough study and a large number of economic, social, and technological preconditions. Problems in the development of balance, proportionality industries, always motivate economists around the world. Establishing mutually beneficial inter branch and economic relations between the producers of raw materials and processing industries is possible with the integration and establishment of vertically integrated structures. There is a need to strengthen the bargaining power of the processing enterprises. The key to self-defense producers is to create cooperative associations in the fields of sales and logistics. As a result of cooperative associations established producers receive more market power.

Consequently, such a strengthening of the market power of the processing enterprises will contribute to the approximation of the equivalent of inter branch exchange. In order to restore the balance, the state should create a regulatory mechanism that will ensure all sectors of economy about the same profit. One of the manifestations of instability of the economic system is the non-equivalence of inter branch exchange.

In our opinion, the urgent intervention of the state, as the guarantor of justice, with a view to carrying out economic reforms in order to regulate the production inter branch economic relations of agricultural enterprises. Questions of state regulation of the economy should be aimed at improving inter branch and economic relations in the economy.

State regulation should establish such inter branch relations between the spheres of production, harvesting, storage, processing and trade, providing for vertical coordination or integration partners. The basis of these relations must be based on a mutual

community of economic interests of participants of the same product vertical. It is urgent to carry out economic reform in the system of harvesting and sale of agricultural products.

Questions of state regulation of the economy should be aimed at improving inter branch and economic relations in the economy. Only with effective state support for new forms of organization of production, providing the necessary legal framework can contribute to the effective development and revitalization of Agribusiness. Only with the establishment of effective direct and inverse inter branch economic relations between the free movements of agricultural products from the manufacturer to the end consumer. In addition, between the types of enterprises in agricultural production and the structural units of enterprises need to create the conditions for the rapid processing of agricultural products within the region and operations in retail and wholesale trade.

In our opinion, we can significantly change the crisis situation which has arisen in the agricultural industry by bringing together producers of raw materials, production processing and sales of production, trade and service cooperatives on the basis of mutual aid and economic cooperation. It is necessary to integrate timely production through its industrial processing and recycling of waste. With this merger manufactures, agricultural producers will receive additional economic benefit and mutual interest in waste-free production.

We believe it is necessary to provide for changes directly in the structure of production assets of agricultural production. We came to the conclusion that only in case of successful provision of equivalent distribution of inter branch economic relations can be achieved sustainable economic development of the country's economy. Only taking into account industry characteristics can be effectively becoming a vertically integrated structures. The main trend of non-equivalence of regulation of inter branch relations, economic growth of agricultural production is the growth of labor productivity. Evolutionary solve of non-equivalence problems is possible provided significant improvements in the institutional mechanisms of vertical relations. The system of pricing envisages efficient price formation at the planned cost and some profit, which should cover all the costs of agricultural production enterprises. However, pricing is an important instrument of economic regulation of inter branch economic relations in the agricultural sector, as true certain price will allow growers to be competitive in the market and have their permanent financial stability [13]. It is due to specific reasons for government intervention in the social and economic effects of production are state actions may be referred to structural policies in the field of agricultural production. Effective structural policy is based on a macro-economic level of effective, proportionate and social-oriented models of market-oriented economy. Dynamic macroeconomic equilibrium, support the most effective inter branch proportions of the national economy, the achievement of national interests — is the key to sustainable economic growth of production. So, I. Kirilenko, S. Ryzhuk, S. Kvasha believe that the financial and economic situation of agricultural production depends entirely on "... on the level and relative prices, on which it will acquire the resources and sells manufactured goods, as well as the prices and tariffs, which will cover a variety of industrial and production services. This approach to the interpretation of the role of agriculture suggests that the

production of food and nonfood products in agriculture is just beginning on the basis of the technological combination of industrial and agricultural factors". In addition, the relationship between the three spheres of agricultural production is largely determined by the type of economic system that exists in the state. The relationship between the three spheres of agricultural production is largely determined by the type of economic system that exists in the state [7].

Our studies provide a reason to believe that such a relationship should be built among the five spheres of agricultural production:

1 sphere — the production of means of production for agriculture (industry, which produce mineral fertilizers and chemicals, feed mill industry, microbiological industry, and others.);

2 sphere — agricultural production;

3 sphere — primary industrial processing of agricultural products (industry, are engaged in the industrial processing of agricultural products: milk, meat, flour, cereal, etc.);

4 sphere — industry of market infrastructure (areas that are engaged in harvesting, transportation of agricultural products, etc.);

5 sphere — storage, wholesale and retail trade. In our view, inter branch relationships between the five areas of agricultural production is directly determined the type of economic system that exists in the national economy of Ukraine.

Implementation of measures to stimulate economic structural policies of the state on the stages of the inter branch relations in the fields of agricultural production we presented in Figure 1.

Some scientists have argued that "... in the present conditions the optimal combination of state regulation of the economy with the market regulators will be able to provide the most rapid output of the agricultural sector, especially agriculture, out of the crisis." Efficiency of production during the planning and organization of economic system in each of the areas defined on the basis of established nation-wide profitability of production (approximately 20% profitability) on the basis of the existence of public procurement prices and cash-basic industry production costs [7].

Product prices and profit, which is obtained in each of the areas of AIP under the planned economy, the government formed on the basis of balanced development proposals. In the case of market-economy unformed profits obtained in each of the areas of agricultural production, it has become vary depending on the development of competition in the areas of AIP, which is formed on the basis of supply and demand.

In order to form an effective proportions between the spheres of agricultural production necessary to strengthen the regulatory intervention of the state in the development of market relations. Let us consider the structural elements of the interaction between the spheres of AIP at the other two types of economic policy.

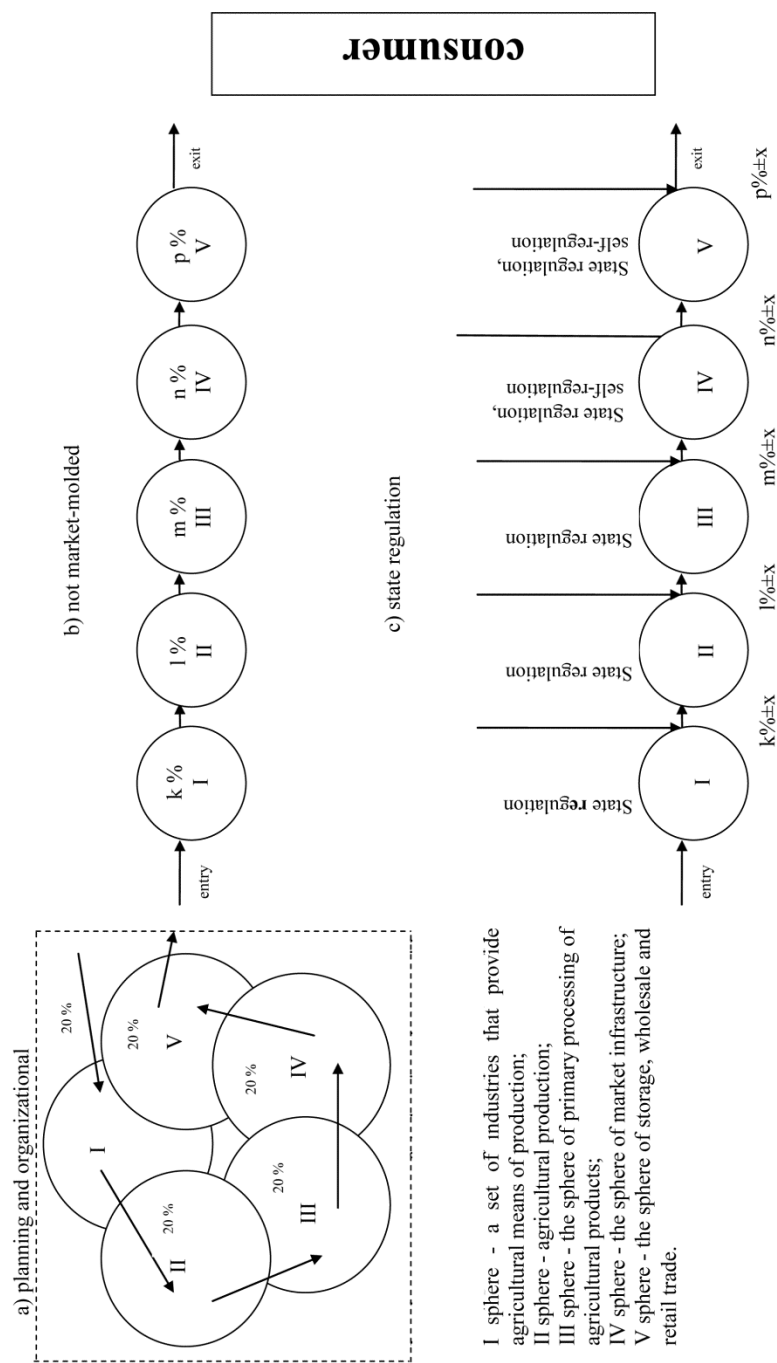

Fig. 1. Implementation of measures to stimulate economic structural policies of the state on the stages of the inter-branch relations in the fields of agricultural production

Source: it is improved by the aut

So, the first option is presented, provided the market-economy unformed. Already in the I sphere (the production of means of production for agriculture (industry, which produce mineral fertilizers and chemicals, feed mill industry, microbiological industry, and others) you can make a profit — $k\%$, in the II sphere (agriculture production) — $l\%$, in the III sphere (primary industrial processing of agricultural products (industry, are engaged in the industrial processing of agricultural products: milk, meat, flour, cereal, etc.) — $m\%$, in the IV sphere — (industry of market infrastructure (areas that are engaged in harvesting, transportation of agricultural products, etc.) — the $n\%$, and in the V sphere (storage, wholesale and retail trade), respectively — $p\%$.

Market conditions in spite of the level of competition within the sphere enable manufacturers to generate revenues that will eventually lead to higher market prices for the consumers of the final product — food products in a lack of competition in some areas. State influence on the economic activities of agricultural production is carried out by regulating the market environment subject to state regulation of agricultural production, and thus profits in each of the five areas in the $x\%$ separately.

The purpose of such a structural state intervention is the need to influence the formation of the industry average prices of goods and products, appropriate to the public interest: food interests — citizens, economic — agricultural producers, financial — state [15, p. 25–26].

Conclusions and recommendations for further research. The main feature of the economic structural policies of agricultural production is the development of inter branch equivalent exchange processes in all areas of agricultural production. The dynamic economic growth of all sectors of agricultural production is possible only if the state regulation of deep socio-economic issues of agricultural policy at the legislative level. State agricultural policy should be based not only in the adoption and approval of new laws of Ukraine, but also in the direct regulation of types of economic systems, in order to improve the functioning and dynamic development of agricultural production. Practical application of existing techniques and economic levers of regulation inter branch relations advantageously characterized by imperfect legislative support.

It is necessary to adopt the Law of Ukraine "About inter branch and economic relations in the economy of Ukraine", which is necessary to provide:

- a) to introduce taxation of super profits for the progressive rates;
- b) to create a support fund industries sustained capital turnover, which would be formed in the budget at the expense of that received from income taxation of agricultural enterprises super profitable sectors of the economy.

References:

1. Andriychuk, V. G. (2007). Capitalization of agriculture: status and economic regulation of development. — Monograph [in Ukrainian].
2. Valentynov, V. L. (2004). Regulation of interbranch relations as a part of the institutional development of agriculture. *Ekonomika APK — Economy of AIC*, 11, p. 48–50 [in Ukrainian].

3. Gagalyuk, T. V. (2009). Role of vertical coordination in balancing of interbranch relations in agriculture. *Aktual'ni problemy ekonomiky — Actual problems of economy*, 9 (99), p. 250–259 [in Ukrainian].
4. Gaydutskiy, P. Y. (1988). Interbranch links in the agricultural sector. Kyiv: Vishcha shkola [in Russian].
5. Kvasha, S. M. (2010). Agricultural policy and factors of its implementation in the present context of transformation of agriculture Ukraine. — *Visnyk Sums'kogo nacional'nogo agrarnogo universytetu. Seriya «Ekonomika ta menedzhment»: naukovo metodychnyj zhurnal — Bulletin of Sumy National Agrarian University. Series "Economics and Management": scientific methodical journal*, 6/1, 3–11 [in Ukrainian].
6. Kvasha, S. M. (2011). Areas of improvement of mechanisms of formation of market equilibrium on agricultural markets. — *Ekonomika APK — Economy of AIC*, 2, p. 161–167 [in Ukrainian].
7. Kyrylenko, I. G., & Ryzhuk, S. M., & Kvasha, S. M. Agrarian Policy of Ukraine's integration into the global environment. Retrieved from: <http://ua.textreferat.com/referat-4032-10.html> [in Ukrainian].
8. Lupenko, Ju. O. (2012). The strategic directions of development of agriculture of Ukraine till 2020. — Kyiv: NSC "IAE" [in Ukrainian].
9. Mesel'-Veselyak, V. Ja. (2010). On improving of interbranch economic relations in Ukraine's economy. — *Ekonomika APK — Economy of AIC*, 6, 8–16 [in Ukrainian].
10. Sabluk, P. T. (2001). Agricultural Economics and Policy in Ukraine: results of the past and look to the future. *Agrarna ekonomika v umovah demokratychnogo derzhavotvorennja — The agrarian economy in a democratic state. (Vols 1–3)* [in Ukrainian].
11. Sabluk, P. T. (2008). Globalization and food. — Monograph. Kyiv: NSC "IAE" [in Ukrainian].
12. Sabluk, P. T. (2002). Formation of interbranch relations: problems of theory and methodology. Kyiv: NSC "IAE" [in Ukrainian].
13. Tomilin, O. O. (2012). Features of regulation of interbranch relations in the pricing system. *Visnyk Donec'kogo universytetu ekonomiky ta prava — Bulletin of Donetsk University of Economics and Law*, 2, p. 53–57 [in Ukrainian].
14. Tomilin, O. O. (2014). Regulation of interbranch relations in agriculture. Monograph. Kyiv: NSC "IAE" [in Ukrainian].
15. Tomilin, O. O. (2015). Formation of linkages agro industrial production and their impact on structural policies sugar beet subcomplex. Extended abstract of Doctor's thesis. Kyiv: Nat. Acad. sta. Sciences of Ukraine, Nat. Science. — "Institute of agrarian economy " [in Ukrainian].
16. Shpychak, O. M. (2002). Theoretical basis of need to respect the equivalent exchange in AIC and ways to achieve it. — *Visnyk agrarnoi' nauky — Bulletin of Agricultural Science*, 2, p. 5–12 [in Ukrainian].
17. Johnston, & Bruce, F., & John W. Mellor (1961). The Role of Agriculture in Economic Development. *Amerikanskiy ekonomichniy obzor — American Economic Review*, p. 571–581 [in English].

18. Meier, & Gerald M. (1964). *Leading Issues in Development Economics*. New York: Oxford University Press [in English].

19. Ohkawa, & Kazushi, & Henry Rosovsky (1960). *The Role of Agriculture in Modern Japanese Economic Development*. *Ekonomichnyj rozvytok i kul'turni zminy — Economic Development and Cultural Change*, p. 43–67 [in English].

STATE MANAGEMENT

THE CENTERS OF ADMINISTRATIVE SERVICES ARE NEW FORMS OF COOPERATION BETWEEN AUTHORITIES AND CITIZENS.

Abbas Mahmed Aliiev oglu,

Ph.D student,

Taras Shevchenko National University of Kyiv

Annotation. *The article revealed the essence of the concept of "Center for providing administrative services." Analyzed the basic factors that have affect on the establishment of the Centre of providing services in Ukraine. Identified the main problems that have affect on the centers of administrative services and their basic solutions. Also confirmed the legislative consolidation of the Centre of administrative services. Provided the national list of advantages of the center of administrative services. Deals indicators of success centers of administrative services in Ukraine by 2015.*

Keywords: *administrative services, public administration, quality of services, government, local governments.*

Formulation of problem. The creating a comfortable and affordable conditions for obtaining administrative services is one of the main problems that must be addressed by local authorities. After all, the main purpose of the public administration is to provide services, and that the quality of services every citizen estimates the competence and goodwill of the government.

Importantly, many plans that improve the quality of administrative services can implement on its own initiative of local mayors, local council members and other officials of local governments. Preferably, these changes do not require the adoption of new legislation or special support of the central government. This idea was actually confirmed by the experience of many cities of Ukraine: Vinnitsa, Ivano-Frankivsk, Lutsk, Kharkiv and others who made one of the first steps for a new quality of administrative services — to have created centers of administrative services as initiative, even before the entry into force of the relevant the Law of Ukraine "About administrative services."

The advantages of creating centers of administrative services are not only the convenience and accessibility of services for citizens and businesses. Positives for politicians and officials are no less significant. These include:

- Satisfied citizens (voters);
- Comfortable working conditions of staff;
- Rational decision-making procedures;
- Minimizing conditions for corruption and abuse;
- Improved investment climate.

An analysis of recent research and publications. In the preparation of this article were used practical guide "centers of administrative services: creation and organization", prepared by the consisting of: I. Bryhilevycha, S. Vanka, V. Zahaynoho,

I. Koliushka, O. Kurinnoho, V. Stoyan, V. Tymoschuka (Edited) D. Shymanke, published in 2010 and reissued in 2011. It was also used information from the manual 2012 (prepared for DESPRO) scientific and practical commentary to the Law of Ukraine "On Administrative Services" (2013 edition), other materials and research materials and UNDP in Ukraine.

Also benefited from electronic site "Development of Program Of UNDP in Ukraine 50 years" and the Center for Political and Legal Reforms.

The purpose of article. The article aims to justify the creation of the modern centers of administrative services in Ukraine as an effective form of cooperation between citizens and the state. For to achieve this goal necessary to solve the following research objectives: to theoretically explain the concept of the Centers of administrative services, describe the legislative strengthening of centers of administrative services, identify key indicators of satisfaction of citizens centers of administrative services in Ukraine highlight the main problems Centers of administrative services and solutions, also explore the benefits of administrative services in Ukraine.

The main material research. At the present stage of development of Ukrainian statehood a main goal of government is servicing citizens — consumers of administrative services, the quality of which must measures up European standards. In these occasion, especially important is the formation of service's centers (the Centers of administrative services)[3].

The Centers of administrative services concept involves creating a single place of reception of citizens and business entities. That is, first, the introduction of "single reception" for agencies and departments that previously contacted with visitors [3].

In different countries, agencies that providing services have different ways, such as "office for citizens" or "Services for Citizens" (Germany), "administrative center" or "service (department) service residents" (Poland), "integrated office" (Canada) and others. In English version of a very common name such entities, or even name more accurately modes of supply "one-stop-shop», which is often translated as "one stop shop"[3].

In current practice was used of Ukraine many individual names for these tumors, such as administrative services center the "Transparent Office" (Vinnitsa), center for Administrative Services (Ivano-Frankivsk), a Center of municipal services (Kryvyi Rih) and others. Basically each of these names are quite acceptable. But later use the name the Centers of administrative services, because it is fixed in Law of Ukraine "On Administrative Services" on September 6, 2012[3].

There are some differences in the creation of list services in foreign countries. Some focus only on the "fast" and often popular services. In particular 'offices for citizens' FRG provide the most demand public services (residence registration, registration of vehicles, issuance of identity cards and passports, etc.). In other countries these offices are trying to provide maximum services. "Administrative center" in Poland count tens of services, grouped by industry criteria. For example, in Krakow in the administrative center provides all services starting to give from passports and registration vehicles, and ending of social assistance. The maximum assortment of services are in the city Hague (Netherlands)[4].

The positive side of the Centers of administrative services are territorial accessibility (including, if necessary, the availability of branches), open room for service, facilities for persons with disabilities and persons with children, extended hours of operation (including work extended to 20.00 on certain days of the week and work on Saturday), stage electronic regulation of turn (for large offices), related services and more.

Latest properties can be used by individual 'departmental offices. But in terms of public resources, integrated service delivery is also economical, because comfort conditions need more resources to create some departmental offices.

It should be remembered that every single territorial authority is usually also the cost of providing a transparent (management, HR, accounting, IT department, etc.). As already noted, social polls confirm the obvious of benefits and better quality in the provision of administrative services through integrated centers compared to departmental offices.

You can allocate a separate factor for better quality services in the Centers of administrative services such as best the Center of administrative services formed by local governments. This is because local politicians are interested in voters' sympathies, so make every effort to ensure the quality of services. In addition, local governments more potential resources (choice of rooms, budget funds for development, opportunities for grants and loans) that can be used to create and the Centers of administrative services improve the quality of administrative services.

The Center of administrative services- it also minimizing factor against corruption. For example, according to independent estimates, the Center of administrative services in the Volyn region is among the best in Ukraine. Also positive is the evaluation and subjects corruption economic condition in this region. In our view, this relationship is direct.

Under paragraph 6.12 of the Law "On Administrative Services" list of administrative services provided the Centers of administrative services by determined by the authority that created the Centers of administrative services [1].

From the consumer's perspective of service users is important that the Centers of administrative services given maximum number of services and that there must be popular (basic) administrative services. Now most of them belong to the competence of the executive branch, and therefore the inclusion of these services to the list of services the Center of administrative services depends on the Cabinet of Ministers of Ukraine.

The main instrument of integration of these services of norm the Center of administrative services is first paragraph of Article 7. 12 of the Law under which to the list of administrative services provided by the Center of administrative services must be included service executive bodies, which are available in the Center of administrative services approved by the Cabinet of Ministers of Ukraine. This decision was taken May 16, 2014. Prescript of Cabinet of Ministers of Ukraine "Some issues of administrative services by executive agencies providing centers administrative services "on May 16, 2014 №523 — p [2].

Resolution №523 affects several groups of administrative services, including:

- For registration of residence, issuance of passports;
- For the registration of individual entrepreneurs and legal entities;

- For registration of realty;
- For land's registration.

Practice shows that these services are truly essential for citizens and businesses. In particular, is indicative of the Centers of administrative services Statistics Volyn region in March 2015, as 38% were services Justice (registration business and the rights to real estate); 26% — were services of the State Migration Service (residence registration and passports); 25% — were SALR services (land registration); 11% — were own services district administrations and city executive. That is almost 90 per cent of services on which people are turning to the Center of administrative services — was a service of three government agencies. And regardless of the prospects of these groups decentralization of services, they continue to make up most interest to consumers [9].

During the years 2011–2013 in the city of Kyiv was established 11 the Centers of administrative services (1 urban and 10 district). Most Centers of administrative services formed on the basis of licensing centers that started its activities in 2007 according to the Law of Ukraine "On licensing system in the sphere of economic activity" and ensure provision of administrative services of issuing permits in economic activity. Permitting centers have become an integral part of the Centers of administrative services.

Administrative services quality assessment by Ukrainian citizens (as of 2015, comparison with previous years).

Survey was carried out by the Ilko Kucheriv Democratic Initiatives Foundation (DIF) with the help of the sociological service of Razumkov Centre during the period from November 14, 2015 through November 22, 2015 to the order of Centre for policy and legal reform within the UNDP projects "Smart Practices for Oversight by Non-State Actors on Administrative Service Provision" and "Democratization, human rights and civil society development", with the financial support of the European Union and the Ministry of Foreign Affairs of Denmark. 2009 respondents aged 18 were surveyed in all the Ukrainian regions with the exception of Crimea and temporary occupied territories of Donetsk and Luhansk regions (Tab.1, 2, 3, 4, 5, 6)[4].

**Administrative services quality assessment by Ukraine citizens
(as of 2015, comparison with previous years)**

Table 1

Quality of administrative services

	2014	2015
High	5 percent(5 %)	14 percent(14 %)
Low	40 percent(40 %)	32 percent(32 %)
Medium	35 percent (35 %)	37 percent (37 %)

Table 2

Main negative aspects of services

28 %	Long waiting lines
21 %	Service delay
18%	Lack of clear explanations
13%	Need to go to other departments

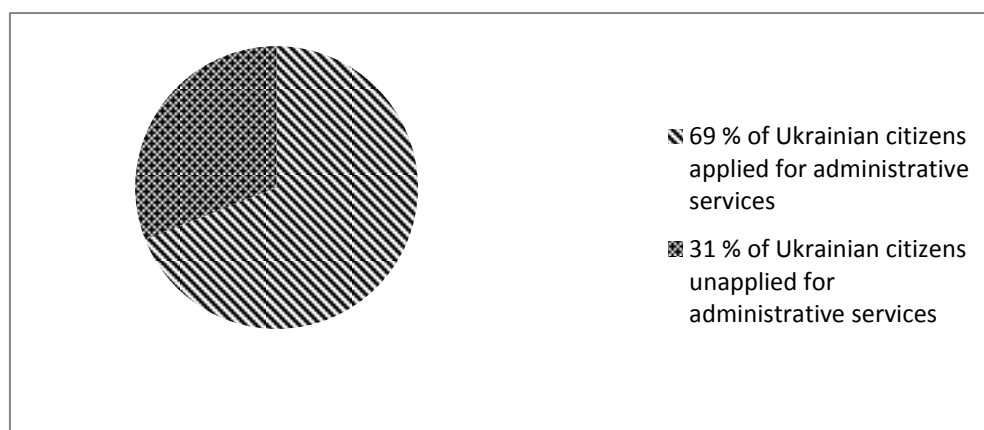

Fig. 1 Statistics of citizens appeals to the centers of administrative services (2015)
 provided administrative services and customer service were rated
 42 % — satisfied
 48 % — unsatisfied

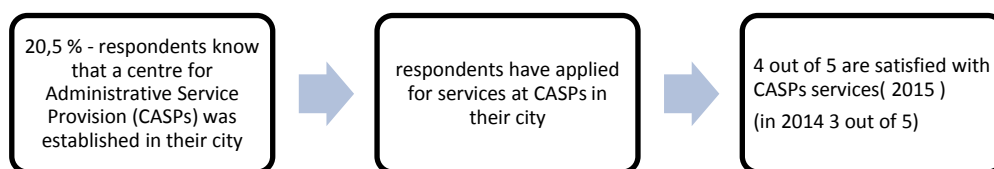

Fig. 2 Citizens who know about the Centers of administrative services

Typical problems TSNAP[8].

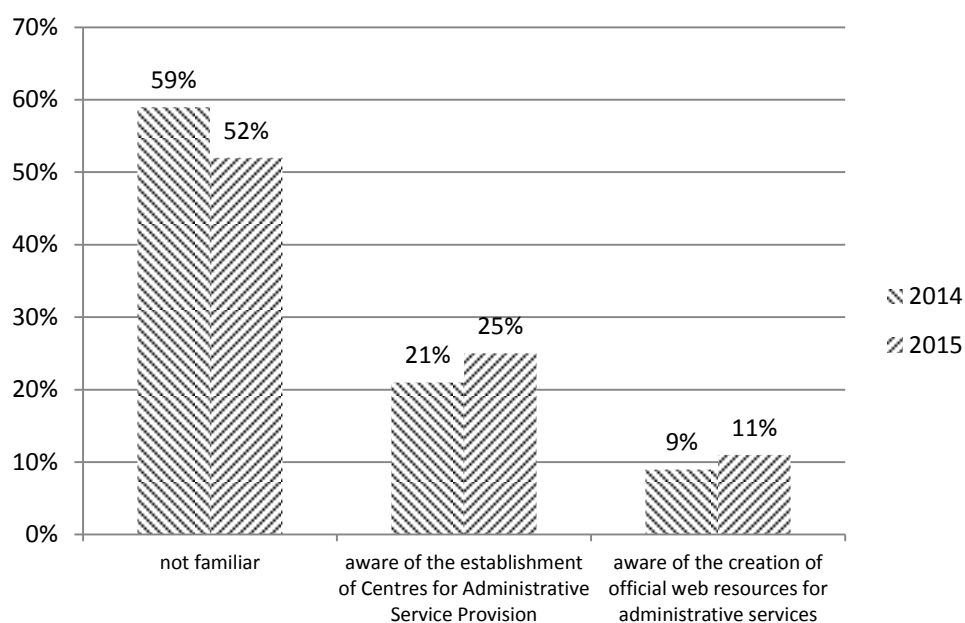
Problem №1. The Center of administrative services-"sign": a small number of services and procedures unchanged.

Over 650 TSNAP that are considered officially open is de facto a center of administrative services include much more. There are many cases when many cities and regions instead of full Center of administrative services is only relevant "sign" the Center

of administrative services" on the door of a certain room, or even well equipped room, which actually has no administrative services or visitors.

Table 6

**Familiarity with authorities activity in providing administrative services
(%)**

Actually the last two criteria can give the most objective assessment of whether adequate the Centers of administrative services formed in a given city / area and whether it is effective. The minimum number of services the Centers of administrative services in list of services, and miss of visitors (low number of accepted applications and issued documents, especially compared to the Centers of administrative services similar populous cities, regions) indicate that this the Center of administrative services was no real place for administrative services to citizens and business entities. Moreover, there are precedents when the Centers of administrative services only burden the citizens, as was the additional element that must go face when applying and recording the result.

But, of course, wrong to focus only on the negative experience. In Ukraine there are many appropriate the Centers of administrative services which practically does not yield the best foreign models of integrated offices. First of all, cities such as Vinnitsa, Ivano-Frankivsk, Lutsk, Kharkiv, Khmelnytsky and more.

So TSNAP quality can be assessed primarily by criteria such as the presence of a large number of administrative services of Centers of administrative services and,

above all, the base (top) administrative services and, therefore, a high amount this services that provided during the day, month, year.

Problem №2. Inadequate facilities. Unfortunately, many Centers of administrative services allocated apartment that do not allow properly organize a service to visitors. Often this traditional corridors and classrooms do not create the right conditions for visitors and where acceptance of treatment carried out in a closed format "one on one". The disadvantage of most Centers of administrative services in Ukraine is insufficient space of facilities that do not normally organize jobs and is an obstacle for the expansion of services.

As noted above, the Centers of administrative services should be selected (if necessary repaired or built) apartment, which is responsible to the concept of "open space", that arranging staff jobs in one large hall or several large rooms.

This is a fundamental requirement, because this format adds transparency in work and can effectively organize the work staff.

The room must also to create appropriate conditions for placing the reception (information point of first contact), conditions for expectations and more.

An exceptional attention should be given to the creation of conditions for visitors with special needs (disabled, etc.). Unfortunately, most Ukrainian Centers of administrative services is limited to the ramps to enter the room. However, we must remember about the conditions for access of people with disabilities to information in the Centers of administrative services, to working strength administrators, to personal hygiene rooms and more.

Problem №3. Differentiated office hours. In practice, you can often meet the situation where the total time for work in TSNAP does not match to the real "Public Hours" and / or the total number of hours of receiving less than 42 hours by law:

1) in the Centers of administrative services sometimes is distinguish between "TSNAP mode" and "Public Hours," while the number of reception hours are significantly less than 42 hours a week (required by law);

2) many Centers of administrative services practiced using differentiated schedule of reception of citizens in the context of different categories of cases;

3) in Centers of administrative services used during the workday breaks (technological, dining, etc.). This approach does not meet the law, although the total number of reception hours can be significant, and even exceed the minimum requirements of the law. The presence of these breaks makes service users adjust features the Centers of administrative services schedule instead choose a convenient time visit. In addition, these breaks leading to the peak of artificial and unreasonable queues in the Centers of administrative services.

So, be aware that the reception of applications is common in all Centers of administrative services (only) for all administrative services that provided it.

Problem №4. Save "parallel" reception. One of the mistakes that greatly undermines the efficiency of the Centers of administrative services is a preservation of "parallel admission", that the possibility of appeal subject to consult or deliver documents not only in Centers of administrative services but also directly to structural unit / authority who decide this case on the merits .

It is also necessary to recognize that the primary rule prohibiting parallel reception (part 8 of article 12 of the Law) was not laid out very clearly, so very much dependent on the persistence of the body that forms Centers of administrative services. It is important that this is the subject of customer service provided integrated services and forbade parallel reception at its own regulations or agreed solutions. But a law passed on 12 February 2015 deregulation of amendments to clarify this paragraph 8 of Article 12.

Problem №5. Outstanding preparatory work. Some Centers of administrative services not even have a clear list of administrative services provided through such Centers of administrative services. Sometimes justify the absence of such a list and that has not adopted the Law "On the list of administrative services and fees for their provision." However, this argument is wrong. The authority to determine the list of administrative services provided by the Centers of administrative services right under Article 12 of the Law "On Administrative Services" and this authority belongs Authority forming Centers of administrative services and nothing to do with the above law (bill), "On the list ...".

Conclusion. So, current trends in consumption, accompanied by welfare and the restructuring of priorities, characterized by a sharp increase in the role service system of needs of society [10, p. 301–302]. Implementation in state policy the provision of administrative services should be implemented by criteria should include to standards and under which will be evaluated the quality of this services.

These services, including:

- Performance (focus on a positive outcome);
- Timeliness (or provide a reasonable resolution of the case law terms);
- Availability (convenient location for public administrative body, the presence of transport interchanges, access roads and parking vehicles; access to the premises without permits; free form, etc.);
- The convenience of providing administrative services (choice of alternative method of treatment (including or e-mail); providing services for a "single window"; a convenient schedule for receiving of visitors and procedure of payment administrative services, etc.);
- Disclosure (easy access to information on the procedure of administrative services required documents for their orders, rules, fill forms, terms of the case, the size of the board, completeness and relevance of information, its placement on notice boards, site authority in other sources; providing advice, including by means of telephone or e-mail, e-mail);
- Courtesy to citizen (equal treatment of all service users, availability of appropriate domestic facilities in the premises of the administrative body etc);
- Professional (in the presence of appropriate administrative staff knowledge and skills, as reflected in the performance of duties, consulting).

It was found that during 2012–2013 years Ukraine started work centers 114 administrative services, including: 1 republican, 48 local, 44 regional, 10 districts in Kyiv, two regional centers, 9 centers, are both urban and regional.

Among the latest innovations in many domestic include the Centers of administrative services [9]:

1. the possibility offers / receiving once several administrative services of the Centers of administrative services per employee per visit;
2. the possibility of receiving an appointment at a specified time as the Internet and through e-government turn;
3. SMS-informing about the readiness of the result;
4. the creation of separate rooms for children (for visitors with children);
5. the creation of a "personal office" consumer services (website of the Centers of administrative services);
6. the allocation of several free computer sites for visitors who can use them to search for information or to apply for electronic services;
7. recourse for administrative services in any territorial division of the Centers of administrative services and ordering results in another unit;
8. the possibility of tracking the status queue in the Centers of administrative services and its territorial divisions on the web-resursu of the Centers of administrative services / city council and choose the least loaded the Centers of administrative services ordering services;
9. imposing duties of filling application forms / forms for staff of the Centers of administrative services person with duty personnel only test data and sign the application;
10. the custom web portals of administrative services with the option of electronic ordering some services. This can be used to identify a digital signature (especially for businesses), so other means of identification (including so-called «Bank-ID» / banking identification);
11. the possibility of offers to getting through the Centers of administrative services Foreign biometric passports;
12. the possibility of the Centers of administrative services not only give administrative services, but also public service of enterprises-monopolist .

References:

1. The Verkhovna Rada of Ukraine (2013), The Law of Ukraine "Of administrative services", available at: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/5203-17> (Accessed 30 May 2016).
2. Cabinet of Ministers of Ukraine (2014) "Some issues of administrative services by executive agencies providing centers administrative services" on May 16, 2014 p. №523-p., available at: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/523-2014-%D1%80> (Accessed 30 May 2016).
3. The centers of administrative services: creation and organization of business: A Practical Guide, 2nd edition, supplemented and revised / [Brygilevych II, Vanko S. I., Zagalnyi V. A., Koliushko I. B., Kurinnuy O. V., Stoyan V. A., Tymoshchuk V. P., Shymanke D.] /According Society. Ed. Tymoshchuk V. P. — Kyiv, Alexandr Moskalenko, 2011.
4. Administrative Services: User / [V. Tymoshchuk]; Swiss-Ukrainian project "Decentralization Support in Ukraine — DESPRO». — K LLC "Sofia-A». — 2012. — 104 p.

5. Karpenko, O. V. (2014), *Upravliniski posluhy v Ukraini: mekhanizmy nadannia orhanamy vlady* [Administrative services in Ukraine: mechanisms of government], AMU, Kyiv, Ukraine, p. 408.

6. Tymoshchuka, V. P. *Naukovo-praktychnyi komentar do Zakonu Ukrainy «Pro administratyvni posluhy»* [Scientific-practical commentary to the Law of Ukraine "On Administrative Services"], FOP Moskalenko O. M., Kyiv, Ukraine, p. 392.

7. Berdanova, O. V. Vakulenko, V. M. Vasylenko, M. D. Halatsan, O. V. and others (2003), *Rozvytok partnerstva mizh mistsevoiu vladoiu ta nederzhavnym sektorom u sferi nadannia hromadskykh posluh* [Development of partnerships between local authorities and the private sector in the provision of public services], Patent, Uzhhorod, Ukraine, p. 192.

8. Providing administrative services in the municipal sector. A manual for local government officials / V. Tymoshuk / AUC Ukraine — Kyiv, LLC "COMPANY" BI EN HEY ", 2015. — 124 p.

9. Administrative services: state and prospects of reform. A Sourcebook / [Tymoshchuk V. P., Dobriansky N. L., Kurennoy E. V., E. O. Shkolny et al.] / Common. Ed. Tymoshchuk V. P., Kurennoy E. V., — K., 2015. — p. 72–196.

10. Wasilyeva N. V. Domestic experience of providing administrative centers their services / N. V. Vasylev // *Scientific exploration of state and municipal Management: Coll. Science. pr. [Vol. 1] / under total. Ed. V. K. Prysyzhnyuk, V. D. Bakumenko.* — K: AUC, 2011. — P. 159–165.

11. Wasyliewa N. Zaspokayanie potrzeb spolecznych — aspekt lokalny i centralny / N. Wasyliewa // *Samorzad terytorialny w Polsce i na Ukrainie* / red. M. Karpiuk. — 2013. — S. 295–302.

12. The progress of the reform of administrative services monitored — <http://www.ua.undp.org/content/ukraine/uk/home/presscenter/articles/2015/10/19/-html>

13. Is the centre for administrative services really more effective and convenient for citizens? <http://www.ua.undp.org/content/ukraine/uk/home/presscenter/articles/2015/06/09/-html>

14. Administrative services quality assessment by Ukrainian citizens (as of 2015, comparison with previous years) — Is the centers of administrative services really are more efficient and convenient for citizens?

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

THEORETICAL BASIS OF FORMATION AND FUNCTION OF MORAL VALUES OF THE PERSONALITY IN SCIENTIFIC LITERATURE

Mariya Fedorova,

*Ph.D of Pedagogic Sciences, Associate Professor,
Zhytomyr Ivan Franko State University*

Annotation. *The article deals with theoretical and methodological analysis of the concept of "moral values" in philosophy, sociology, ethics, and psychology. The author highlights main features, content and structure of moral values. The author gives his own approach to defining moral values. The article singles out specific features of formation and development of personality that determine the formation of moral values.*

Keywords: *values, moral values, personal values, identity, needs, moral behavior motivation, values realization.*

Actuality and expediency of the investigation. In modern human sciences (philosophy, sociology, psychology, pedagogy) personal values (in particular, moral values) are the main reason that determines the behavior of the personality in the society. As the result of this, the question concerning determination of main characteristics of moral values, substantiation of peculiarities of their formation and function, marking mechanisms of their formation rises. The search of answers to these questions is necessary for ensuring realization of educational aims, as the teacher will be offered theoretical basis for securing educational process of moral values in integrated pedagogical process.

Analysis of the problem's elaboration. The problem of values is interdisciplinary and is elaborated in philosophy (M. Berdyaev, O. Drobnytsky, M. Kagan, I. Kant, R. Lotze, S. Frank), ethics (R. Apresian, M. Hartman, A. Gyseinov, O. Zolotychina-Abolina), sociology (M. Weber, E. Durkheim, T. Parsons), psychology and pedagogics (I. Bech, B. Bratus, I. Vygotsky, A. Kiryakova, D. Leontiev, M. Rokych). In spite of numerous investigations of the problem of moral values functioning there are no works that highlight theoretical and methodical basis of moral values' upbringing, during different stages of the personality formation.

Formulation of aims of the article. The aim of the article is to single out the main characteristics of moral values, patterns and mechanisms of their formation, psychological and educational conditions of education on the basis of analysis of philosophical, psychological and pedagogical literature.

Exposition of the main material. In modern philosophical literature, the term "value" denotes positive or negative meaning of surrounding objects for a person, class, group or society in general. The value of the object is determined not by its qualities, but by needs and interests of the individual to appraise the sphere of social relation, which set criteria and ways for evaluating social phenomena and objects.

The important part of our investigation is to determine the place of moral values in the general system of values. Nowadays different classifications of values exist. According to the level of concernment, there are absolute values, relative values (political, religious, moral) and antivalues (S. Anismov). According to the kind of social activity, there are values that satisfy material or nonmaterial needs of people (L. Yuldashev). According to the form of existence, there are material values and needs of consciousness comprising social and moral values (V. Bransky). According to the sphere of arousal, there are life values and culture values, including material, sociopolitical and spiritual values (O. Drobnitsky). The analysis of existing approaches of values classification draws a conclusion that moral values are derivative from social values, they satisfy nonmaterial needs of a person, so together with cognitive, religious, aesthetic values moral values are the parts of spiritual values.

Moral values are not universally accepted and they need to be fixed in correlative imperative formulations. They are universal and addressed to everyone [1, c. 11]. In connection to this, some expressions of moral values single out ideas, ideals, norms that comprise principles of evaluating human's behaviors and real examples of morality embodied in people and their deeds (A. Gyseinov).

The distinctive characteristic of moral values is their basement on natural human's need of unity are orientated to spiritually elevated ideal of human unity, that is expressed in solidarity and mercy love (R. Apresian), providing integrity of society and humankind. Moral values expressed through deeds and actions of person welfare presuppose the absence of self-interest motive, denial of egocentric orientation in life, expressed not only in aims, but also in means of their achievement. V. Tygarinov claims that these moral values shown in corresponding activity (moral activity) result the production of moral ideas and provide both social and individual progress [10, c. 36–48].

Among other characteristic features of moral values scientists also distinguish the following ones: overall significance and necessity; absence of institutional status, corporations that can act in the name of morality (A. Gyseinov); fixation in social consciousness; satisfaction of people's nonmaterial needs (O. Rodionov); connection to will that limits vital needs submitting to ethical aims (G. Ricket).

In modern philosophy the subject-object approach dominates. The nature of values lies in their relations between the subject and the object (S. Anismov, G. Vyshletzov, O. Drobnitsky, M. Kagan, O. Rodionov). O. Rodionov claims that the objective character of moral values witnesses moral inherent worth of everything that exists (every form of existence is thought to be inherent worth, blessing and good). Their subjectivity is connected with individual perception of the world, need for denial of understanding the value as the meaning of the object to the subject and acceptance of inherent worth of objects.

V. Tygarinov defines two levels in the structure of moral values: basic level comprises material and spiritual needs of a person; interests that are determine methods of satisfying needs and aims that include mental form of values. The higher level comprises the system of concepts and knowledge about the worth and worthlessness of some phenomena, ethical valuation, practice [7, c. 111]. S. Anismov and M. Kagan suggest looking at values in combination with valuable attitude and ethic valuation.

Valuable attitude helps to define importance and value of the object to the subject; valuation helps to transfer results of attitude in emotional and intellectual level. It is important to denote that while valuating impulses, motives which cause the deed should be taken into account [7, c. 111].

The bearer of moral values is the individual; the sphere of their demonstration is relations between people. In the lecture "Golden Rule of Morality. Genesis", A. Apresian singles out the main criteria of moral action: it is an enterprising subjective action (not reactive and reproductive). The action is reflexive (not spontaneous) and announces, acts as one side, but not reciprocal; it comes from a desire (not a wish), that is conscious and connected with will; it is done towards another person but with the projection on oneself; it overcomes subjectivity of the individual and harmonizes relationships; the action is significant and relevant under different circumstances. Overall, the formation of moral values is connected with the development of nonmaterial needs of consciousness and self-consciousness of the individual and his will power.

In modern psychology, starting from O. Leontiev, moral values are characterized using concepts "sense" and "semantic formation" (O. Asmolov, I. Bech, B. Bratus, B. Zeygarnik, D. Leontiev, O. Leontiev). Moral values have their typical characteristics: active character shown in actions; determination by needs and motives of the individual; the result of the activity development of the subject and its individual attitude towards the world, people and oneself; absence of codification in the system of concepts. They do not exist in isolation, but form a system. They hardly depend on situation but the hierarchy of individual values is invariable and they are considered to be ideal (O. Asmolov, O. Basina, B. Bratus, B. Zeygarnik, D. Leontiev, O. Nasynovska). Moral values appear to be the highest level in the structure of personality and are a key fact that determines person's behavior. Models of value orientation are set up in childhood and hardly ever change in adulthood.

The main mechanism of moral values adoption is the general mechanism of adoption of social activity forms, according to which those outward processes are adopted and transformed into inward, mental processes (L. Vygotskiy, P. Galperin, O. Leontiev, G. Uruntaeva). Interiorization of moral values is held due to processes of adaptation, socialization and individualization. Mechanisms of protection, identification and internalization are mechanisms of their development (S. Yasnitskiy). O. Bodalev claimed that the main factor of interiorization of values common to personal values is the attitude to the person and his environment subjectively valuable people and communities. Mechanisms of influence are the following: contamination, infusion, belief, persuasion, when the level of criticality is lowered from the side of the subject. Along with it, it is important to take into account the psychological readiness of the subject to react to influences that comprise values [5, c. 164–165].

The formation of moral values presupposes influence on cognitive, emotional and active spheres of the personality. Therefore, it is appropriate to define such components in the structure of moral values as the cognitive component, the emotional component and the active component.

Personality's acquirement of emotional component is connected with the development of child's attitude to oneself and the others, formation of social motives for activi-

ty. The basis of moral values is nonmaterial needs that comprise consuming attitude to the world. Their source is the need for communication that forms during the first month of life. V. Aseev proves that during the first stage of moral motivation formation of behavior it is important to connect desirability, concernment and obligatory results taking into account opportunities of the personality, abatement of strong negative emotions to reach the aim. Therefore, higher aims must not be put on the boundaries of functional capabilities and motivational human resources, but in a definite optimum area that will block a risk zone and prevent from activating psychological barriers and mechanisms of protection such as: "the activity is not necessary", "the activity is not possible" [2, c. 39].

V. Dodonov proved that in the process of values formation thinking and emotions interact: thinking distinguishing values, telling apart good and evil, and emotions help to valuate information that comes from the outer world by comparing it to the standards fixed in the consciousness. Thinking creates concepts; while emotions create emotional summarizing. J. Prince claims that emotional foundations of moral judgments have driving rather close force. Judgments about morality without emotional support are not moral [12, c. 41].

The cognitive component of moral values presupposes the development of consciousness and self-consciousness of the personality, acquirement of moral concepts and norms.

The formation of moral values is connected with the development of self-consciousness. The regulative role of self-consciousness is shown not only in reflection of personal senses, but also in deciding about their acceptance or denial [6, c. 99]. It witnesses inner mental activity aimed at awareness of personal senses transition of significant semantic formations to values as the semantic formation of higher level.

Researches performed by L. Anziferova and I. Chesonokova have proved that the level of moral values formation depends on the development of mental synthesis, analyses and comparison. It allows the personality to accept moral prompts and pieces of advice, overcome moral collisions, understand the sense of moral contradictions and analyze moral problems.

O. Asmolov claims that the formation of values proceeded by solving "sense tasks" that are aimed at knowing the sense of life, importance of some values. While solving this kind of task, great work is done in such spheres: the relation of the motive to inner and outer obstacles that are to overcome; correlation of the motive with other motives for activity; valuation of the motive according to norms of behavior and ideals of the personality; correlation of the motive with real opportunities of the personality. From the moment of their realization, values do not change and are a distinctive characteristic of motivational relations of the personality [3, c. 367].

L. Kolberg distinguishes different levels of personality's consciousness development that are common to different cultures. The content of the pre-conventional level is that child's behavior is stimulated by outer motives of reward and punishment. The conventional level is characterized by child's behavior according to norms fixed in a particular social group (family, nation). The post-conventional (autonomous) level is characterized by formed moral values and principles that are general and

ethnic [11, c. 55]. I. Bech mentions that levels of personality's consciousness development suggested by L. Kolberg coincide with typologies of fear, restraint and conscience [4, c. 161].

The active component of moral values presupposes person's mastering ability and skills of moral behavior. T. Gayova noticed a connection between developed motivational, cognitive parts of consciousness of the personality and his behavior. Only high level of development of both parts determines stable, active moral behavior that has the following characteristic features: this activity is effective and qualitative as the person enlarges the number of his duties and realizes his moral abilities.

S. Kupzova proved that realization of personal values depends on inclusion of cognitive mechanisms in the process: realization of personal values does not depend on the level of psychometric intellect, but depends on the cognitive style of the personality, especially on a narrow range of equivalence, field dependability, and flexible cognitive control. N. Salihova supported these conclusions. Her researches proved that realization of personal values is stable, does not depend upon composition of values, and is not connected with instrumental characteristics of the personality, motivation for success or failure. Realization of personal values depends on: changes in the social developmental situation of the subject, formation of actual and potential barriers, level of responsibility formation, valuation of life and personal freedom, mechanisms of cognitive and perceptive layers of the world's image (styles of information transformation and cognitive styles) [9].

In psychology much attention is devoted to communicating and humanistic foundation as a distinctive factor for transmission of moral values (B. Ananiev, I. Bech, O. Bodalev, L. Vygotsky, S. Rubenstein and others). O. Bodalev distinguishes the following psychological circumstances for humanization pedagogical communication: the subject-subject foundation of communication, connection of interpersonal and role communication, high morality of the tutor, the usage of dialogs while communicating with the pupil influences the emotional sphere of the personality stronger than monologue. Pedagogical circumstances of communication are: blocking of the position of a consumer, supporting the position of a creator; creating situations that provoke the reveal of moral values; helping in realization of educational possibilities of studying; working and communicative activities, influencing mass-media and friends as factors that correct content and form of attitude of the personality. While communicating, a circle of people named "we" will enlarge in the expense of reduction of the category "they"; accumulation of positive impressions from communication with other people; the usage of a collective as a method of moral education of the personality [5, c. 183–189].

Conclusions. The analysis of scientific literature enables to come up with our own definition of the concept "moral values". Moral values are significant conscious semantic formations that are fixed in the consciousness of the personality in "primary models", based on unconditional recognition of human's value, ideas of justice, mercy, recognition of personal responsibility for the other's welfare, they are revealed in corresponding deeds and actions and help harmonizing relationships between the personali-

ty and the society. Justice, mercy, discretion, unselfishness, kindness, courageous, dignity, honesty, loyalty and generosity are among the main moral values.

Moral values are the values of the subject, their bearer is the personality, and their sphere of realization is people's actions. Moral values are united in the concept "kindness", and are aimed at supporting the unity of the society and humankind in general and are displayed in behavior directed on another person. We have singled out components of the structure of moral values: the cognitive component, the emotional component, the activity component. The cognitive component of moral values presupposes the development of consciousness and self-consciousness of the personality, acquirement of moral concepts and norms. The emotional component is connected with the development of child's attitude to oneself and the others, formation of social motives for activity. The activity component of moral values presupposes person's mastering ability and skills of moral behavior. Interiorization of moral values is held due to processes of adaptation, socialization and individualization. The mechanisms of influence are the following: contamination, infusion, belief, persuasion. The most important way for transmission of values is communication based on the subject-subject foundation.

References

1. Apresyan R. G. (2006). The notion of social morality (Conceptualizing Experience): Philosophy questions, 5, 3–17.
2. Aseev, V. G. (2004). Peculiarities of the structural structure of the semantic structure of the personality. The meaning of life and acme: 10 years of search: in 2 vols. Moscow: Publishing House "Smysl". V. 1.
3. Asmolov, A. G. (2007). Psychology of the Personality: Cultural and historical understanding of the human development. Moscow: "Smysl".
4. Bech, I. D. (2008). Upbringing of the personality: textbook. Kiev: Lybid.
5. Bodalev, A. A. (1996). Psychology of communication. Moscow: Institute of Practical Psychology, Voronezh NPO "MODEK".
6. Budinayte, G. L., Kornilova, T. V. (1993). Moral values and personal preferences of the subject: Questions of psychology, 5, 99–105.
7. Kagan, M. S. (1997). Philosophical theory of values. Saint Petersburg: TOO TK "Petropolis".
8. Rodionov, O. A. (2009). Moral values: history of the essence: Scientific statements Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law, 8 (3), 42–49.
9. Salikhova, N. R. (2011). Value-semantic regulation of vital activity of the subject: abstract of dissertation. PhD in Psychological Sciences. Kazan, 45 p.
10. Tugarinov, V. P. (1968). Value Theory of Marxism. Leningrad: Publishing House of Leningrad University.
11. Kohlberg, L., Hersh, R. H. (1997). Moral Development: A Review of the Theory: Theory into practice, 16 (2), 52–59.
12. Prinz Jesse (2006). The emotional basis of moral judgments: Philosophical Explorations, 9 (1), 29–43.

PHILOSOPHY AND THEOLOGY

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ УКРАИНСКИЕ РЕАЛИИ

Евгений Дергачев,

*аспирант кафедры теории и практики управления,
Национальный технический университет Украины «КПИ»*

Information policy of the state as a factor in the formation and transformation of the legal consciousness of the society: history and modern Ukrainian realities

Annotation. The article reviewed the legal consciousness of society as a factor in the development of a democratic state. Defined the information policy of the state as the basic imperative of development and transformation of the legal consciousness of society. Is specified to strengthening the state's influence on the formation and transformation of the legal consciousness of society by carrying out works in sphere of legal information reports to the public.

Keywords: legal consciousness, information, information policy, the state, the society.

Вступление. Крайне важную роль в формировании правового сознания и его функционировании в демократическом обществе играет правовая информация. Именно с правовой информацией связано знание гражданами своих прав и свобод, основ правовой системы и действующего законодательства, ценностей демократического пути развития и тому подобное. Отсюда вытекает актуальность проблематики, которая заключается в том, что именно государство и его институты обязаны проводить соответствующую информационную политику, которая в этой сфере сводится к разумному и демократическому донесению членам общества основных правовых положений и знаний. Поэтому, в нашем исследовании считаем необходимым доказать необходимость гуманистических трансформаций в сфере правовой информационной политики, которую осуществляет государство с целью преодоления таких проблем правового сознания общества как правовой нигилизм, правовой идеализм и правовой дилетантизм, поскольку на современном этапе развития общественный кризис перерастает в нравственную проблему каждого члена общества. Такие трансформации, в свою очередь, являются одной из гарантий демократического развития государства и объясняются тем, что без информации о существующих правах, правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности в государстве нельзя обеспечить полноценное формирование правосознания демократического общества. А, как известно, при развитии гражданского общества и социального, правового и демократического государства усиливается необходимость формирования и трансформации правового сознания всех субъектов правовых и общественных отношений. Следовательно, преодоление метаморфоз правового сознания и создание условий для прогрессивного развития правового сознания социума, активного и сознательного участия граждан в осуществлении государственной вла-

сти является сегодня первоочередной задачей общества и, в первую очередь, государства.

Анализ научных исследований по тематике. Указанную проблематику рассматривали в своих трудах такие выдающиеся зарубежные и отечественные ученые, как Моска Г., Парето В., Боттмор Т., Ашин К. [1], Коуэн Д., Хоффман Е., Купер Д. [3], Дельгадо Р. [5], Маршалл А. М. [14], Ильин И. А., Цимбалюк Н. Н., Евпалова Н. Ю., Рыков А. М., Дмитриенко Ю. М. и др. Авторы рассматривали некоторые аспекты правового сознания, факторы формирования правового сознания, уровень и влияние государства на правовое сознание общества, некоторые аспекты информационной политики государства в различных сферах общественной жизни.

Эмпирическая часть исследования. Прежде всего необходимо определить, что именно мы понимаем под термином «правовое сознание». Считаем, что нет необходимости делать полное исследование и толкование правового сознания, его этимологического и функционального содержания. Отметим, какой именно подход к толкованию данного понятия является наиболее удачным в рамках нашего исследования.

При исследовании правового сознания необходимо понимать важность констатации характера ценностного отношения к правовым нормам, акцентировать внимание на том, что развитые формы правовых положений обязательно должны включать желание добровольно придерживаться действующего законодательства посредством воздействия правового сознания. Представитель такого понимания правового сознания И. А. Ильин отмечает, что правосознание — это воля к праву и способность «самозаконно» мотивировать свои поступки осознанием границ допустимого поведения в реализации правоотношений и связи между правом и моралью. Он подчеркивал, что именно такое правосознание является тем, чего требует государство и право для своего процветания [11, 22–23]. Здесь мы видим очень точное определение правового сознания как категории, которая сочетает в себе наиболее важные аспекты таких социальных регуляторов как право и мораль.

Продолжая толкование правового сознания как категории морали, нельзя не обратиться к классикам философской мысли. Гегель сравнивал правовое сознание с нравственным сознанием. В «Философии права» он различал нравственное сознание (нравственность) как высший уровень сознания и правовое сознание как составляющую позитивного права [10]. Такой подход отражает тот факт, что правовое сознание по сути является производной категорией от нравственного сознания, которая формирует уровень и способ правового мышления.

Британский исследователь правового сознания Д. Коуэн определяет правовое сознание как комплексную категорию философии, права и социологии, с помощью которой можно определить отношение людей к определенным процессам общественного и государственного бытия [4, с. 930].

Е. Хоффман, исследуя развитие и влияние правового сознания на работников различных сфер общественной жизни, говорит о том, что правовое сознание по-

могает определить не только отношение к правовым институтам в государстве, но и повышает общий уровень общественного сознания и образованности [7].

На наш взгляд, правосознание — это совокупность идей, представлений, эмоций и чувств, которые выражают нравственное отношение отдельного гражданина в частности и общества в целом к праву, а также к разнообразной деятельности государственных институтов, связанной с правом.

На сегодняшнем этапе развития важно понимать правовое сознание в контексте формирования и обеспечения основных и фундаментальных прав человека, демократических ценностей, являющихся основой для дальнейшего развития государства и общества. Ведь именно совокупность знаний о правах человека, их содержание и механизм защиты составляют основу правового сознания общества и каждого отдельного гражданина. И именно в контексте, в первую очередь, информированности об указанных правах и свободах, мы будем рассматривать формирование и трансформацию правового сознания общества в нашем исследовании.

Современное украинское общество называют информационным, так как информация становится основным фактором развития и управления обществом. В связи с этим роль информационного воздействия усиливается во всех сферах общественной жизни и не может не находить отражение в ее правовой составляющей.

Формирование представлений о праве, обществе и государстве в правовом сознании — ключ к демократическому развитию общества, так как информационное воздействие во многом определяет выбор варианта поведения его членов, а, следовательно, и пути развития общества и государства в целом. Необходимо уделять внимание проблемам правового воздействия, выражающегося в процессах правового воспитания, обучения и информирования, а также формированию и трансформации правового сознания.

Положительное информационное воздействие носит правовой характер, так как осуществляется с использованием правовых методов и преследует правовые цели. Положительным информационным воздействием, по нашему мнению, является влияние правовой информации на сознание человека с целью формирования позитивного отношения к праву и государству.

Украинские исследователи информационной политики С. А. Чукут и Г. Г. Почепцов отмечают, что государственную информационную политику разрабатывают и осуществляют органы государственной власти общей компетенции, а также соответствующие органы специальной компетенции [12, с. 240]. Поэтому именно от высших органов государственной власти, а по сути от правящей элиты в государстве, зависят принципы, способы и средства осуществления такой информационной политики, и результаты указанной работы.

Построение правового государства без формирования высокого уровня правового сознания граждан невозможно. Здесь, безусловно, играет чрезвычайную роль упомянутая выше правящая элита, ведь именно на примере ее представителей формируется правовое сознание общества. Представители правящей элиты должны знать, что в деле государственного управления большую роль играет

преданность делу для формирования и трансформации правового сознания общества. Огромное значение здесь имеет также профессионализм, знание дела, за которое берется тот или иной деятель. Именно профессионалы должны быть использованы для принятия всех мер, направленных на трансформационные процессы в правовом сознании граждан. Кроме того, именно от указанных профессионалов зависит то направление государственной информационной политики, которое может стать причиной формирования и трансформации правового сознания граждан.

Известный исследователь правящих элит Г. Моска отмечал, что во всех обществах существуют два класса: класс управляющих (элита) и класс управляемых. Правящий класс является малочисленным, он монополизирует власть и осуществляет управленческие функции. Господство меньшинства предопределено тем, что это господство организованного меньшинства над инертным, неорганизованным большинством [15, с. 188]. И именно поэтому указанная политическая правящая элита и должна стать, во-первых, примером поведения, основанного на уважении к праву, справедливости и законности, во-вторых, должна осуществлять такую гуманистическую информационную политику, под влиянием которой инертное большинство становится сознательным и целенаправленным.

Кроме того, Моска говорил, что «...существуют две тенденции в развитии правящего класса. Аристократическая тенденция проявляется в стремлении передать власть наследникам или ближайшим соратникам, что постепенно приводит к вырождению элиты. Демократическая тенденция реализуется посредством включения в состав правящего класса лучших представителей класса управляемых, что предотвращает дегенерацию элиты. Оптимальное сочетание этих двух тенденций наиболее желательно для общества, так как позволит обеспечить стабильность в руководстве страной и качественное обновление правящего класса» [15, с. 190]. Трудно не согласиться с указанным мнением. В этом мы можем убедиться на опыте попытки узурпировать власть и передать его наследникам и ближайшим соратникам на примере Украины. В 2010 году, сразу после избрания В. Ф. Януковича Президентом Украины, была отменена конституционная реформа 2004 года, которой по сути устанавливались ограничения в полномочиях Президента Украины. С помощью подконтрольного в то время Президенту Конституционного суда Украины, полномочия В. Ф. Януковича стали почти безграничными, что позже привело к авторитарному режиму управления и узурпации последним власти в государстве. Как известно, все это закончилось восстанием народа Украины против такого режима и Революцией Достоинства, которая привела к самоустранению бывшего президента и его бегству за границу. Поэтому, акцентируем внимание на важности сочетания аристократической и демократической тенденций, по терминологии Г. Моски, как на оптимальной концепции формирования правящей элиты. Именно это может дать возможность политическим элитам в Украине функционировать так, чтобы информационная политика в первую очередь осуществляла гуманистическое влияние на правовое сознание общества, а не превращалась в пропаганду и манипуляции.

Другой известный итальянский исследователь теории элит В. Парето в элите выделял два основных типа, которые последовательно сменяют друг друга: элиту «львов» и элиту «лис». Для «львов» характерно использование силовых методов правления, консерватизм. «Лисы» предпочитают поддерживать свою власть пропагандой, они мастера политико-финансовых комбинаций, обмана, хитрости, ловкости [17, с. 19]. Это отмечал и Т. Боттмор, который подробно исследовал труды В. Парето [2, с. 25]. Стоит отметить, что в Украине указанные концепции элит существовали в определенном сочетании. С одной стороны, это было силовое управление, которое имело признаки полицейского государства, а с другой, информационное пространство было заполнено обманом, хитростью и финансовыми махинациями. Это вызвано, в первую очередь, тем, что после распада СССР в правовом сознании общества столкнулись две концепции социального поведения: с одной стороны — постсоветское мировосприятие, которое основывалось на «культе личности» и полном контроле государством всех сфер общественной жизни, а с другой — маргинальная и даже бандитская преступная деятельность не только членов общества, но и высших должностных лиц государства, которые не только пытались избавиться от таких проявлений, но и сами действовали и «помогали» другим в этой «сфере». Указанные факторы влияли на правовое сознание общества с антигуманистического ракурса, что в результате привело к формированию преимущественно маргинального правового сознания с элементами преступности.

Итак, одной из важнейших и фундаментальных проблем в философии и праве является проблема формирования правосознания. Это связано с тем, что право является историческим продуктом деятельности человека и общества. В связи с этим В. Ф. Гегель писал: «Существуют законы двоякого рода: законы природы и законы права. Законы природы абсолютны и имеют силу, так как они не допускают ограничения ... Правовые же законы — это законы, идущие от людей. Внутренний голос может вступить с ними в коллизию, или согласиться с ними. Человек не останавливается на сущем, а утверждает, что внутри себя обладает масштабом правового: он может подчиниться необходимости и власти внешнего авторитета, но никогда не подчиняется им так, как необходимости природы, потому что его внутренняя сущность говорит ему, как должно быть, и он в самом себе находит подтверждение или не подтверждение того, что имеет силу закона» [10, с. 57].

Конечно, мы понимаем, что правовая информация и способы доведения ее до общества — это не исключительный перечень факторов формирования и трансформации правового сознания. Рассмотрим подробнее понятие факторов формирования и трансформации правового сознания и определим место информационной составляющей среди указанных категорий.

Понятие «фактор формирования правосознания» личности используется в отечественной науке с середины 80-х годов прошлого века. Обычно под этим термином понимается «условие, влияющее на формирование правосознания личности, то есть явление материальной или духовной жизни, которое вызывает определенные количественные и качественные изменения в ее функционирова-

нии. В узком смысле он означает фактор, который является важным для реализации явления, но не порождает его непосредственно, как это свойственно причине» [13, с. 96].

Д. А. Ермоленко отмечает, что «формирование правосознания происходит в результате взаимодействия личности с другими индивидами, социальными группами и государством путем интеллектуального усвоения полученных сведений о правовых явлениях и психологической выработки собственного отношения как субъекта к этим правовым явлениям» [8, с. 7]. Таким образом, факторы формирования и трансформации правового сознания делятся на две группы, отличающиеся источником воздействия на сознание: внутренние — индивидуальные особенности каждого человека; внешние — деятельность других субъектов, направленная на формирование и трансформацию правового сознания общества.

Интересную классификацию внешних факторов, влияющих на формирование правосознания молодежи и ее видов, предложила Н. Ю. Евпалова. Автор разделил внешние факторы на официальные и неофициальные. К официальным относятся органы государственной власти и их должностные лица, образовательные учреждения, государственные средства массовой информации. В группу неофициальных субъектов входят религиозные конфессии, социально-демографическая группа (нация, класс, социальный слой и т. п.), коллектив (семья, трудовой коллектив, банда и т. д.), лидеры, индустрия развлечений [9, с. 91]. Понятно, что органы государственной власти, как внешний фактор формирования правового сознания, — это непосредственная деятельность указанных институтов, направленная на доведение правовой информации до населения.

В свою очередь, Н. К. Семернева в своей статье «Правосознание студентов и пути его формирования» выделила следующие факторы влияния: с одной стороны, — социально-экономические условия, социально-политический строй, а также непосредственное социальное окружение (микросреда), а с другой, — организационно-идеологические факторы, специальная деятельность по развитию высокого уровня правосознания граждан, которая называется правовым воспитанием [19, с. 52].

Таким образом, формирование и трансформация правового сознания общества происходит в том числе и через формирование и трансформацию правового сознания личности. Соответствующая трансформация, по мнению многочисленных украинских исследователей правосознания, происходит в том числе с помощью информационных правоотношений [20, с. 120]. Как правило, в обществе это происходит в результате деятельности государства, органов государственной власти и местного самоуправления, или деятельности негосударственных организаций, как правило, средств массовой информации. Задача такой деятельности заключается в необходимости в первую очередь формирования, а затем и трансформации правового сознания каждого человека путем осуществления определенных действий, составляющих информационную политику государства.

Указанные ученые выделяют ряд факторов влияния на правовое сознание общества. Они отмечают, что «...на формирование правосознания и информационно-правовой культуры влияет весь процесс реализации и применения право-

вых норм государственными органами, процесс правотворчества, состояние законности и правопорядка, развитие общественных правоотношений» [20, с. 121]. Практика реализации информационной правовой политики вышеупомянутыми органами и организациями чрезвычайно эффективно влияет на формирование правовых знаний, навыков и умений, которые составляют правовое сознание общества.

По убеждению некоторых ученых, на которых в своей работе ссылается Р. Олейничук, «факторами влияния на правовое сознание являются: процесс правотворчества, процесс реализации и применения правовых норм государственными органами, состояние законности и правопорядка, развитие правоотношений; адаптация законодательства к международным нормам и стандартам прав человека; формирование у каждого человека позитивно-правовых знаний и психологических механизмов уважения к праву в структуре правосознания, определение (что требует научного понятия) теоретической модели и концепции формирования правовой культуры личности» [16].

Указанные факторы дают основания утверждать о важности доведения до граждан сущности права, его толкования и формирования уважения к праву, что мы в нашем исследовании называем информационной правовой политикой. И именно государство и его институты должны осуществлять указанную политику, ведь общество с высоким уровнем правовой осведомленности и правового сознания имеет большие шансы стать гражданским обществом, что является первым шагом к построению правового и демократического государства. Большую роль в этом играет субъективное отношение каждого гражданина к власти в этой стране. Именно наличие сильной и эффективной государственной власти является важнейшим фактором успешного проведения реформ, именно государство в лице высших органов государственной власти способно обеспечить стабильность и порядок в обществе. Формирование высокого уровня правового сознания общества связано с разными векторами влияния, но стоит отметить, что многое зависит от активной деятельности государства в этом направлении. Без необходимого информирования государством граждан невозможно сформировать надлежащий уровень правового сознания общества.

Кроме того, для подтверждения важности информационной политики для правового сознания необходимо обратиться к структуре правосознания, поскольку существуют факторы, которые влияют как на правосознание в целом, так и на его отдельные структурные элементы. Как известно, в структуру правосознания входят два элемента: правовая идеология и правовая психология. Итак, все факторы, влияющие на правовое сознание можно разделить на факторы, влияющие на формирование правовой идеологии, и факторы, влияющие на формирование правовой психологии. Поскольку правовая идеология — это совокупность знаний и представлений о действующем праве и о явлениях правовой реальности, то к числу факторов, влияющих на формирование правовой идеологии, можно отнести доступность нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения. Доступность, в свою очередь, выражается в частности в донесении до сведения граждан закона или иного нормативно-правового акта или междуна-

родного договора. Таким образом, можно с уверенностью говорить об обязательном участии государства в процессах информатизации общества правовыми знаниями.

Практическая часть исследования. Научное изучение и исследование украинского правового сознания и факторов, связанных с его формированием и трансформацией, активно началось примерно с 1861 года и продолжается по настоящее время [6, с. 121–124]. Этот период можно разделить на следующие основные этапы:

1) 1861–1904 гг. — период, когда отечественными учеными широко изучалась правовое сознание, анализировалась его природа и суть;

2) 1904–1917 гг. — время, в которое ученые, исследуя правовое сознание, отмечали его кризисное состояние, что проявлялось в развитии правового нигилизма.

3) 1917–1976 гг. — период, когда советские ученые исследовали правовое сознание как общественную форму сознания; данный промежуток времени характеризуется, в первую очередь, распространением правового дилетантизма.

4) 1976–1990 гг. — времена, когда исследователи изучали правовое сознание как общественное и социальное, с доминантой последнего, что происходило из соображений правового идеализма.

5) 1991–2004 гг. — время, когда правовое сознание общества было монархически целенаправленным, маргинальным, иллюзорным; в этот период преобладали настроения и процессы беззакония, бандитизма и преступности.

6) с 2004 и по настоящее время — период, когда утверждается как приоритетный вектор развития и исследования украинского правового сознания как национального, посттоталитарного и демократического; происходит постепенный переход от монархически целенаправленного, маргинального, иллюзорного к правовому сознанию республиканского толка, освобожденного от маргинальных свойств, формируется целостная теория украинского правового сознания.

Осуществляя акцент на указанную периодизацию состояния правового сознания, следует провести исследование зависимости состояния правового сознания общества от влияния информационной политики государства на каждом историческом этапе развития.

Стоит отметить, что в означенный период исторического развития на определенных этапах государство и государственные органы осуществляли работу, направленную на деформацию правового сознания, побуждение к правовому нигилизму, правовому идеализму, правовому дилетантизму и тому подобное. Правовое сознание полностью зависело от деятельности по искажению представлений и знаний населения о праве. Можно с уверенностью говорить, что в период до 1991 года именно демократической информатизации общества правовой составляющей не уделялось внимания вообще. Этот период времени характеризуется отсутствием адекватного государственного воздействия на правовое сознание граждан. Доведение информации в указанный исторический промежуток до населения происходило императивным методом с использованием средств воздействия на правовое сознание, которые приводили к искажению взглядов граж-

дан на правовые процессы и развитию метаморфоз правового сознания, различных на каждом этапе исторического процесса.

Конечно, после формирования Украины как независимого и суверенного государства нельзя с уверенностью говорить о росте уровня правового сознания и отсутствие метаморфоз последнего. Особенно характерным для независимой Украины является правовой нигилизм, пик развития которого пришелся на 1990-е годы. Но стоит отметить, что безусловно важной в этом случае является информационная государственная политика, которая почти отсутствовала в те времена.

Но с 2004 года мы видим определенный толчок, который состоялся в обществе и привел к свержению преступного, бандитского режима, существовавшего и даже развивающегося в то время. Две революции в Украине свидетельствуют об определенных изменениях в сознании и социальных настроениях, господствующих в обществе. Конечно, указанный толчок стал возможным из-за трансформации правового сознания от авторитарного типа к демократическому, что позволило сформировать национальное украинское правовое сознание. Как пример такой трансформации в Украине можно привести события местного уровня во Врэдиевке Николаевской области в 2013 году. Эти протесты были вызваны групповым изнасилованием и покушением на убийство жительницы населенного пункта, которая указала на двух офицеров правоохранительных органов как на возможных исполнителей преступления. Отказ суда и милиции задержать одного из подозреваемых вызвал массовые акции протеста местного населения. Это говорит о высоком уровне правового сознания и фундаментального желания добиться справедливости украинского общества.

А. М. Рыков выделяет два основных метода информационного воздействия на правовое сознание: «...убеждение, которое допускает постепенное разностороннее и объективное разъяснение определенных представлений субъектами, которые воспринимают информацию, и принуждение, основанное на насаждении определенных представлений в сознании субъектов или создании условий, исключающих свободный выбор и объективную оценку информации субъектом» [18]. Конечно, в соответствии с идеальной концепцией построения демократического общества, метод убеждения является основным приемлемым средством доведения до населения определенной информации, в том числе правовой, и обязательности таких сведений. Но все мы понимаем, что или в определенных случаях, или для определенной категории населения крайне необходимо доводить правовую информацию именно методом принуждения. Поэтому, соглашаясь с указанным исследователем, считаем, что именно сочетание этих двух методов в состоянии предоставить тот результат информационного правового воздействия со стороны государства, который присущ демократическому обществу.

Информационная составляющая демократического государства, по убеждению известного украинского исследователя Н. Н. Цимбалюка, играет ведущую роль в формировании правосознания [21]. Так, негативно на формирование и трансформацию правового сознания влияет отсутствие эффективной системы доведения до граждан информации о принятых нормативно-правовых актах, о

внесенных в них изменениях и дополнениях; фрагментарность знаний о праве создает условия для развития негативных метаморфоз правового сознания общества; незнание определенной правовой информации может сформировать негативное отношение к праву.

Средства массовой информации как институт гражданского общества дают возможность свободно выражать и защищать свои взгляды, выражать свою точку зрения [21]. На сегодня, именно средства массовой информации играют значительную роль, создавая условия для правовой информированности граждан. Но в современном обществе сложилась такая ситуация, когда правовую информацию можно легко исказить в средствах массовой информации. Любой аналитический материал, в том числе правовой, можно довести до сознания общества таким образом, чтобы выставить эту информацию в выгодном свете. Речь идет об агрессивной пропаганде, с помощью которой происходит воздействие на сознание граждан. Поэтому нельзя считать средства массовой информации единственным полностью правдивым источником правовой информации.

Особое место в формировании правового сознания общества занимает аксиологический фактор, определяющий элементы правового ценностного отношения человека к действительности, общечеловеческим ценностям, правам человека. Именно аксиологический аспект, по мнению Н. Н. Цимбалюка, обеспечивает «демократическое содержание правосознания, определяет существенную черту правосознания — оценочный элемент в правовом отношении к действующему законодательству, государству, власти, к другим людям, обществу в целом» [21]. На основе указанного подхода, по нашему мнению, у человека формируются правовые мотивы деятельности и поведения.

Именно информационная составляющая в сочетании с аксиологическим аспектом представляют собой выдающийся фактор влияния на трансформацию правового сознания и переход от определенных убеждений к конкретным практическим правовым действиям. Таким образом, проверяется уровень правового сознания человека, который заключается в его отношении к законам: обойти ли, нарушить закон или строго соответствовать действующим правовым нормам.

Выводы. Как итог нашего исследования следует охарактеризовать общественную значимость последствий осуществления информационной политики государства как фактора формирования и трансформации правового сознания общества. **Научной новизной** исследования является утверждение, что главным императивом трансформации правового сознания в обществе является его движение от праворассудочности к праворазумности. Напомним, что праворассудочность — это более простое по сравнению с праворазумностью отношение к праву и процессам, связанным с правом. Такая форма правового сознания характеризуется категорийным мышлением; умением производить лишь простейшие логические выводы; сравнением любых событий по «шаблону»: есть плохое, а есть хорошее; неспособностью увидеть всю картину событий в комплексе. Что касается праворазумности, то этот этап развития правового сознания означает более осознанное отношение к праву и правовым процессам. Праворазумность — это основательное и фундаментальное отношение к праву, которое ха-

рактизуется мышлением и процессом осознания права с помощью идей и принципов; возможностью рассмотреть всесторонне и объективно любую ситуацию с помощью диалектического логического мышления; исследованием каждого события индивидуально, отдельно, путем применения основных законов диалектики.

Отметим, что праворазумность является следующей ступенью развития правового сознания после праворассудочности, и в то же время гуманистически и прогрессивно развитым ее уровнем.

Таким образом, опираясь на вышесказанное, необходимо констатировать важность информационной политики государства именно как фактора трансформации правового сознания от принципов праворассудочности к формированию полноценных ценностей праворазумности в украинском обществе.

Итак, отметим, что правовая информационная политика в современном обществе — это способ выражения политической воли, средство легитимации правовых норм, объяснение необходимости существования установленного порядка в обществе. Она выражается в Конституции, законах и других нормативных актах, доминирующих представлениях, взглядах, теориях, учениях, доктринах о праве и правовых явлениях, в концепциях правового воспитания и обучения, принципах правоприменительной деятельности и должна быть направлена на охрану и защиту общественного порядка, демократическое развитие и совершенствование общественных отношений. Поэтому, считаем необходимостью акцентировать внимание на том, что именно государственная гуманистическая информационная политика в сфере права позволяет населению знать свои права, законодательство и правовые явления, происходящие в государстве. Именно это мы называем праворазумной формой правового сознания, которая с течением времени и с помощью государственных институтов формируется и трансформируется в демократических и правовых принципах.

References:

1. Ashin G. K., Ohotskiy E. V., *Elitologii course*, M., «Sportakadempres», 1999, p. 32–35.
2. Bottomore, T. (1993). *Elites and Society* (2nd ed.). London: Routledge. p. 25.
3. Cooper, Davina. 1995. Local Government Legal Consciousness in the Shadow of Juridification. *Journal of Law and Society* 22(4):506–26.
4. Dave Cowan. Legal Consciousness: Some Observations. *The Modern Law Review Limited*, 2004. P. 928–958.
5. Delgado, Richard, Chris Dunn, Pamela Brown, Helena Lee, and David Hubbert. 1985. Fairness and Formality: Minimizing the Risk of Prejudice in Alternative Dispute Resolution. *Wisconsin Law Review* 1985:585–629.
6. Dmitrienko Y. M. Ukrainian legal consciousness, national research XIX century. — Early XX centuries / N. Dmitrienko // *Forum law*. — 2009. — № 2. — P. 120–129.

7. Elizabeth A. Hoffmann. Legal Consciousness and Dispute Resolution: Different Disputing Behavior at Two Similar Taxicab Companies. *LAW AND SOCIAL INQUIRY*, 2003. P. 691–716.

8. Ermolenko D. O. The main internal factors of legal awareness of youth / D. O. Ermolenko / *Bulletin of the Academy of Advocacy of Ukraine*, № 3 (25). — 2012. — p. 7–12.

9. Evpalova, N. Yu. Sense of justice youth: theoretical and sociological aspects of the [Text]: dis... cand. legal. sciences: 12.00.01 / Natalia Evpalova — Volgograd, 2000. — 215 p.

10. Hegel G. V. F. *Philosophy of Law*. — M.: Thought, 1990. — 524 p.

11. Ilin I. A. *Essence of justice* / I. A. Ilin. — M.: Ragort, 1993. — 225 p.

12. *Information policy: Teach. guidances. for students, teachers.* — 2nd ed., Erased. / Pocheptsov G. G., Chukut S. A. — K., 2008. — 663 p.

13. Ishkildina G. R. Youth of justice: the problem of the formation and evolution in modern conditions: diss. candidate... legal. sciences: 12.00.01 / G. R. Ishkildina. — Ufa, 2002. — 164 p.

14. Marshall, Anna-Maria. 2000. *The Intimate Connection Between Law and Politics in Every day Life*. Paper presented at Law and Society Annual Meeting, 26 May, Miami, Florida.

15. Mosca G. *Ruling class* // *Sociological studies*. — 1994. — № 10. — p. 186–196.

16. Olynychuk R. Problems of legal awareness and legal culture in Ukrainian society // R. Olynychuk / *Yuridichnyi zhurnal «Yustinian»*, № 2. — 2006.

17. Pareto V. *Democratic transformation*. M.: "The territory of the Future" Publishing House, 2011. — 207 p.

18. Ryikov A. N. The destructive impact of the media on the legal awareness of citizens: Legal problems of the information society: Abstract diss. cand. jurid. Sciences. 12.00.01. — Rostov-na-Donu, 2002. — 23 p.

19. Semerneva N. K. Legal awareness of students and the way of its formation [Text] / N. K. Semerneva // *Legal education in high school: Interuniversity collection of scientific papers*. — Sverdlovsk, 1979. — 103 p.

20. Tsimbalyuk B. C., Gavlovskiy V. D., Gritsenko V. V. *Fundamentals of Information Law Ukraine*; Za red. M. Ya. Shvetsya, R. A. Kalyuzhnogo ta P. V. Melnika., Navch. posib. — K.: Znannya, 2004. — 274 p.

21. Tsimbalyuk M. M. Formation of legal awareness of citizens in the process of building civil society: Dis... cand. philosophy sciences: 12.00.12 — 2004.

HISTORY

SOURCE ASPECTS OF RESEARCH OF THE GERMAN POPULATION CONDITION IN THE SOUTH OF UKRAINE IN 1939–1953 ISSUE

Natalia Gerus-Bahtina,

*Lecturer of the 2nd category of
the Central Committee of the law study college of
Mykolayiv Sukhomlinskyi National University*

Annotation. *The article gives the analysis and systematization of the main sources which characterize the social-economic and political condition of the German population in the south of Ukraine in 1939–1953. There has been given a detailed analysis of the main groups and proved that in contemporary history there is a necessity of complex study of the regional aspects influence of the Second world war on the fate of different national and ethnic groups of the Eastern Europe.*

Keywords: *Ethnic Germans, the South of Ukraine, archival sources, the Second World War*

Specific peculiarities of the source base of the research are defined by the character of the topic of our article, chronological frames, including a wide range of sources various by their origin and specific characteristics. The complex of sources of the current research has been processed by the following categories: 1. Legislative acts, party documents and documents of the highest authorities; 2. Materials of the central state archives; 3. Collections of documents; 4. Materials of regional state and branch archives; 5. Memorial literature; 6. Materials of periodical mass media.

The basis of the research are unpublished archival sources, in particular, materials of the funds of Central state archive of the highest authorities and administration of Ukraine (CSAHA of Ukraine), Central state archive of public unions of Ukraine, Kyiv (SCAPU of Ukraine), State archive of Odessa region (State archive of Odessa region), State archive of Mykolayiv region (State archive of Mykolayiv region), State archive of Kherson region (State archive of Kherson region).

When working on the article there was used a great mass of sources, presented by such types: documents, memoristics, epistolary materials that are stored in central and regional state and branch archives of Ukraine.

The first group of sources are documents and materials of the highest state authorities (legislative state acts, protocols, resolutions, orders, circular notes, instructions of central authoritative structures, legal acts etc) which gave the possibility to analyze legal-judicial basis for the process of regulation of ethnic Germans condition in the south of Ukraine during the period under analysis.

The central place is taken by the analysis, generalizing and systematizing of laws and subordinate acts of soviet power, departmental orders of People's Commissariat of Internal Affairs; protocols and resolutions of the USSR Supreme Rada. They include: USSR Constitution from 1936; Ukrainian Soviet Socialist Republic Constitution from

1937, Criminal Code of Ukrainian Soviet Socialist Republic from 1927 [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

The essential contribution to our articles was made by the documents that allow on the general soviet level to observe the attitude of the Bolsheviks authorities to ethnic Germans. In particular, the information for the article included The Decree of the Presidium of the USSR Supreme Rada from June, 22, 1941 about military situation in certain regions, Resolution of the State Committee of Defense from September, 22, 1941, resolution of the State Committee of Defense from January, 10, 1942, Decree of the USSR RNK from August, 28, 1941 about the migration of the Germans living in Povolzhia and on its basis there was written a certificate of the department of special settlements of the USSR People's Commissariat of Internal Affairs from September, 11, 1942 about the deportation of the Germans from Crimea region, resolution of the State Committee of Defense from January, 10, 1942 "About the order of the use of the German émigrés of military age from 17 to 50 years old" [4, 5, 6, 7, 8, 9].

The research involved orders of People's Commissar of Internal Affairs Beria L.: "About the organization of detachments from mobilized Germans in People's Commissariat of Internal Affairs camps (№ 0083, Moscow, January, 12, 1942, with mark «absolutely secret») [87, 90 p.].

The particular interest was caused by the reports prepared by the officers of KGB during the after war period with political characteristics of the southern districts of Ukraine where scopes of collaboration of the local inhabitants during German-Roman occupation are highlighted.

The Decree "About criminal responsibility for escape from places of compulsory and permanent residence of persons evicted to distant regions of the Soviet Union during the Patriotic war" from November, 26, 1948 belongs to after war normative-legal documents.

The second group of sources is materials of central archives.

In particular, while conducting the scientific research we processed the documents from the Central state archive of non-governmental associations of Ukraine (CSANA) which give the possibility to investigate social-economic condition of ethnic Germans of the South of Ukraine during the war, to follow the course of deportation from southern districts of Ukraine in 1941 [41, 119 p., 42, 229 p., 43, 80 p.].

Part of documents of German occupation power during the years after the Second world war got to the Soviet Union and now is stored in the Central state archive of the highest authorities and management of Ukraine, first of all "Rosenberg fund" (documents of the Ministry of the eastern occupied territories) [10–40]. Another part of these "reports" appeared in the hands of western allies and later got to the library of the US Congress.

The third group of sources is collection of documents. In particular, we have the opportunity to investigate the events of the starting period of the war and period of temporary occupation with the help of scientific-methodological edition of Odessa archivists [86, 27 c.].

Previously secret materials of the State archive of the Russian Federation regarding the condition of the Germans of Ukraine, including the period of the Second world war, have been given to public by Donetsk researcher O. Dignes [87, 90 c.].

Thanks to the development of the up-to-date information technologies a lot of documentary materials, including former secret services and other law enforcement agencies have become available for the wide circle of researchers. It is necessary to mention that with the appearance of the Internet we have the possibility to study those materials that were previously unavailable on certain reasons, for example, the State archive of the Russian Federation.

On December, 20 there was held the presentation of the book “Stalin deportations: 1928–1953” in the conference hall of International “Memorial” in Moscow. The book contains about 500 documents that represent a more profound and systematic body of available for researchers materials about mass ethnic deportation in the USSR in 1930–40s that adverted the destiny of more than 6 million persons — Koreans, Germans, Polish, Finns, Greeks, Crimean Tartars, Kalmyks, Chechens, Ingushes, Balkars, Turkish Meskhetins. The Head of the board of directors of International “Memorial” Arsenii Roginskyi reminded that the book was prepared thanks to the proposal of academician O. M. Yakovlev in the frames of the series headed by him and it was the last book signed by him to be published. The people who were present paid the tribute to the memory of Oleksandr Mykolayovich [88, 904 c.].

The fourth group contains documents of state archives of Mykolayiv, Odessa, Kherson districts. A sufficient interest is caused by the materials of the State archive of the State Security Service of Ukraine. They contain the data of Ukrainian Soviet Socialist Republic People’s Commissariat of Internal Affairs about the amount of people arrested from June to September of 1941.

When studying the documents on history of the Second world war and its consequences in Ukraine we must take into account the fact that the main funds on this problem are stored in central archives of the former USSR (archives of the Ministry of Defense of Russia in Podolsk and others). Documents that are stored on the regional level in district archives are becoming more and more popular due to currently limited on certain reasons access of a Ukrainian researcher to those materials.

Research, systematization, volume of studied archive-investigation acts gives the opportunity to find certain regularity of repressive acts against ethnic Germans of the south of Ukraine: the influence of the Second world war on the amount of convicted Germans, mostly political or criminal charges, the range of use of certain sections. The use of archive-investigation cases enables to reproduce an objective picture of repressions and deportation of ethnic Germans. Analysis of cases gives the opportunity to come to conclusions about the consequences of mass deportations and repressions against folksdeutsche. In particular, documents of the period of temporary Nazi occupation of Ukraine (1941–1944) that are stored in state archives of Mykolayiv, Odessa, Kherson districts [86, 10 p.].

A separate group is made of the documents of institutions and organizations of the period of Nazi occupation on the southern Ukrainian districts in 1941–1944 (documents of occupation authorities: orders, decrees, instructions of Hitler occupant author-

ities about the introduction of involuntary labor compulsory service, sending people to Germany etc, lists of folksdeutsche... all this is stored in institutions of Mykolayiv, Odessa, Kherson archives.

Documents of Reihisleiter Rosenberg control headquarters, lists of folksdeutsche of inhabitants of Mykolayiv city and Mykolayiv district, lists of filtration cases of Mykolayiv district inhabitants are stored in Mykolayiv state archive [44, 46, 47, 48, 49, 50, 51].

In the period of Mykolayiv occupation (August, 16, 1941 – March, 28, 1944) the archive suffered great losses. 18 funds, i.e. 5754 of stored documental materials of German colonies were taken to Germany. Besides, a lot of documents were burnt in the fire. Documents of 1931–1941 which had been stored in the archives of institutions, enterprises and regional archives, were almost totally destroyed. Mykolayiv district archive was evacuated to Stalingrad in August of 1941. On March, 28 Mykolayiv city was liberated from German troops. On April, 20 Mykolayiv district executive board released the decree “About collecting and storing of documental materials of the Patriotic war against German invaders that obligated executive committees of city, regional and country boards, deputies, workers, heads of institutions and organizations, managers of collective farms to find out and give to the district archives documents of the period of German fascist occupation. It was strictly forbidden to destroy them. As a result of conducted work there were gathered 99 funds of institutions and organizations of the occupation period to the archive.

Archive sources used in the dissertation are statistic data, nominal list of folksdeutsche, card index of address bureau about people of German origin. Materials of this archives cover the occupation period of the south of Ukraine Soviet Socialist Republic (1941–1944) [44, 46, 47, 48, 49, 50, 51].

Materials of filtration cases of repatriates of German origin that are stored in district state archives helped to analyze specifics of post-war period of ethnic Germans condition. Thus, there are more than two thousand of filtration cases from repatriates fund in Mykolayiv state archive. The fund of the executive committee of Ochakiv regional board of deputies of Mykolayiv district stores decrees, decisions, directive instructions and orders of the district executive committee about repatriation of citizens. There are lists of repatriates that received financial support, information about the repatriates that arrived in Zhovtnevy region, etc.

The archive of operative information of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine in Mykolayiv district stores register entries of the repatriates that lived in special settlement. The study of these materials broadens knowledge of researchers about little known aspects of the war period. It is possible to count the repressed repatriates with the help of reports of the commandants’ headquarters, generalized data of the administration of repatriates issues at the cabinets of ministers of the soviet republics about the amount of given C-rations, materials from ministers of internal affairs of the certain soviet subjects.

In the State archive of Odessa district we have studies 78 cases regarding Folksdeutsche Mittelschelte and the activity of CC sonderteam “R” of Odessa city in 1941–1944. Bodies of the German occupation authorities in Odessa treated their case quite

pedantically and thoroughly. As a result they gathered a lot of materials: reports on the contents and structure of the German settlements, drilldown lists of the German colonists' families, lists of deported and repressed Germans. The documents got to Odessa state archive after liberating the territories of Odessa district in 1944. "Folksdeutsche Mittelschelle" CC, sonderteam "RBK XX" Odessa — a body of the German city headquarters in governorate Transnistriya that represented an intervention agency for giving support to the local Germans. Documentary materials got to the State archive of Odessa district after liberating Odessa in 1944 in disorderly condition. The cases of the fund in 1941–1944 were in German. Documentary materials of the fund show the activity of the intervention agency in providing folksdeutsche with certain bonuses and state support [56].

The bureau of Doctor Karl Schtump has left a sufficient source base that includes not only various reports, characteristics of the current German population of our country, but also maps of the German settlements position: those that were preserved in 1941.

Documents of institutions and organizations of the period of Romanian-Nazi occupation in 1941–1944. Most of the documents of Romanian-German occupation due to mark "Secret" had been unavailable for objective scientific study. In 1989–1991 gradually marks "Secret" were done away with. Funds of this category are mostly in the German language that is an obstacle in using these documents.

The period of temporary German-Roman occupation is a great historic phase that has not been fully and objectively studied yet. One of the most developed topics by historians is underground-partisan resistance in Odessa district. State archive of Odessa district stores the fund "Documents and materials from the history of the Great Patriotic War of 1941–1945 on the territory of Odessa district. Underground-partisan resistance in Odessa district (F. P-92, on. 1, 2, 358 cases, 1941–1987)» [55].

In the State archive of Kherson district the documents of the period of Nazi occupation of Kherson district are stored in fund P-1824. This fund consists of one bordereau for 293 cases of 1941–1945.

Part of the documents of fund P-1824 has been delivered from Central State archives of Ukrainian Soviet Socialist Republic (Kyiv, 1953) and Latvia Soviet Socialist Republic (Riga, 1964), some of them were found while sorting out the leaflets of occupation period in Kherson district state archive in 1964. The source of the rest of the documents that arrived in 1957–1958 remains unknown. Among the fund documents there are orders, circulars of Reichsminister of the eastern districts, Reichscommissar of Ukraine, chief military command, Economic headquarter of the eastern districts, command of the Southern military region, Economic inspection of the South of Ukraine, Mykolayiv general-commissar, Kherson hebitscommissar, different reports and others [63–84].

In funds of the state archive of Kherson district, there are a lot of different nominal lists that were made up with different purposes: for registering, receiving ID cards, paying sick lists, etc. Besides above mentioned, there are lists of public servants and employees of commissariats, city and regional institutions (including folksdeutsche); teachers-folksdeutsche in Mykolayiv general district; village monitors in Kherson dis-

trict; owners of private enterprises of Kherson city; owners of animal transport in Kherson [63–84].

Valuable statistic information is given by summaries, registers about the amount of teachers in German schools, lists of teachers-folksdeutsche in Kherson district [2.116, 9 p.].

Separate groups of documents contain surveys of folksdeutsche in Kherson city that wished to change their first and surnames, birth and death certificates of folksdeutsche [72–85, 84, 6 p.].

Since the times of German occupation documents of Mykolayiv, Odessa, Kherson and Zaporizhzhia city councils, German headquarter of propaganda on the south of Ukraine, orders, decrees of command of German troops (1941–1944).

The fifth category is memorial literature. Memories of the participants of those tragic events, their perception and historical assessment of events in the country enable us to analyze and understand the ideology of that time and orientation of the policy of authorities to folksdeutsche of the South of Ukraine.

In the context of historic studies of political repressions memorial policy causes interest. Memories of the participants of those tragic events, their perception and assessment of the situation existing in the country at that moment, give us the opportunity to more deeply understand the purpose and constituents of political repressions that Soviet authorities used against folksdeutsche. O. I. Druzhinina analyzed in her memories in the second half of 80s some issues connected with Southern Ukraine [94, 121–137 p.].

Works of E. Eirih and P. Berg are of special interest [91, 92, 93].

The sixth category is presented by *materials of press*. One of such sources which have remained up to now is the press that was published in the times of occupation on the territory of the South of Ukraine. Newspapers contain a lot of factual material about the category of population under study. The task of historians on the contemporary stage is to objectively and prudently consider the events of that time, to fully highlight tragic but heroic pages in the history of German people in the South of Ukraine.

Funds of Public authorities and management of the period of temporary German-Romanian occupation of Odessa city and Odessa district “Governorate Transnistriya” (1941–1944) store samples of “Odessa newspaper”, “Odessa” and “Molva” [52, 53, 54, 57, 58, 59, 60, 61, 62].

It has been found out that the influence of occupation press, the very possibility if its existence were determined by the circle of personalities that were in it. To work in periodicals, both on a regular and non-regular basis, former journalists, writers, representatives of local intelligence, clerks of cultural-educational economic and administrative authorities were employed. The most powerful staff and the widest circle of specialists was noticed in the newspapers of the South of Ukraine which were published in district centers and spread on the whole territory in according districts, often even outside of them. They are “Ukrainian thought”, «Deutsche Bug-Zeitung», “Bug”, “New word” and “Odessa newspaper” [52, 53, 54, 57, 58, 59, 60, 61, 62].

In the beginning of the war newspapers “Ukrainian thought” and «Deutsche Bug-Zeitung» in German published mostly propaganda information that positively showed

course of events on the fronts. Newspapers “Bug”, “New word”, “Odessa newspaper” and others published the material that highlighted advantages of “new order”, crimes of bolshevism against folksdeutsche [52, 53, 54, 57, 58, 59, 60, 61, 62].

Thus, in the conditions of revival and development of poly ethnic Ukrainian state, there have been created the conditions for its objective study. The author of the dissertation, conducting a research of previously secret archive funds, have sufficiently widened the source base of the research, introduced to scientific records a range of previously unpublished documents. These were mostly orders, decrees, also statistic reports on the work conducted, political reports on different congresses, meetings, counsels, etc.

Unfortunately, it is very difficult, sometimes even impossible, to reproduce processes that took place on the territory of the region on the basis of sources already introduced to scientific circulation. In this connection there arises an urgent necessity to introduce to scientific circulation new sources that previously were used by historians quite limitedly, fragmentarily and with biased attitude or were taken negatively. Their thorough and detailed analysis can considerably broaden our imagination about the events in the region at that time. Decrees of Presidium of USSR Supreme Rada, Decrees of Presidium of Ukrainian SSR Supreme Rada, resolutions and orders of the Ukrainian SSR government or documents of occupation authorities of the South of Ukraine, German military administration and Romanian military administration can serve as an example of such documentation.

Thus, the use of a wide range of sources has made it possible to realize the tasks set in the dissertation work. The candidate, conducting a research of archive funds of the South of Ukraine, has considerably broadened and specified a source base of the subject matter, introduced to scientific circulation a range of previously unpublished documents. The analysis of the sources shows that, for instance, economic and political condition of ethnic Germans in the South of Ukraine has not become yet the subject of special and deep research. That is why the study is required for the issues concerning the condition and fate of ethnic Germans in the years of German occupation. Materials of German origin as well as the documents of occupation institutions which have remained in Mykolayiv, Kherson, Odessa and Zaporizhzhia archives will help to enlighten these and other issues.

References:

Constitutions, decisions of legislative and executive public authorities

1. Constitution of the USSR 1936//Collection of standard regulations on Soviet state law, M.: Law books, 1984., — 73–91 p.
2. Constitution of Ukrainian SSR and Constitutions of Soviet Socialist Republics. M.: Yurizdat, 1937., — 282 p.
3. Criminal code of Ukrainian SSR from 1927 // Ukrainian SSR Ministry of justice, K.: Derzhpolitvydav of Ukrainian SSR, 1950., — 172 p.
4. About migration of the Germans from Zaporizska, Stalinska and Voroshilovogradska districts. Resolution of the USSR State Committee of Defense # 702, Moscow, Kremlin, from September, 22 1941.

5. About the order of the use of migrated Germans of military age from 17 to 50 years old — Resolution of the USSR State Committee of Defense # SCD-1123, Moscow, Kremlin, from January, 10, 1942

6. About additional mobilization of Germans for national economy. Resolution of the USSR State Committee of Defense # 2383, Moscow, Kremlin, from October, 7, 1942.

7. About authorized representative of the People's Commissars Counsel on issues of repatriated citizens of the USSR — Resolution of the USSR People's Commissars Counsel # 1315 — 392 from October, 4, 1944.

8. Decree of the Supreme Sovet Presidium about criminal responsibility for escape from places of compulsory and permanent residence of persons evicted to distant regions of the Soviet Union during the Patriotic war, Moscow, Kremlin from November, 26, 1948 // Collection of the USSA laws and decrees of the Supreme Sovet Presidium. 1938–1975. — T. 3. — M.: Izvestiya, 1975. — 327 p.

9. Decree of the Supreme Sovet Presidium about amnesty. Moscow. Kremlin. March, 27, 1953. // Collection of the USSA laws and decrees of the Supreme Sovet Presidium. 1938–1975. — T. 3. — M.: Izvestiya, 1975. — 409 p.

Archive sources

Central state archive of highest authorities and administration of (CSAHA) Ukraine, Kyiv

CMF —8 Collection of microdocumentary photographs of German fascist administrative agencies of the army groups and their rear security divisions that operated in the occupied eastern territories. The German army groups, their rear security divisions in the occupied eastern territories (1939–1945)

10. Quote 155. Report of the German commandant's offices about partisans' actions: the report of chief of the 90th infantry regiment about deeds near island named Tender on December 3-22, 1941, facts about arrangements of Italian parts, military officers lists: Shtump's report about ethnic Germans and Ukrainian people, (September, 1941). It is based on the researches of Germans lived between the Bug and the Dniester (December, 1941), — 1048–1214 cadres.

11. Quote 456. General military orders and instructions related to the security German parts. (July — November, 1942), — 501–565 cadres.

Φ. 3206 Reich Commissariat of Ukraine in Rivno city, (1941-1945)

12. Quote 50. Messenger of Reich Commission's orders of Ukraine (1942), 1942 — p. 69.

13. Quote 51. Messenger of Reich Commission's orders of Ukraine (1942), p. 51.

14. Quote 52. Messenger of Reich Commission's orders of Ukraine (1942), p. 15.

15. Quote 53. Messenger of Reich Commission's orders of Ukraine (1942), p. 22.

16. Quote 55. Order about employees salary, list of the telephone numbers of military commission people (1941–1943). — page 57.

17. Quote 58. Scheme of Ukrainian management (1941–1943), — page 7.

18. Quote 69. Arrangement of Ukrainian management (1941), — page 86.

19. Quote 15. Statements and reports of the Chief archive manager of Ukrainian Reich Commissariat and co-operator member of government management concerning archive and museum values. Correspondence with general commissioners of occupied territories concerning organization of education of local inhabitants, agriculture development in the years of Soviet power in Ukraine (1941–1944), — page 857.

20. Quote 270. Correspondence with district managers of national socialist party about financial providing of folksdeutsche, and their arm service transferring (July, 31 — November, 13, 1943), — page 70.

21. Quote 279. The document about migration of folksdeutsche from occupied districts of the Soviet Union to Germany. Orders, correspondence, lists. (November, 2, 1942 — September, 8, 1944), — page 70.

F 3676. Headquarters of imperial chief of Reihisleiter Rosenberg for Berlin occupied eastern districts, Kyiv. (1941–1945)

22. Quote 1. Report about the situation and presence of book funds and condition of their storage in Kyiv, Berdichev and Zhytomyr libraries (November, 6, 1941), — page 3.

23. Quote 4. Reports and statements of German headquarters of social groups concerning the Germans condition (folksdeutsche), inhabitants of occupied areas, — page 173.

24. Quote 18. Information about German population in Zhytomyr, Mykolayiv and Dnipropetrovsk districts, page 12.

25. Quote 19. Information about German population in Zhytomyr, Mykolayiv and Dnipropetrovsk districts, — part 2, page 11.

26. Quote 20. Information about German population in Zhytomyr, Mykolayiv and Dnipropetrovsk districts, — part 3, page 22.

27. Quote 21. Information about German population in Zhytomyr, Mykolayiv and Dnipropetrovsk districts, — part 4, page 21.

28. Quote 22. Information about German population in Zhytomyr, Mykolayiv and Dnipropetrovsk districts, — part 5, page 16.

29. Quote 23. Information about German population in Zhytomyr, Mykolayiv and Dnipropetrovsk districts, — part 6, page 25.

30. Quote 24. Information about German population in Zhytomyr, Mykolayiv and Dnipropetrovsk districts, — part 7, page 18.

31. Quote 25. Information about German population in Volodymyrivka (Kronevayde) village of Khortytskyi district, Zaporozhe districts, — page 24.

32. Quote 26. Notification about German colonies in Kherson district which were sent to German East ministry in 1943 (1943), page 94.

33. Quote 28. Lists of the Germans that live now and lived before in Uman and villages in Zhytomyr district, and were moved out by NKVS, — page 30.

34. Quote 34. Lists of colonizer Germans that lived in Gros-Yablonets, Misheen and other villages of Zhytomyr district, lists of inhabitants that were moved out by the Soviet Union government, — page 66.

35. Quote 43. The report of German authorized person in education deeds in Khegvald region (German colony in Zhytomyr district), — page 8.

36. Quote 45. Documents about activities of the first German imperial training camp for folksdeutsche (reports, lists, plans, correspondence), page 91.

39. Quote 46. Documents about school activities: plans, reports, correspondence, — page 6.

40. Quote 93. Reports about general quantity or village inhabitants, quantity of schools, list of German population, etc., — page 39.

41. Quote 94. Documents concerning teacher courses which were organized in Zhytomyr for the Germans and former Soviet Union people, — page 17.

42. Quote 348. Guidelines for organization and management of youth (folksdeutsche) in Ukraine: orders of the chief of German organization “Osten” and “NSDAP”; fragments of German newspapers, notifications, orders, official letters, reports of the managers of Hitler’s youth organization in Ukraine, page 468.

Central state archive of Ukrainian public communities, Kyiv.

F 1. Central committee of the Communist Party of Ukraine. Special sector of the Communist Party of Ukraine (1941–1946)

43. Quote 24. The resolution of Council of People's Commissars of the USSR, the Order of the chief of headquarters of YZV, correspondence concerning resettlement of collective farms, evacuation of people, plants and cattle to eastern areas of the USSR, — page 119.

44. Quote 359. The appeal of Council of People’s Commissars and the Central Committee of the Communist Party to the people of Ukraine (June, 25, 1943 — October, 19, 1943), — page 229.

F 57 Diaries , memories, conversations, letters

45. Quote 110. Reports of the local German authorities to Reihskomissar of the Easten occupied areas of Ukraine about the condition of the population of German origin. Concerning a new land order on the territory of Ukraine which is temporarily occupied by fascist aggressors and other questions (Translation from the German originals which are stored in TSGAOR USSR), (February, 16, 1942 — October, 6, 1942), — page 80.

State archive of Mykolayiv district, Mykolayiv

FR-162. Executive committee of Zhovtnevy district Council of the members of parliament, Mykolayiv (1944–1959)

46. Quote 5. Lists of persons that cooperated with fascist aggressors during of the occupation of the area (1944), — page 4.

FR-1016. Mykolayiv Address Bureau (1941–1944)

47. Quote 1. Mykolayiv Address Bureau. The list of folksdeutsche. Bear list of folksdeutsche in German (1942–1942), 63 pages.

48. Quote 3. Information concerning police offices, the list of streets in Mykolayiv and Mykolayiv district, — page 4.

49. Quote 4. Mykolayiv Address Bureau. The list of dead inhabitants and their documents which were given after registration of their death. (14.2.1942–18.12.1942), page 266.

50. Quote 12. Mykolayiv Address Bureau. The list of the quantity of inhabitants (except the Germans) of Mykolayiv and Vodopoy, Solyany districts, (15.06.1943–2.12.1943), page 9.

51. Quote 18. Mykolayiv Address Bureau. The list of the quantity of inhabitants of Mykolayiv city and Mykolayiv district, (1.01.1944–1.08.1944), page 5.

52. Quote 1. Mykolayiv Address Bureau. Card index of Mykolayiv Address Bureau. (1941–1944) (letters Ab-Andr), — page 303.

53. Quote 2. Mykolayiv Address Bureau. Card index of Mykolayiv Address Bureau. (1941–1944) (letters Abn-Aren), — page 54.

FR-1017. Printing office of the newspaper “Ukrainian thought” (during the Second World War), Mykolayiv (1941–1944)

54. Quote 1. Orders, reports, advertisement of general and city commissars, city government and commandants which were printed in newspaper, — page 18.

55. Quote 2. Articles from newspaper, — page 14.

56. Quote 3. Religious messages of Mykolayiv archbishop to inhabitants — page 12.

FR-92 Documents and materials from the history of the Great Patriotic War (1941–1945) in Odessa district. Underground partisan movement in Odessa district (1941–1987)

57. Quote 75. Newspaper «Soviet Ukraine», article «Top Secret» about chechists Mykola Geft, Valery Burlachenko and their comrades which worked in rogue during German-Romanian occupation of Odessa, — page 84.

FR-2295. Folksdeutsche of Mittelschtele “CC” Special Command “R” BKHHV in Odessa (1941–1944)

58. Quote 1. Instructions concerning bookkeeping and agriculture governor of intermediary bureau. Registers of members payments, — page 43

FR-3964 Authority of the newspaper «Molva», Authority management of culture of Transnistria (1942–1944)

59. Quote 4. Orders, instructions of Transnistria governorship and political, scientific articles; reports, information about life in Transnistria, — page 37.

60. Quote 5. Orders, instructions of Transnistria governorship and political, scientific articles; reports, information about life in Transnistria, — page 48.

FR-4093. Authority of the newspaper "Odessa newspaper" Authority of Odessa Municipality (1941–1944)

61. Quote 1. Odessa newspaper. Odessa municipality Authority (during Romanian-German occupation) July, 7, 1943. Number 154 (433) — page 2.

FR-4192. Authority of the newspaper "A German in Transnistria" Authority of Volksdoyche of Mittelshtelle "CC" Special Command "R" BKHHV (1942–1943)

62. Quote 1. Articles and notes which were sent to the editor — page 220.

63. Quote 3. Articles and notes directed to the editor, poems of German poets — page 224.

64. Quote 4. Articles and notes with appeals concerning victory war, with messages from the front. Articles about the situation of German colonies in Transnistria — page 224.

State Archive of Kherson District, Kherson

FR-1824. Kherson Regional Commissioner (District Commissar) (1941–1944)

1. Circulars of imperial government concerning the order of payments and providing the German population with industrial and food products (1942–1943)

65. Quote 1. Kherson regional commissioner, Kherson. Orders, circulars and instructions of imperial Minister of Ukraine concerning management system in the occupied eastern areas, about stolen property, about the procedure of employment of women and citizens of national cross-breed, etc. The project of structure of Kherson City Commissioner. The list of youth leaders, — page 99.

66. Quote 8. Correspondence of Mykolayiv General Commissioner about organization of paperwork in institutions, trade and transport work. Announcements of Regional Commissioner concerning introduction of German occupation administration in Kherson district, establishing of its operations — page 40.

67. Quote 20. Personal file of manager of regional fund Birken Max — page 18.

68. Quote 22. Personal file of interpreter of regional commissariat Klein Tatyana, page 15.

69. Quote 24. Personal file of the district chief of agriculture Tretin Werner — p. 4.

70. Quote 27. Order of Reichsminister of occupied Eastern territories, circular of Mykolayiv generalcomissar concerning employment of workers of German origin — page 2.

71. Quote 30. Orders, circulars and letters of general Commissioner concerning mobilization of vehicles and manpower for harvesting, struggle against the partisan movement, work of repression jurisdiction, agricultural associations, social organization of tillage in Ukraine — page 4.

72. Quote 56. Regulation, orders and circulars of Reichscommissariat in Ukraine, main chief of the SS and policemen in Ukraine, Mykolaiv generalcomissar, correspondence with them about the procedure and wages of German Reich, folksdeutsche, the local population, accounting in labor in Kherson — page 24.

73. Quote 73. Kherson firefighters association, certificate of inspection of facilities of Hebtskomisariat — page 74.

74. Quote 83. Statements, correspondence concerning appointing of teachers of German schools, the list of teachers — school folksdeutsche of Kherson school — p. 9.

75. Quote 84. Statements, correspondence with Mykolayiv generalkomisar and Shlanherdorfsk police concerning service and the payment of folksdeutsche workers — page 7.

76. Quote 85. Certificates, death certificates of folksdeutsche in the city of Kherson (1942–1943) — page 6.

77. Quote 255. Resolution of Reichscommissariat of Ukraine concerning changes of the names of folksdeutsche, messages of Kherson German registry office department about change of the names and surnames (A–B letters) — page 48.

78. Quote 256. Messages of German registry offices of the Department RAGS about folksdeutsche that want to change their names and surnames (B–D letters) — page 49.

79. Quote 257. Messages of German registry offices of the Department RAGS about folksdeutsche that want to change their names and surnames (E–I letters) — page 19.

80. Quote 258. Messages of German registry offices of the Department RAGS about folksdeutsche that want to change their names and surnames (K letters) — page 52.

81. Quote 259. Messages of German registry offices of the Department RAGS about folksdeutsche that want to change their names and surnames (L–M letters) — page 32.

82. Quote 260. Messages of German registry offices of the Department RAGS about folksdeutsche that want to change their names and surnames (N–R letters) — page 50.

83. Quote 261. Messages of German registry offices of the Department RAGS about folksdeutsche that want to change their names and surnames (S letters) — page 38.

84. Quote 262. Messages of German registry offices of the Department RAGS about folksdeutsche that want to change their names and surnames (T–H letters) — page 41.

85. Quote 263. Messages of German registry offices of the Department RAGS about folksdeutsche that want to change their names and surnames (TS–YA letters) — page 48.

86. Quote 264. Certificates, birth certificates of folksdeutsche in Kherson (09.08.–27.10.1943) — page 6.

Collection of documents and materials, reference books.

87. REK / GPU: Documents and materials / under edition of U Felshtynskiy, M. : Publishing of humanitar literature 1995. — 272 p.

88. Documents of State Archive of Odessa region concerning the history of the Second World War and its aftermath: report of funds / DAOO; Belousova L G, Heytan A G, Derechyna V P, Zhelyaskov S A, Martynenko O V, Makovetska S O, Malinova G A, Naboka O M, Filipchenkova N A, etc. — Odessa; 2009. — 27 p.

89. The union of Germans in Ukraine. Documents and materials. A. Dynhes, Donetsk — 2011. — 90 p.

90. Stalin deportation in 1928–1953: Documents / Under the edition of Acad. A N Yakovlev; [N L Pobol, P M Polyan]. — M.: The International Fund "Democracy": Materik, 2005. — 904 p.

91. Taran I M. The index card of the citizen who suffered from political repression. // Archive of the Editorial and Publishing Group "Rehabilitated by History", Mykolayiv District Administration, M.: 2002. — 4 p.

92. Chronological collection of laws and decrees of the Supreme Council, decisions and orders of the Government of the USSR: 7 vols., Vol. 2: 1942–1951. / Editor — compilation Stepan Davidovich Mykhalchuk [b. m.] Derzhpolityvdav USSR, 1963. — 848 p.

Memoir literature.

93. E. Ayryh. Terms of life. Notes about the past // Neuss Leben. №28, 1991 — 2 p.

94. Berg P A. Memoirs of long lived // Victims of repression. Nizhny Tagil 1920–1980. Ekaterinburg: Publishing UGTU, 1999. — 178–199 p.

95. Berg P A. Pain and memory: Collections of memories. M.:MSNR, 1993 — 274 p.

96. E I Druzhynyna. Memoirs of a war interpreter. (Autobiography Essay of Druzhynyna E I). // In War Years., Science. 1985. — 121–137 p.

ETHNIC ASPECT IN LONG-TERM ENGLISH-SCOTTISH OPPOSITION

Natalia Yakovenko,

Doctor of Sciences, Professor,

Taras Shevchenko National University of Kyiv

Annotation. *The article deals with a topical problem of English-Scottish opposition stressing its ethnic aspect. Scotland's different from England's paths of historical development and Scottish glorious fight for national independence are observed. Languages spoken by different peoples inhabiting the territory of present-day Scotland in different periods of time, are mentioned. Nationalistic campaigns in Scotland including 2014 Referendum for Independence are informed about.*

Keywords: *Scotland, national independence, ethnic composition, Census, referendum.*

Contemporary Scotland is not an independent country. However, Scotland is most certainly a nation of people living in an internal division of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. Today's activization of exercising their right to self-determination aimed at gaining full independence (maybe not in the nearest future) is to be seriously considered by the world community and international authorities. Ethnic nationalism as a force has become a reality on the world's stage. As scholars mention, ethno-national movements transcend the existing borders that separate the nearly 190 sovereign states recognized as independent under the rules of international law¹.

Separatist trends in Scotland are often discussed within the context of ethnic revival. Meanwhile the ethnic factor is obviously not the only motivation that caused the rise of separatist tendencies in the society. However, it is often mentioned alongside anti-English moods stressing the unique nature of the Scottish nation. "The Scottish people have been fused together over many centuries from distinct elements to become a unique whole unlike any other"².

In this article an attempt is done to somehow prove this idea.

The Kingdom of Scotland is known to have emerged as an independent sovereign state in the Early Middle Ages and continued to exist until 1707. Long-term Scotland's conflict with England is an important part of the complicated British history and contemporary political situation in the United Kingdom and beyond its borders. Scotland and England are two nations divided by their historical and cultural development. That divide was never wider than during the Wars of Independence in the 13th and 14th centuries when a chance event brought an era of relative friendship to an end.

Political misunderstanding and disagreements between the two nations have never stopped to exist, and they are deeply historically rooted. From the thirteenth century to the sixteenth, English kings periodically claimed to be feudal overlords of the King-

¹ Charles W. Kegley, Jr., Eugene R. Wittkopf, *World Politics. Trend and Transformation*, New York 1995, p. 192.

² James Wilkie, *How Scotland Qualifies for the Right of Self-Determination*, http://www.electricscotland.com/independence/scotlands_status.htm

dom of Scotland, but that claim was always repudiated and never became effective. English King Edward I (1272–1307) devastated Scotland in 1296 with fire and sword, which earned him the sobriquet ‘Hammer of the Scots’, and removed the symbolic Stone of Destiny from Scone. Meanwhile resistance leaders such as William Wallace and Robert Bruce — encouraged by the patriotism that would be expressed in the Declaration of Arbroath (1320) — managed to organize a successful defence of the tradition of an independent Scottish kingdom. Scotland’s claim of right to self-determination was first raised at international level almost seven centuries ago, when the Declaration of Arbroath was sent in 1320 to the Pope — the then international authority — by the Scottish leaders in the name of "the whole community of the realm of Scotland". It was not an appeal for independence, but an assertion by a people who had been independent since their origins in the mists of history that they were under no circumstances prepared to give up that status for subservience to an aggressor³. Glorious victories of the Scots during the Wars of Independence (Battle of Stirling Bridge (1297), Battle of Bannockburn (1314), and Capture of Berwick (1318)) are considered to be paramount symbols of national courage and heroic nationalism.

The point is that unlike other parts of the United Kingdom, Scotland remained a fully independent state for a number of centuries. In 1603 the Kingdom of England became linked to that of Scotland. Nevertheless, even under the Union of the Crowns (1603) which occurred after Queen Elizabeth I’s death, Scotland was not absorbed by England. Having become the single monarch for both states, King James was James I of England remaining at the same time James VI of Scotland putting separate signatures on international treaties for the two states. The two nations were temporarily united under one government when Oliver Cromwell was declared Lord Protector of the Commonwealth in 1653, but this ended when the monarchy was restored in 1660. Thus until the Act of Union (1707), which was constantly criticised in subsequent centuries, England and Scotland remained separate states.

Meanwhile Scotland experienced its own Reformation having produced its own Church (Presbyterian) which still exists today. Scotland had its own legal system which also survived. Scotland’s legal system has remained separate from those of England and Wales and Northern Ireland, and Scotland constitutes a distinct jurisdiction in public and private law⁴. Scotland had its own monarchy and Parliament and Estate of Nobles who ran the Parliament. It has never been a defeated nation. Scotland has a rich literary heritage dating back to the Early Middle Ages. As a result, Scotland remains a country with its own political, cultural and social traditions and customs, its folklore and national achievements in different fields (figures like Thomas Hobbes, David Hume, Adam Smith, Robert Burns, Sir Walter Scott, and many others are still celebrated for their achievements).

³ James Wilkie, *How Scotland Qualifies for the Right of Self-Determination*, http://www.electricscotland.com/independence/scotlands_status.htm

⁴ Collier, J. G. *Conflict of Laws (Third edition)*, Cambridge University Press 2007, "<https://en.wikipedia.org/wiki/Scotland>" <https://en.wikipedia.org/wiki/Scotland>

In May 1707 the two Parliaments of Scotland and England, not without some difficulty, were finally united. The united kingdoms came to be called Great Britain, which used combined aspects of national flags in the first Union Flag. However, the continued existence of legal, educational and religious institutions distinct from those in the remainder of Great Britain have all contributed to the continuation of the Scottish culture and national identity since the 1707 union.

It was then that Queen Anne expressed the hope that the two nations would grow into one British people⁵. However, Daniel Defoe reflected afterwards that “a firmer union of policy with less union of affection has hardly been known in the whole world”⁶. The Union became strained in the first half of the 18th century, when two Jacobite uprisings attempted to restore the Catholic Stuart dynasty to the throne.

Shortly after the defeat of the Jacobites at Culloden (1746), a period known as the Highland Clearances began.. After the battle of Culloden the leaders were declared to be traitors, with Jacobite officers executed and many of the rebel soldiers shipped to the colonies as indentured servants. Key laws included the Dress Act 1746, the Act of Proscription 1746, and especially the Heritable Jurisdictions Act of 1746. All aspects of Highland culture, especially the Scottish Gaelic language were forbidden. Parliament also banned the bearing of arms and the wearing of tartans, and limited the activities of the Episcopalian Church. After a generation the Highlands had been transformed and the laws were no longer needed; they were mostly repealed⁷. Additionally, in the eighteenth century, the polite fashion was to refer to Scotland as “North Britain”⁸.

While being a part of the Empire, Scots shared a wider British nationalism in so far as it facilitated participation in Britain’s imperial glory and victories in both World Wars. Scots peopled even the most remote lands of the Empire.

In his book published in 1921, former Prime Minister James Ramsay MacDonald (1866–1937) wrote: “The Anglification of Scotland has been proceeding apace to the damage of its education, its music, its literature, its genius, and the generation that is growing up under this influence is uprooted from its past”⁹.

Nevertheless, Scots have maintained a distinct identity from the English, politically and ethnically. However, both share some cultural heritage, from at least four streams: Goidelic Celt, Brythonic Celt, Anglo-Saxon, and Norman (French).

Stressing the miserable condition of Scotland at the beginning of the 20th century and marking cultural dimension of the Scottish ethnicity, John Buchan addressed the House of Commons in 1932: “...I believe every Scotsman should be a Scottish nationalist. If it could be proved that a separate Scottish Parliament were desirable ... Scots-

⁵ N. Davies, *The Isles. A History*, London 2000, p. 327.

⁶ D. Defoe, *Union and no union (1713)*, quoted by N. Davies, *The Isles. A History*, London 2000, p. 583.

⁷ J. L. Roberts, *The Jacobite Wars: Scotland and the Military Campaigns of 1715 and 1745*, Polygon, 2002, pp. 193–5,

⁸ N. Davies, *The Isles. A History*, London 2000, p. 655.

⁹ J. R. MacDonald, *Socialism: critical and constructive*, London 1921.

men would support it ... The main force is clearly ... a cultural force, the desire that Scotland shall not lose her historic personality.

May I be allowed to say a word to my friends who regard this whole question as trivial ... compared to the great economic problems with which we are faced? ... Believe me, this question is not trivial. It goes to the very root ... of Britain and the Empire. Britain cannot afford ... a denationalised Scotland. In Sir Walter Scott's famous words, 'If you un-Scotch us, you will make us damn mischievous Englishmen'.

We do not want to be like the Greeks, powerful and prosperous wherever we settle, but with a dead Greece behind us. We do not want to be like the Jews of the Dispersion ... a potent force everywhere on the globe, but with no Jerusalem"¹⁰.

The decline of Britain's world role, and with it the prestige of being associated with the Empire, gave renewed significance to Scottish nationalism.

The United Kingdom has always been a multinational state and a multiethnic society with one larger nation (English) and three smaller ones (Scots, Welsh, and Irish). Cultural differences still persist between the nations of the UK. It should be mentioned that for most of the UK's existence, its citizens had shared a common sense of Britishness. For people in Scotland this was additional to their sense of being Scots. Today the majority of the population of over 5 million people living in Scotland are British citizens considering themselves Scottish.

Concerning the problem of Scotland's ethnicity it is worth mentioning that the territory of contemporary Scotland had never been conquered by the Romans (except for a short occupation period of parts of Lowland Scotland), but its native inhabitants had to combat sea raiders from Ireland and Scandinavia. According to James Wilkie, the basic ethnic component of the Scottish nation is a fusion of three related Celtic peoples, with later minor infusions of Viking, Flemish and other Germanic blood, especially in the small south-eastern corner of the country. This composition has remained predominant right to the present day, because the demographic movement has overwhelmingly consisted of a movement of population from Scotland, and the only major inward movement until very recent times was the extensive immigration by the closely related Celtic Irish. Other recent ethnic immigrants have not altered this composition to the same extent¹¹.

In the Early Middle Ages, Scotland had several ethnic or cultural groups labelled as such in contemporary sources, namely the Picts, the Gaels (Scots), the Britons, with the Angles settling in the far south-east of the country in smaller numbers.

Germanic peoples included the Angles of Northumbria, who settled in south-eastern Scotland, and later the Norse arriving from Norway in the north and west. With the arrival of the Gaels, the use of the Gaelic language spread throughout nearly the whole of Scotland by the 9th century, reaching a peak in the 11th century. After the

¹⁰ J. Buchan, *Hansard*, vol. 272, 24 November 1932, quoted by N. Davies, *The Isles. A History*, London 2000, p. 816–817.

¹¹ James Wilkie, *How Scotland Qualifies for the Right of Self-Determination*, http://www.electricscotland.com/independence/scotlands_status.htm

division of Northumbria between Scotland and England by King Edgar (944–975) the Scottish kingdom encompassed a great number of the English folk.

Culturally, all above-mentioned peoples are grouped according to language. Almost all of Scotland until the 13th century spoke Celtic languages and these included, at least initially, the Britons, as well as the Gaels, and the Picts. Southeast of the Firth of Forth then in Lothian and the Borders, a northern variety of Middle English, also known as Early Scots, was spoken. Caithness and the Northern Isles were Norn-speaking. From 1200 to 1500 the Early Scots language spread across the lowland parts of Scotland between Galloway and the Highland line¹².

With the introduction of the printing press, spellings became standardised. Scottish English, a Scottish variation of southern English, began to replace the Scots language. Scottish English soon became the dominant language. While Scots remained a common spoken language, the southern Scottish English dialect was the preferred language for publications from the 18th century to the present day.

Thus, historically, the Scottish people have spoken many different languages and dialects in different historical periods. Linguistic differences have greatly diminished from the early nineteenth century when just under one-quarter of Scots spoke a variety of Gaelic as their first or only language. Today a small proportion of Scots (under 2 per cent) speak Gaelic¹³.

In general, from 1500 until recent years, Scotland was commonly divided by language into two groups of people, the Gaelic-speaking "Highlanders" and the Scots-speaking (later English-speaking) "Lowlanders". Today, immigrants have brought other languages, but almost every adult throughout Scotland is fluent in the English language.

Scotland's monarchy presents a separate aspect for research. According to the first record of the formal inauguration of a monarch, Aedan mac Gabhran was consecrated King of Scots by St. Columba in the year 574 AD. The Declaration of Arbroath of the year 1320 states that Scotland had till that date been governed by "an uninterrupted succession of 113 kings, all of our own native and royal stock, without the intervening of any stranger"¹⁴. The Royal house of Scotland sprang from the Kings of the Scots, who constituted only one of the 6 peoples inhabiting the modern lands of Scotland¹⁵. Yet when Kenneth, son of Alpin, united the Picts and Scots, and later when the Angli-an southeast, the British southwest, and the lands of the Gaels in Galloway were incorporated into the kingdom, this royal line of the Scots appears to have been accepted without difficulty by the other peoples of the region.

At the same time it is a remarkable fact that not only the royal line but the complete history and mythology of the Scots were accepted as the common heritage of all the people from the Tweed to the Pentland Firth.

¹² Scottish people, <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/443059>

¹³ B. Coxall, L. Robins, *Contemporary British Politics*, London 1988, p. 43.

¹⁴ James Wilkie, *How Scotland Qualifies for the Right of Self-Determination*, http://www.electricscotland.com/independence/scotlands_status.htm

¹⁵ Scottish ancestry, <http://www.scottishorigenes.com/tags/scottish-ancestr>

By the time of reign of Alexander III (1241–1286), it became clear that Picts, Britons, Norse, Angles, Galloway-Gaels, and Normans had all laid aside their own memories of the past and had come to regard the past of the 'Scots' as their heritage. As the Scottish kingship symbolised the acceptance of a common past, it was an important unifying factor in the Scottish life. It was one of the few things contributed by West Highland Scotland to the Scottish state, and one of the very few things that linked the Highlanders with the Lowlanders¹⁶.

Considering the above-mentioned information, it goes without saying that ethnic composition of Scotland's population has always been and remains rather complicated (see Table I). It is clearly demonstrated by the results of the two last censuses held correspondingly in 2001 and 2011.

The population of Scotland at the 2001 Census was 5,062,011. This rose to 5,295,400, the highest ever, at the 2011 Census¹⁷.

In the 2011 Census, 62% of Scotland's population stated their national identity as 'Scottish only', 18% as 'Scottish and British', 8% as 'British only', and 4% chose other national identities¹⁸.

Besides, according to official data, four and half million of Scotland's population describe their ethnic group as 'White Scottish'. Their number was steady between the last censuses of 2001 and 2011. The remaining one sixth of Scotland's population (in total 850,000) is a diverse mix of minorities that has increased in size by 29% in the same decade. Half of Scotland's ethnic minority population (417,000) described themselves as 'White Other British' in 2011. Polish, Irish, Pakistani, Chinese, Indian and African ethnic groups each numbered between 30,000 and 61,000¹⁹.

Thus, Scotland has developed its ethnic group question independently from other parts of the UK. The question distinguished 'White Scottish' from 'White Other British' for the first time in 2001²⁰.

It should be mentioned here that there are numerous discussions and research concerning the results of the Census, the meaning of 'the ethnic group' itself, Scottish ancestry, Scottish national identity and anglicisation, Scottish citizenship, and other related points. Some scholars insist that the 'White Scottish' is not an ethnic group at all, others stress that many people within the United Kingdom have mixed roots and are able to identify as British which brings together the English, Scottish, Welsh, and in some cases Irish. Many experts determine the whole aspect of national identity as a

¹⁶ *Scottish ancestry*, <http://www.scottishorigenes.com/tags/scottish-ancestry>

¹⁷ "Scotland's Population at its Highest Ever". *National Records of Scotland*. 30 April 2014. Retrieved 30 April 2014, https://en.wikipedia.org/wiki/Scotland#Geography_and_natural_history

¹⁸ *Census 2011: Detailed characteristics on Ethnicity, Identity, Language and Religion in Scotland — Release 3A. Scotland Census 2011*. Retrieved 20 September 2014, https://en.wikipedia.org/wiki/Scotland#Geography_and_natural_history

¹⁹ *How has ethnic diversity changed in Scotland. ESRC Centre on Dynamics of Ethnicity (CoDE)*, http://www.ethnicity.ac.uk/medialibrary/briefings/dynamicsofdiversity/code-census-briefing-scotland_v2.pdf

²⁰ Ibidem.

Table 1. Scottish population by ethnic group (2011)

	% of total Population	Population
White Scottish	84.0	4,445,678
White Other British	7.9	417,109
White Irish	1.0	54,090
White Gypsy/Traveller	0.1	4,212
White Polish	1.2	61,201
Other White ethnic group	1.9	102,117
White Total	96.0	5,084,407
Pakistani	0.9	49,381
Indian	0.6	32,706
Bangladeshi	0.1	3,788
Chinese	0.6	33,706
Other	0.4	21,097
Asian	2.7	140,678
Caribbean	0.1	3,430
Black	0.0	2,380
Caribbean or Black Other	0.0	730
Caribbean or Black	0.1	6,540
African	0.6	29,186
African Other	0.0	452
African	0.6	29,638
Mixed or multiple ethnic groups	0.4	19,815
Arab	0.2	9,366
Other	0.1	4,959
Other ethnic group	0.3	14,325
All population	100.00	5,295,403

Source: "Scotland's Population at its Highest Ever". National Records of Scotland. 30 April 2014. Retrieved 30 April 2014.

great puzzle, regarding questions of national identity to be complex and multi-faceted where the questions of citizenship is only one piece of the puzzle²¹.

Since the 1950s Scotland has diverged from England in its patterns of political behaviour and new nationalism has developed replacing the old romantic nationalism. What initially began as a defensive reaction to constitutional arrangements within the Union, contributed positively to the renegotiating of Scotland's rights. Nevertheless,

²¹ *Talk: Scottish people / Archive 4*, https://en.wikipedia.org/wiki/Talk:Scottish_people/Archive_4#Picture_of_Salmond

according to some experts, Scottish nationalism is predominantly economic²². Scottish nationalists blame neglect by remote Westminster governments for the Scottish economic difficulties and argue that Scottish interests would be better served by the dissolution of the 1707 Act of Union with England and the establishment of independent Scotland. The SNP (Scottish National Party) has invoked the traditional pride of the entire nation in its distinctive identity. Strengthening of national identity through political discourse and mass media encouraged nationalist sentiments.

In Scotland nationalist political forces have stood for independence of their country. Such was the Scottish National Movement (SNM), a political organisation which campaigned for Scottish independence in the 1920s. It amalgamated with other Scottish nationalist bodies in 1928 to form the National Party of Scotland which in turn merged with the Scottish Party to form the Scottish National Party in 1934. The SNP hit a high point in the October 1974 general election, polling almost a third of all votes in Scotland and sending 11 MPs to Westminster.

The main plank of the SNP platform was that Scotland would do much better economically outside the United Kingdom than by staying inside, for example, by taking over the oil revenues in its sector of the North Sea or securing direct subsidies from the European Union. This position was summarised in its slogans 'It's Scotland's Oil' and 'Scotland in Europe'²³. Clearly, the Scottish cultural distinctiveness offered a focus and a basis for the SNP.

The passing of power from the central government of Great Britain to the regions began with the Scottish referendum in late 1979. After the British general election of 1979, the new Labour government arranged for a referendum on its proposals, which were set out in a White Paper of July 1979, 'Scotland's Parliament'. The Scottish referendum, held on 13 September 1979, produced clear majorities for the two propositions about the creation of a Scottish Parliament and its having certain tax-varying powers. Following this result, the Scotland Bill was introduced in Parliament in January 1979 and became law as the Scotland Act in November that year. The Parliament took on its full powers and functions on 1 July 1979. As Tony Blair commented, "We were making changes. Devolution was one and that was historic"²⁴.

In the 2007 Scottish Parliamentary general election the SNP emerged as the largest party with 47 seats, narrowly ousting the Scottish Labour Party with 46 seats and Alex Salmond became Scottish First Minister. In May 2011, the SNP won an overall majority in the Scottish Parliament, this time with 69 seats out of 129. This was the first majority government since the modern post-devolution Scottish Parliament was established in 1979. The leader of the SNP Alex Salmond continued as the First Minister till 2014²⁵.

"The people of Scotland voted for a party that wanted to have a referendum on independence. I've made sure, showing them respect, that we can have that referendum

²² B. Coxall, L. Robins, *Contemporary British Politics*, London 1988, p. 83.

²³ Budge, I. Crewe, D. McKay, K. Newton, *The New British Politics*, Essex 1998, p. 157.

²⁴ T. Blair, *A Journey*, London, 2010, p. 124.

²⁵ *Scotland*, <https://en.wikipedia.org/wiki/Scotland>

in a way that is decisive, that is legal, that is fair but crucially is one single simple question, whether Scotland wants to stay in the United Kingdom or go,"²⁶ British Prime Minister David Cameron said.

A referendum on Scottish independence with participation of different ethnic groups was held on 18 September 2014, with the referendum being defeated 44.7% (Yes) to 55.3% (No).

Nevertheless, the Independence Referendum has exerted a certain influence on people's minds, it has obviously changed the country's politics, the whole nation, its sense of Scotland's future. At the same time, considering contemporary Scottish opposition towards Westminster demonstrated by rising activities of nationally oriented forces, despite the four nations of the British Isles remain united, the future integrity of the UK is not fully assured and another referendum on Scottish independence could come sooner than many people think.

²⁶ *Alex Salmond hails historic day for Scotland after referendum deal*, <http://www.theguardian.com/politics/2012/oct/15/alex-salmond-scotland-referendum-deal>

MEDICINE AND PHYSIOLOGY

РАСЧЕТ ОБЩЕЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ОРТОПЕДИЧЕСКОГО ПРОТОКОЛА ИЗГОТОВЛЕНИЯ ВРЕМЕННОГО ЦЕМЕНТИРУЕМОГО МОСТОВИДНОГО ПРОТЕЗА С ОПОРОЙ НА ЦЕЛЬНЫЕ ИМПЛАНТАТЫ

Евгений Диев,

кандидат медицинских наук,

Государственное учреждение «Институт стоматологии

Национальной Академии Медицинских Наук Украины»,

Одесский национальный медицинский университет

The calculation of the total duration of orthopedic record of production of temporary cemented dental bridge with support on solid implants.

Annotation. Dental bridges with support on solid implants have found sufficiently wide use in the clinic of orthopedic dentistry. These constructions are used either as temporary for protection of permanent implants during a period of osteointegration, or as constant with a deficit of horizontal bone parameters. Today the use of solid implants has no official legal status in Ukraine.

Orthopedic record of production of temporary cemented dental bridge with support on two solid implants consists of 6 clinical stages with total duration of 208.84 minutes.

During the production of several similar dental bridges or with the other number of structural supporting elements for one patient, it is obligatory to use the appropriate corrective coefficient (K), which corresponds to the number of supports of dental bridge.

Keywords: dental implants, orthopedic record, nonremovable dentures, solid implants, standard time.

По данным ВОЗ различными видами адентии страдают 75,0% населения Земного шара, а потребность населения Украины в ортопедической стоматологической помощи в разных медико-географических регионах страны составляет порядка 58,0–84,9 % [1, 2, 3].

Одним из вариантов решения данной проблемы является применение в практическом здравоохранении методов лечебной реабилитации с использованием дентальных имплантатов, которые в силу отсутствия официально утвержденных МЗ Украины технологических протоколов и ведомственных норм времени не имеют полноценного правового статуса на территории нашей страны [4, 5].

Протокол двухэтапной имплантации подразумевает использование на период остеоинтеграции постоянных имплантатов защитных временных конструкций, установленных на опять же на временные цельные одноэтапные имплантаты. Такими конструкциями могут служить как съемные зубные протезы на одноэтапных временных имплантатах с шаровидными абатментами, так и несъемные цементуемые зубные протезы на цельных одноэтапных имплантатах с абатментами трапецевидной формы [6, 7].

Кроме того, в клинике ортопедической стоматологии при изготовлении постоянных мостовидных зубных протезов с опорой на дентальные имплантаты встречаются клинические случаи, когда имеющиеся горизонтальные геометрические параметры кости не позволяют использовать двухэтапные имплантаты стандартной толщины. Для решения данной проблемы применяют цельные одноэтапные имплантаты, толщина которых находится в диапазоне 2,7–3,5 мм [8, 9, 10, 11, 12].

Цель исследования — установление общей продолжительности ортопедического протокола изготовления временного цементируемого мостовидного протеза с опорой на цельные имплантаты.

Материалы и методы исследования. Объект исследования — клинический процесс оказания стоматологической ортопедической помощи при изготовлении временного цементируемого мостовидного протеза с опорой на цельные имплантаты.

Предмет исследования — структура, последовательность, продолжительность и объем соответствующей ортопедической помощи, трудовые затраты специалистов.

Методы исследования:

- аналитический — для определения структуры и характера трудовых затрат врача-стоматолога ортопеда при изготовлении временного цементируемого мостовидного протеза с опорой на цельные имплантаты;
- хронометраж — для определения общей продолжительности соответствующих клинических этапов изготовления временного цементируемого мостовидного протеза с опорой на цельные имплантаты;
- математический — для определения величины ведомственных нормативов времени работы врачей-стоматологов ортопедов на проведение соответствующей протетической реабилитации пациентов с использованием дентальных имплантатов;
- статистический — для математической обработки результатов исследования.

В нашей стране в ортопедической стоматологии для определения продолжительности клинических и зуботехнических протоколов и установления ведомственных норм времени на них, используется официально утвержденная методика в модификации В. А. Лабунца (1999 г.) [8].

Результаты исследования. С целью установления общей средней продолжительности ортопедического протокола изготовления временного цементируемого мостовидного протеза с опорой на цельные имплантаты нами были проведены хронометражные наблюдения за работой 6 специалистов, установившим 6 пациентам 10 временных мостовидных протезов с опорой на 34 временных цельных имплантата. Из этого количества 7 зубных протезов были установлены на нижнюю челюсть и 3 протеза на верхнюю.

Аналитическим методом, согласно требованиям используемой нами методики, установили содержание и характер трудовых затрат специалистов на каждом клиническом этапе, произвели индексацию на постоянные затраты рабочего вре-

мени специалиста (T_p), не зависящие от конструкции протеза и переменнo-повторяемые затраты рабочего времени ($T_{пп}$), всецело зависящие от конструкции протеза и количества протезных единиц в его структуре.

После проведения хронометражных замеров, результаты которых внесли в «Карту хронометражных измерений», произвели суммирование показателей T_p и $T_{пп}$, результат которого представлен в виде таблицы как искомый показатель продолжительности ортопедического протокола и определен как сумма продолжительности изготовления каждой протезной единицы в структуре протеза, согласно характера затрат рабочего времени на его изготовление по формуле:

$$НВ = T_p + K \times (T_{пп}), \text{ где:}$$

НВ — норматив времени;

T_p — постоянные затраты времени;

$T_{пп}$ — переменнo-повторяемые затраты времени;

K — количество опор мостовидных протезов, которые необходимо изготовить одному пациенту.

Также установили, что ортопедический протокол изготовления любого временного цементируемого мостовидного протеза с опорой на цельные имплантаты проводится на протяжении 6 клинических этапов, обобщенные данные которых представлены в таблице 1.

Таблица 1

Краткое содержание и продолжительность клинических этапов изготовления стоматологом-ортопедом временного цементируемого мостовидного протеза с опорой на цельные имплантаты

№ этапа	Содержание этапа	Норматив времени на изготовление мостовидного протеза на 2 опорах (в мин)
1	Знакомство с пациентом и предварительное определение конструкции протеза	27,48
2	Снятие предварительных оттисков	35,18
3	Снятие рабочих оттисков и определение ц/о	62,08
4	Примерка каркаса протезной конструкции	24,58
5	Примерка облицованного каркаса протезной конструкции	27,02
6	Фиксация готовой протезной конструкции	32,50
	Итого:	
	Общее время изготовления протезной конструкции	208,84
	Из которого:	
	Постоянные затраты времени	164,73
	Переменно-повторяемые затраты времени	44,11

Обсуждение. Согласно используемой нами методики при изготовлении пациенту временного цементируемого мостовидного протеза с опорой на цельные

имплантаты общая продолжительность ортопедического протокола, она же является и нормативом времени определяется по формуле:

$$НВ = Тп + К \times (Тпп), \text{ где}$$

К — количество опор мостовидного протеза.

В таблице представлен материал хронометражных исследований изготовления мостовидного протеза с опорой на два имплантата. Чтобы определить время необходимое для изготовления зубного протеза подобной конструкции на большее количество опор, необходимо иметь показатель переменноповторяемых затрат времени (Тпп) на одну опору. В данном случае:

$$Тпп \text{ на одну опору} = 44,11 \text{ мин} : 2 \text{ опоры} = 22,06 \text{ мин.}$$

Пример: с целью защиты на период остеоинтеграции установленных постоянных имплантатов и поддержания на должном уровне функции жевания и речи, пациенту необходимо изготовить временный цементируемый мостовидный протез с опорой на 6 цельных имплантатов.

Расчет:

НВ врем.мост. прот. = 164,73 мин + 6 опор \times 22,06 мин = 297,09 мин. — время, которое необходимо затратить стоматологу-ортопеду на проведения 6 клинических этапов изготовления цементируемого мостовидного протеза с опорой на 6 цельных имплантатов.

При установлении норматива времени при изготовлении пациенту нескольких однотипных конструкций, постоянные затраты рабочего времени (Тп) учитываются один раз как общие, а переменноповторяемые затраты рабочего времени (Тпп) — по количеству опор в структуре каждого протеза.

Пример: пациенту необходимо изготовить 3 мостовидных протеза на цельных имплантатах на 2-х, 3-х и 4-х опорах соответственно.

Расчет:

$$НВ = 164,73 \text{ мин.} + 2 \times 22,06 \text{ мин.} + 3 \times 22,06 \text{ мин.} + 4 \times 22,06 \text{ мин.} = 164,73 \text{ мин.} + 44,12 \text{ мин.} + 66,18 \text{ мин.} + 88,24 \text{ мин.} = 363,27 \text{ минут.}$$

Или:

$$НВ = 164,73 \text{ мин.} + (2 + 3 + 4 = 9) \times 22,06 \text{ мин.} = 363,27 \text{ минут.}$$

Таким образом, используя данный методический прием, стоматолог-ортопед или нормировщик с достаточной степенью точности также может предварительно определить минимально необходимое количество рабочего времени на проведение ортопедического протокола изготовления мостовидных протезов с опорой на любое количество цельных имплантатов.

При статистической обработке результатов хронометражных измерений клинических процессов изготовления подобных конструкций необходимо установить лишь показатель средней арифметической взвешенной. В определении ошибки средней арифметической взвешенной необходимости нет, так как данный процесс не имеет признаки линейной зависимости и не соответствует постулатам закона нормального распределения Гаусса-Ляпунова [9].

Выводы. Полученные результаты исследования дают право констатировать, что продолжительность ортопедического протокола изготовления временного

цементируемого мостовидного протеза с двумя опорами на цельные имплантаты составляет 208,84 мин. Данный процесс осуществляется на протяжении 6 клинических этапов. При этом постоянные затраты рабочего времени специалиста составляют 164,73 минуты, а переменные — 22,06 минуты на одну опору.

При изготовлении одному пациенту нескольких подобных мостовидных зубных протезов или с иным количеством конструктивных опорных элементов обязательно использование соответствующего корректировочного коэффициента (К), который соответствует количеству опор мостовидного протеза.

References:

1. Zelenkova N. I., Kuts P. V., Nespriadko V. P. Rehabilitation of patients with primary adentia with using implants. // Proceedings of scientific-practical conference: The current state and urgent problems of prosthodontics. Ivano-Frankivsk, 2005. — p. 25–26.
2. Zablotskyi Ya. V., Didyk N. M. Prevalence and structure of defects of dentition of the population Lviv city and region of Lviv. — *Visnyk stomatolohii*. 2005;1:78–87.
3. Labunets V. A. The basis of scientific planning and organization of orthopedic dental care at the present stage of its development. — Odessa, 2006. — p. 478.
4. Nakaz MOZ Ukrainy №566 vid 23.11.2004 r. The Law of Ukraine №566 from 23.11.2004. "On approval of the protocols of care in specialties", "orthopedic dentistry", "dentistry", "surgery", "orthodontics", "paediatric dentistry", "children surgery". Ukraine. — 2004.
5. Nakaz MOZ Ukrainy №507 vid 28.12.02 r. MOH Ukraine №507 of 12.28.02. "On approval of standards of medical care and health care quality indicators". Ukraine, 2002.
6. Zablotskyi Ya. V. Implantation of a non-removable prosthesis. L'viv, Hal Dent; 2006. — p.156.
7. Paraskevych V. A. Dental implantology: Fundamentals of Theory and Practice: Monograph. Moskva, Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo; 2011. — p.399.
8. Shirokov I. Yu. Experimental study of temporary non-removable dentures with dental implantation // Dissertation for candidate of medical sciences. Moskva, 2013. — p. 86.
9. Shirokov I. Yu. Improving the quality of dental treatments with the use of temporary implants. Proceedings from XXXIII final scientific conference of young scientists MSMSU: Moskva. 2011. — p. 3–141.
10. Bruno Lemay. Mini-implants. Fixing of partial removable denture with significant atrophy of the alveolar ridge. — 2013; 2(11). — p. 68–70.
11. Vigolo P., Givani A., Gordioli G. Clinical Evaluation of Small-Diameter Implants in Single-Tooth and Multiple-Implant Restorations: A 7-year Retrospective Study. *Int Oral Maxillofac Implants*. 2004; 19: 703–709.
12. Khabiev K. N. Practice of use of mini-implants for rehabilitation of patients with edentulous. — 2014; 2(15). — p. 58–59.

13. Labunets V. A. Grigorovich V. R. Methodological aspects of a unified system of accounting, control labor prosthetic dentists and dental technicians in Ukraine. Odessa, 1999:12.

14. Diev E. V., Labunets V. A., Shnayder S. A., Dieva E. E. Features of chronometry of statistical measurement data of processing time of manufacture a dentures with rationing labor specialists in dentistry. — 2014; 4(21). — p. 107–109.

15. Koren' V. N., Kuznetsov V. N., Kuklin G. S., Kaminskiy A. M., Gorodenko A. V., Rusak V. I., Labunets V. A., Lyashkov A. A., Skripnik V. A., Morozov I. E. Working time of orthopedic surgeon dentists in the manufacture of various types of dentures. — Proceedings from V Congress of the USSR dentist. — Odessa. — p. 24–25.

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ: ГИНГИВИТ У ДЕТЕЙ, ПОДРОСТКОВ, МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

Юрий Коваль,

кандидат медицинских наук,

Людмила Цевух,

кандидат медицинских наук,

Одесский национальный медицинский университет

Actual problem of modernity: gingivitis in children, adolescents, young people

Annotation. The scientific article is devoted to the actual topic of modern dentistry — gingivitis in children, adolescents and young people. The basis of the subject matter of the topic is the fact that gingivitis in children and adolescents is widespread, namely during the period of puberty. Arrhythmia of hormonal system during puberty period of development of a child can be the reason for inflammation of periodontal tissues caused by the number of factors, among which the main is the worsening of natural oral hygiene. Determination of reasons, meaning and the role of these factors plays a key role not only in theoretical aspect, but also in the process of practical treatment of this disease with minimization of the risk of complications.

Keywords: gingivitis, adolescents, puberty, hormonal system.

Мудрецы древнего Востока говорили, что «Смерть приходит к человеку через рот». И, с современной точки зрения, в этом они были правы. Врачи совершенно разных специализаций — гинекологи и педиатры, хирурги и терапевты, невропатологи и оториноларингологи, кардиологи и инфекционисты — отмечают взаимосвязь стоматологических заболеваний и патологии внутренних органов и систем человека. Вовремя не ликвидированные хронические инфекционные очаги в полости рта могут привести к развитию заболеваний сердца, системы крови, почек, печени, верхних дыхательных путей, обмена веществ. К развитию гастрита, язвы двенадцатиперстной кишки, атеросклероза, тиреоидита, фарингита, тонзиллита, невродов и даже к психическим нарушениям. И это далеко не полный перечень всех возможных последствий заболеваний полости рта. В свою очередь, врачи-стоматологи часто сталкиваются с диаметрально противоположной ситуацией, когда патология внутренних органов и систем человека, нарушение гормонального равновесия создают благоприятный фон для развития заболеваний полости рта.

И пожилой, и юный. Болезни тканей пародонта не щадят никого: ни детей, ни взрослых. По данным ВОЗ, в большинстве развитых стран мира различными заболеваниями тканей пародонта страдает примерно половина детского и почти всё взрослое население. В США поражение тканей пародонта наблюдается у 60% подростков и у 90% людей взрослого населения [1]. Результаты эпидемиологических исследований, проводимых в разных странах мира, свидетельствуют о высокой заболеваемости тканей пародонта и их раннем возникновении. По данным обобщающего доклада ВОЗ, хронический гингивит в Европе обнаружен почти у 80% детей в возрасте 10–12 лет и практически у 100% — в возрасте 14–15 лет. Чаще всего у детей диагностируются хронический катаральный гингивит (80–85 %) и хронический гипертрофический гингивит (10–15%). В соответствии с

результатами исследований, проведенных Хоменко Л. А., и соавт. (2013), распространённость гингивита у 15-летних подростков в различных регионах Украины колеблется в пределах от 51 до 100%. По данным мониторинга заболеваний тканей пародонта (Янушевича О. О., Кузьминой Э. М., 2009), в различных регионах России выявлено, что распространённость гингивита у подростков 15 лет составляет от 56 до 61 % [2]. Распространённость заболеваний тканей пародонта во многом зависит от климатических и экологических условий, особенностей питания и состава воды. В частности, вероятность приобрести то или иное заболевание пародонта резко возрастает у людей, рацион которых в основном состоит из мяса и углеводов. Рацион, богатый овощами и фруктами, содержащими, в частности, витамины С и Р, способен предотвращать развитие этой патологии даже у людей, проживающих в неблагоприятных климатических зонах. Множество болезней пародонта, отличающихся этиологией, патогенезом и клиническими проявлениями, различием во взглядах на характер поражения и отсутствием единого принципа систематизации породили большое количество различных классификаций. Согласно рекомендациям ВОЗ (1991), болезнями пародонта следует считать все возникающие в нём патологические процессы, которые могут ограничиваться только одной составной частью тканей пародонта, поражать несколько или все его структуры [2].

В 1983 году на XVI Пленуме Всесоюзного научного общества стоматологов была принята классификация заболеваний пародонта, отвечающая требованиям стоматологии детского возраста, которая и поныне используется в клинической практике [1, 2]. В основу этой классификации положена классификация ARPA (Международного общества по изучению болезней пародонта) и ВОЗ. Согласно этой классификации, гингивит — это воспаление слизистой оболочки десны, характеризующееся сохранением целостности зубодесневого соединения.

Однако данная классификация не в полной мере отражает сущность заболеваний тканей пародонта, встречающихся у детей и подростков. Наибольшее признание получила классификация Page R. C. и Schroeder H. E. (1983), в основу которой был положен возрастной принцип. В 1989 году на рабочем совещании секции пародонтологов ВОЗ была принята классификация болезней пародонта, где гингивит, выделен в особую нозологическую форму. В соответствии с ныне действующей классификацией (Хоменко Л. А. и соавт., 2013) гингивит, выделенный в особую нозологическую единицу, представляет собой «Воспаление десны, обусловленное неблагоприятными воздействиями местных и общих факторов, протекающее без нарушения целостности зубодесневого прикрепления» [2]. Заболевание может проявляться в катаральной, гипертрофической и язвенной формах. Каждой из этих форм присуще преобладание того или иного клинкоморфологического признака воспаления. Катаральной форме — экссудация, гипертрофической — пролиферация, а язвенной — альтерация. В зависимости от распространенности выделяют два вида гингивита — локализованный и генерализованный. А в соответствии с характером течения заболевания выделяют — острый, хронический, обострившийся хронический гингивит и гингивит в стадии ремиссии.

В соответствии с рекомендациями по номенклатуре патологий пародонта (классификациях болезней пародонта по МКБ-С) [2], название гингивит объединяет острые или хронические воспалительные процессы в области маргинальной (краевой) и/или интердентальной (межзубной) десны. Причём, воспалительные изменения ограничиваются преимущественно краевым эпителием и соединительной тканью десны.

Очень часто возникновение гингивита связано с зубными отложениями: у 90-96% людей, страдающих гингивитом, при обследовании обнаруживаются мягкий зубной налет или наддесневой зубной камень. Примерно 18–20% состава зубного камня приходится на долю органических веществ — микроорганизмов, пищевых остатков и слущенного эпителия. Остальные 80–82% представлены, главным образом, фосфорнокислым и углекислым кальцием. Скорость образования зубного камня зависит не только от тщательности ухода за зубами, но и от многих других факторов, в частности, от состояния обменных процессов в организме, свойств и состава слюны [1, 2, 3].

Зубной налет в основном состоит из органических компонентов, значительную долю которых составляют микроорганизмы. Роль зубного налета в развитии гингивита давно интересовала специалистов. Много лет назад после неудачных попыток продемонстрировать специфическую роль какого-либо вида бактерий в развитии гингивита, появилась гипотеза «неспецифического налета». Суть её сводилась к тому, что заболевание является результатом реакции организма на разрастание неспецифических колоний бактерий в зубном налете. В соответствии с этим лечение заключалось в механическом удалении налета с поверхности зубов. Однако этот метод лечения оказался недостаточно эффективным. Гипотеза «неспецифического налета» не нашла подтверждения, но методы микробиологического анализа совершенствовались, исследования продолжались, и в дальнейшем в образцах зубного налета, взятых в области пораженных участков десны, удалось обнаружить более высокое содержание определенных видов микроорганизмов по сравнению с налетом в области здоровых участков. Это послужило основанием для появления новой концепции возникновения некоторых болезней пародонта, в том числе и гингивита. Сегодня такие заболевания рассматривают как хронические специфические бактериальные инфекции.

Болезнь начинается с воспалительной реакции на скопление налета у зубодесневого края. Скопления бактерий, формирующих зубной налет (а это в основном представители нормальной микрофлоры полости рта) создают анаэробную среду. В итоге со временем в налете появляются анаэробные грамотрицательные бактерии, и если человек пренебрегает гигиеной полости рта, колонии анаэробов разрастаются и колонизируют десневую бороздку и углубления в месте прилегания десны к зубу. В конце концов появляется гингивит. Если воспаление не прекращается, то налет постепенно минерализуется и распространяется вниз по поверхности корня зуба, что приводит к нарушению связочного аппарата зуба и развитию пародонтита [4]. Еще совсем недавно исследователи большое значение придавали составу преимущественно наддесневого налета, что было связано с техническими трудностями идентификации микроорганизмов. Дело в том, что

поддесневая микрофлора состоит в основном из анаэробов, большую часть которых невозможно культивировать. После выращивания их нельзя было отнести к какому-либо из известных видов. Другими словами, определение микробной специфичности превращалось в практически в очень трудную проблему. Со временем появилась возможность применять процедуры количественного культивирования анаэробов, и в результате удалось выявить несколько новых видов, связанных с различными заболеваниями. На сегодняшний день ученые сумели выяснить роль лишь некоторых бактерий в этиологии гингивитов. В первую очередь это касается спирохет и бактериоидов [1].

С помощью темнопольной или фазово-контрастной микроскопии в образцах поддесневого налета зубодесневого прикрепления по спиральной форме и высокой подвижности можно выявить большое количество спирохет, относящихся к роду *Treponema*. Морфологическая структура спирохет облегчает поглощение ими необходимых питательных веществ из окружающей среды. Они настолько малы, что без труда проникают в мягкие ткани рядом с налетом. Характерно, что по мере прогрессирования гингивита доля этих бактерий в поддесневой микрофлоре возрастает, но точно идентифицировать видовой состав спирохет еще не удастся [1, 5].

Помимо спирохет в зубном налете содержатся черные пигментированные бактерии (ЧПБ). Сначала эти колонии пигментированных анаэробов называли *Bacteroides melaninogenicus*, но затем при помощи молекулярно-генетического анализа выяснилось, что ЧПБ существенно отличаются от кишечных бактериоидов. Представлены черные пигментированные бактерии по меньшей мере девятью видами, в том числе и двумя новыми [1, 5].

При заболеваниях десен в пораженных местах довольно часто выявляются анаэробные микроорганизмы в виде длинных тонких палочек — *Bacteroides forsythus*. Детально механизм вирулентности *B. forsythus* изучить пока не удастся, поскольку культивирование этих бактерий сопряжено с большими трудностями [1, 5].

В то же время существуют убедительные доказательства того, что непосредственной причиной острого гингивита могут стать не только микробные инфекции, но и системные факторы, медикаментозные, механические, термические и химические повреждения [1; 2].

При катаральном остром гингивите в ответ на физические или микробные повреждения обычно развивается классическая острая воспалительная реакция. Острый язвенный гингивит характеризуется болями, некрозом межзубных десневых сосочков и реакцией лимфатических узлов. Острый специфический гингивит объединяет группу специфических инфекционных заболеваний десны, возникших в результате воздействия туберкулезных бактерий, *Candida albicans*, *Actinomyces israelii*, *Treponema pallidum*.

Острые вирусные гингивиты развиваются чаще в результате инфицирования вирусами простого герпеса (*Herpes simplex*), *Herpes zoster* и цитомегаловируса [1–5].

Но этими формами не исчерпывается все многообразие острых гингивитов. Существуют аллергические гингивиты и гингивиты при дерматологических заболеваниях, когда воспалительные изменения, как правило, начинаются не по краю десны, а на других десневых поверхностях.

Хронические гингивиты подразделяются на несколько типов: хронический катаральный, атрофический, язвенный, десквамативный гингивит; хронический, чаще медикаментозно обусловленный гингивит с гиперпластическими изменениями десневой ткани, идиопатический гингивит, хронический специфический гингивит и хронический простой гормонально обусловленный гингивит.

У взрослых хронический катаральный (простой) гингивит всегда обусловлен зубными отложениями. У детей эта форма заболевания связана с зубными отложениями в 75–100% случаев. Состав зубного налета сложен. В него входят органические и неорганические компоненты — кальций, фосфор и др. Высокопатогенные микроорганизмы, способные надежно прикрепляться к тканям зуба с помощью гелеобразных продуктов — белков слюны, декстранов и некоторых компонентов десневой жидкости составляют более 70% органического состава [1–4].

По современным представлениям, непосредственной причиной хронического катарального гингивита являются продукты метаболизма микрофлоры, развивающейся и долго сохраняющейся в зубных отложениях [1–5].

Характерные черты хронического гиперпластического гингивита — псевдокарманы и фиброзное разрастание соединительной ткани. Не исключено и вторичное присоединение инфекции. Заболевание может проявляться либо в идиопатической, наследственно обусловленной форме, либо в медикаментозно обусловленной форме. В частности, к развитию хронического гиперпластического гингивита с чрезмерным ростом десны может привести прием гидантоина, циклоспорина А и нифедипина, а также гормональные сдвиги в организме.

Хронический специфический гингивит, также как и острый специфический гингивит, развивается в результате инфицирования туберкулезными бактериями, *Candida albicans*, *Actinomyces israelii* и *Treponema pallidum*.

В развитии хронического гормонально обусловленного гингивита первостепенное значение приобретает дисбаланс половых гормонов. Эта форма гингивита, как правило, появляется на фоне хронического катарального гингивита в период полового созревания и во время беременности. К аналогичному эффекту может привести прием оральных контрацептивов и стероидная терапия. Гормонально обусловленные гингивиты могут протекать в катаральной или гиперпластической форме [1–6].

Иммунитет и местная защита. В здоровом организме человека микроорганизмам очень трудно спровоцировать развитие болезни. Для того, чтобы успешно осуществить колонизацию «облюбованных» тканей, т.е. закрепиться и размножиться в месте фиксации, возбудители должны преодолеть сопротивление иммунной системы.

В ротовой полости эффективность местной защиты определяется тремя факторами — целостностью слизистой оболочки, составом слюны и лимфоидной тканью.

Надежность защиты в значительной мере зависит от эпителиальных клеток слизистой оболочки ротовой полости. На поверхности этих клеток находятся рецепторы, специально предназначенные для связывания с микроорганизмами. Если рецепторы оккупированы представителями нормальной микрофлоры полости рта либо вовсе отсутствуют, патогенные не могут зафиксироваться на слизистой.

Содержащиеся в слюне бактерицидные вещества (например, лизоцим) и иммуноглобулины классов IgG, IgM, IgA поступающие вместе с кровотоком или образующиеся на месте, в лимфоидных тканях ротовой полости, тоже доставляют возбудителям немало неприятностей. Особо важную роль при этом играет секреторный иммуноглобулин А, продуцируемый слюнными железами.

Но любое действие рождает противодействие и у многих бактерий есть мощное оружие для борьбы с IgA. Это специальные ферменты-протеазы. Расщепляя молекулы секреторного иммуноглобулина, они лишают его способности подавлять адгезию микроорганизмов на поверхности десны и зуба. Лимфоидная ткань ротовой полости работает в своем собственном режиме, т.е. в известной степени автономно от системного иммунитета. Лимфоциты местной лимфоидной ткани на вторжение отвечают синтезом специфического секреторного иммуноглобулина. В этом они «видят» свою основную задачу, и поэтому даже после выхода в общую циркуляцию такие лимфоциты обязательно возвращаются «домой», в субэпителиальную ткань слизистых оболочек. Это явление, получившее название хоминг — эффект (homing- стремление назад, к дому) объясняется сродством лимфоцитов к адгезивным (т.е. ответственным за прилипание микроорганизмов) рецепторам эндотелия посткапиллярных венул, дренирующих слизистую оболочку полости рта [1, 2, 4, 5, 7–12].

Помимо химического состава слюны, микробная колонизация зависит и от её физических свойств. В частности, густая, вязкая слюна способствует отложению зубного налета и размножению бактерий. Именно гипосаливация несёт определенную долю ответственности за гингивиты при сахарном диабете и гингивиты, связанные с приёмом гипотензивных и психотропных препаратов. Причём гипосаливация, сопровождающаяся снижением уровня защитных факторов белковой природы, создает практически идеальные условия для фиксации патогенов [1, 2, 3, 4, 5, 6–11]. Если по этой или какой-нибудь другой причине инфекционному агенту удалось закрепиться на эпителии, он не останавливается на достигнутом и, стремясь расширить свои владения, проникает в субэпителиальную ткань. Здесь картина меняется полностью, ибо инвазия патогенов «рождает» повреждение, на которое организм отвечает воспалительной реакцией. Первыми на повреждение реагируют «клетки тревоги» — тучные клетки и макрофаги. Они начинают выделять множество соединений. Одни из них повышают проницаемость сосудов для плазмы крови вместе с её компонентами, а другие — инициируют эмиграцию лейкоцитов из кровяного русла к месту повреждения [2, 4, 5, 6].

Известно много патоморфологических вариантов воспаления. Наибольший интерес представляют две главные разновидности воспалительных реакций — нейтрофилзависимая и макрофагзависимая. В первом случае в качестве основных эффекторов воспаления выступают нейтрофилы. К месту событий нейтро-

филы мигрируют под воздействием специфических соединений, так называемых хемоаттрактантов. Такие вещества, как простагландины, некоторые ферменты, расщепляющие белки, и др. задерживают нейтрофилы в очаге поражения, и они приступают к выполнению своей основной задачи — уничтожению бактерий. Наряду с этим, активированные нейтрофилы несут ответственность за повреждение тканей при воспалительных реакциях, а их избыток придает воспалительному экссудату гнойный характер. Нейтрофилы с большой охотой принимают помощь гуморальных факторов — комплемента и антител — иммуноглобулинов, которые в очаге воспаления стимулируют фагоцитарную активность, т.е. процесс «пожирания» патогенов. Нейтрофилзависимое воспаление характеризуется острым экссудативно — деструктивным течением, хотя иногда может обрести и хроническую, вялотекущую форму. Недостаточность нейтрофилов, наблюдаемая у некоторых людей, создает чрезвычайно благоприятные условия для развития гингивита [2; 5–12]. В отличие от нейтрофилзависимого воспаления, макрофагзависимое гранулематозное воспаление исходно протекает хронически с преобладанием пролиферативно-склерозирующего компонента. Постоянное поступление в очаг воспаления макрофагов обеспечивает последовательное подключение из сосудистого русла различных хемоаттрактантов, а в роли факторов, подавляющих их миграцию, выступают интерфероны, гиалуроновая кислота и глюкокортикоиды. Возбудители гранулематозного воспаления обладают одним общим свойством: в течении длительного времени они могут персистировать внутри макрофагов [2, 5–11].

Но каким бы ни был характер воспалительного процесса, в любом случае он служит дополнительным препятствием для экспансии возбудителей. Случается так, что патоген преодолевает этот барьер и в своем стремлении попасть в кровь (лимфу), чтобы с ними распространиться по организму, сталкивается с новым препятствием — регионарными лимфатическими узлами. В этих узлах, расположенных по ходу лимфатических сосудов, обитает множество макрофагов, способных поглощать содержащихся в лимфе «чужаков». Впрочем, и сама лимфа опасна для микробов: в ней содержатся вещества, обладающие антимикробной активностью, и вещества, стимулирующие фагоцитарную активность. Но так же, как и в субэпителиальной ткани, резидентные факторы лимфы и лимфатических узлов порой не могут уничтожить возбудителя. И тогда в лимфоузлах развивается воспалительный процесс. В первую очередь лимфаденит поражает близлежащие регионарные узлы [6–11].

Пубертатный период и гингивит. Известно, что в период полового созревания подростки очень часто страдают гингивитом. Объясняется это двумя причинами. Во-первых, в этом возрасте скачок роста сочетается с уменьшением массы лимфоидных органов, что автоматически влечет за собой уменьшение числа иммунокомпетентных клеток. А во-вторых, повышенная секреция половых гормонов (особенно андрогенов) вызывает подавление клеточного и стимуляцию гуморального звена иммунитета. В результате организм становится более уязвимым для действия инфекционных агентов, провоцирующих развитие гингивита, который может протекать в достаточно тяжелой форме. Повышенная секреция

половых гормонов — не единственная причина развития гингивита в пубертатном возрасте. Определенный вклад вносят изменения тонуса вегетативной нервной системы и сосудистая патология, возникающая в деснах при нарушении обмена кальция, полигиповитаминозах и расстройствах функции паращитовидных желез [1, 2, 7, 8, 9].

Паращитовидные железы, а вернее продуцируемый ими гормон — паратгормон, участвует в поддержании уровня кальция в крови на постоянном уровне. Поэтому расстройство функционирования этих желез автоматически влечет за собой нарушения множества жизненно важных физиологических процессов с участием ионов кальция — нервно-мышечного возбуждения, свертываемости крови, проницаемости клеточных мембран и т.п. [2; 7; 8; 9].

Пубертатный гингивит — заболевание полиэтиологическое, и как свидетельствует статистика, поражает оно от 51% до 100% детей и подростков. Нередко заболевание десен является одним из симптомов патологии внутренних органов и систем ребёнка, и в первую очередь патологии желудка и пищеварительной системы. И всё это на фоне полового созревания [2; 7–9].

Как правило, первые признаки заболевания — гиперемия десен, жжение, зуд в деснах — появляются ещё в предпубертатном периоде. Чаще всего гингивит проявляется в виде катарального или гипертрофического воспаления. Язвенное поражение десен встречается гораздо реже.

Катаральному гингивиту присуще генерализованное симметричное поражение десневого края фронтального участка верхней и нижней челюстей. При этом дети и подростки жалуются на неприятные ощущения в деснах и зуд, неприятный запах изо рта и нарушение вкуса, кровоточивость десен во время еды и чистки зубов. А обострение заболевания нередко сопровождается недомоганием и даже субфебрильной температурой. Отек десен способствует образованию десневых карманов и увеличению количества мягкого зубного налета. Порой из-за болезненности, кровоточивости десен дети и подростки перестают чистить зубы. Гигиена полости рта, естественно, ухудшается, а патологический процесс прогрессирует.

Исследования, проведенные сотрудниками кафедры стоматологии детского возраста ОНМедУ (Коваль Ю. Н., Цевух Л. Б., 2015) показали, что показатель гигиенического индекса ОНІ — S у детей и подростков, больных хроническим катаральным гингивитом, был достоверно выше ($p < 0,001$) относительно этого показателя у здоровых детей. Кроме этого, определена кровоточивость десен от $1,6 \pm 0,15$ до $1,9 \pm 0,13$ условных единиц, и при этом наблюдалась позитивная проба Шиллера-Писарева у всех больных от $1,6 \pm 0,11$ до $1,9 \pm 0,13$ условных единиц. Значения пародонтального индекса РМА в модификации Parma находились в пределах от $22,5\% \pm 1,05\%$ до $31,9\% \pm 2,2\%$. В то же время у здоровых детей индексы кровоточивости, пробы Шиллера Писарева, РМА были отрицательными. Показатель индекса РМА в группе больных детей был достоверно выше, чем в контрольной группе ($p < 0,05–0,001$). Выявлено так же, что у всех больных хроническим катаральным гингивитом наблюдается снижение стойкости капилляров десен к дозированному вакууму от 44% до 57%. Этот показатель

у больных катаральным гингивитом был достоверно снижен ($p < 0,001$) относительно этого же показателя у детей со здоровыми тканями пародонта.

Катаральный гингивит сопровождается нарушением ороговения эпителия, развитием паракератоза, явлениями акантоза и вакуольной дистрофии. В клетках шиповатого слоя эпителия возрастает содержание гликогена, а в области десневой борозды возникают очаговые инфильтраты, состоящие из лимфоидных клеток, гистиоцитов и сегментоядерных лейкоцитов.

Катаральное воспаление десны может перейти в пролиферативное воспаление, т.е. гипертрофический гингивит. Иногда эта форма заболевания развивается первично.

Обычно гипертрофический гингивит возникает уже в предпубертатном возрасте и затем усугубляется непосредственно в самом пубертатном периоде полового созревания подростка.

Первые признаки заболевания появляются в области резцов, клыков и премоляров нижней челюсти. Край десны, набухая, становится похож на красный валик. Гипертрофия десны возникает исключительно с вестибулярной стороны поверхности десны. При легкой степени заболевания гипертрофия десны не превышает трети длины коронки зуба, при средней степени — половины длины коронки, а при тяжелой форме гингивита гипертрофия десны достигает 2/3 длины коронки зуба. Значительное разрастание десны влечет за собой образование глубоких десневых карманов и появление серозно-геморрагического экссудата. Вершины гипертрофированных сосочков иногда могут некротизироваться или изъязвляться.

Так же, как катаральный, гипертрофический гингивит может сопровождаться различными нарушениями эпителия и соединительной ткани. Только при хроническом пролиферативном воспалении десны эти нарушения выражены гораздо сильнее.

Язвенный гингивит — наиболее тяжелая форма заболевания. В ротовой полости обычно обнаруживают большое содержание микробного мягкого налета и зубного камня. Сильная боль в деснах затрудняет речь и приём пищи. Язвы, некротический налёт на деснах, гиперсаливация, болезненные при пальпации, увеличенные подчелюстные лимфоузлы — всё это характерные признаки язвенного гингивита. Картину дополняет ухудшение общего состояния. Температура тела повышается до $37,5\text{--}39,0^\circ\text{C}$, может наблюдаться головная боль, боль в мышцах или суставах [2, 7–11].

Следуя широко известному высказыванию о том, что легче предотвратить болезнь, чем лечить уже развившееся заболевание, врачи уделяют большое внимание профилактике гингивита у детей и подростков, особенно в предпубертатном периоде пубертатного возраста.

В комплексе профилактических мер важную роль играют лечение основных заболеваний внутренних органов и систем ребёнка у специалистов необходимого профиля, консультации детского эндокринолога и санация полости рта 2–3 раза в год с последующими осмотрами у стоматолога детского. Специалисты рекомендуют начинать лечение гингивита с устранения местных раздражающих факто-

ров: некачественных пломб, зубных отложений, разрушенных зубов и их корней. Выбор метода лечения зависит от клинической формы гингивита.

Схема лечения катарального гингивита [2]:

1. Профессиональная гигиена полости рта.
2. Антибактериальная терапия (антисептики, препараты группы нитроимидазола).
3. Противовоспалительная терапия (антисептики, препараты группы нитроимидазола).
4. Физиотерапия.
5. Обучение методам индивидуального ухода за полостью рта, гигиенический контроль за их выполнением и рекомендации по выбору гигиенических средств.
6. Устранение местных предрасполагающих факторов (лечение кариеса, коррекция аномалий прикрепления мягких тканей преддверия полости рта и нарушений прикуса).
7. Поддерживающая терапия каждые 3–6 мес. (при упорном хроническом течении генерализованного катарального гингивита).
8. Консультация и лечение у педиатра или других специалистов (при длительном хроническом течении генерализованного катарального гингивита).

Схема лечения гранулирующей формы гипертрофического гингивита [2]:

1. Профессиональная гигиена полости рта.
2. Антибактериальная терапия (антисептики, препараты группы нитроимидазола).
3. Противовоспалительная терапия (средства растительного происхождения, НПВП).
4. Склерозирующая терапия (биогенные препараты, растительные и другие средства в зависимости от степени гипертрофии).
5. Физитерапия.
6. Обучение методам индивидуального ухода за полостью рта, гигиенический контроль за их выполнением и рекомендации по выбору гигиенических средств.
7. Устранение местных предрасполагающих факторов.
8. Поддерживающая терапия каждые 3–6 мес. (при генерализованном характере гипертрофического гингивита).
9. Консультация и лечения у детского гинеколога, психоневролога, эндокринолога, оториноларинголога и др. специалистов.

Схема лечения фиброзной формы гипертрофического гингивита [2]:

1. Профессиональная гигиена полости рта.
2. Антисептическая обработка полости рта.
3. Склерозирующая терапия.
4. Физиотерапия.
5. Обучение правилам рациональной гигиены полости рта.
6. Санация полости рта.
7. Ортодонтическое лечение (по показаниям).

Схема местного лечения острого язвенного гингивита [2]:

1. Обезболивание.
2. Механическое удаление некротизированных тканей (с использованием ферментных препаратов)
3. Антибактериальная терапия (препараты группы нитроимидазола, антисептики).
4. Противовоспалительная терапия (средства растительного происхождения, НПВП).
5. Стимуляция регенерации тканей (кератопластические средства).
6. Обучение методам индивидуального ухода за полостью рта, гигиенический контроль за их выполнением и рекомендации по выбору гигиенических средств.
7. Устранение местных предрасполагающих факторов.

Профилактика заключается в своевременной санации полости рта, рациональном гигиеническом уходе за ней, ликвидации аномалий прикуса, а также закаливании организма и лечении хронических общесоматических заболеваний.

Исходом гингивита у детей и подростков может быть ликвидация воспалительного процесса, его длительное хроническое течение и в более тяжелых случаях, особенно при наличии общесоматических заболеваний — переход в воспалительно — деструктивный процесс — генерализованный пародонтит.

References:

1. L'vova L. V. These various, different, different gingivitis. Stomatolog. 2001;5(37):4–9.
2. Khomenko L. A., Kisel'nikova L. P. Therapeutic stomatology of childhood. Kiev, Kniga-plyus; 2013:864.
3. Levitskiy A. P., Mizina I. K. Dental plaque. Kiev, Zdorov'ya; 1987. — p. 80.
4. Kodola N. A., Prudnikova A. P. Parodontopathos. — 1998. — p. 3–42.
5. Mlyanskiy A. N. Microbiology for doctors. Nizhniy Novgorod, Izd. NGMA; 1999. — p.392.
6. Danilevskiy N. F., Borisenko A. V. Periodontal disease. — Kiev, Zdorov'ya; 2000. — p. 464.
7. Persin L. S., Elizarova V. M., D'yakova S. V. Pediatric dentistry. — Moskva, Meditsina; 2003. — p. 640.
8. Mak-Donal'd R. E., Eyveri D. R. Dentistry of children and adolescents. Moskva, Meditsinskoe informatsionnoe agenstvo; 2003. — p. 766.
9. Vinogradova T. F., Ginali N. V., Topol'nitskiy O. V. Handbook of pediatric dentistry. — Moskva, MEDpress-inform; 2003. — p. 288.
10. Borovskogo E. V. Therapeutic stomatology. — Moskva, Meditsina; 2004. — p. 840.
11. Nikolishyn A. K. Therapeutic stomatology. Poltava, Dyvosvit; 2005. — p. 392.

12. Koval' Yu. M. Phytotherapy in the treatment of gingivitis at children and teenagers. — Abstract of dissertation for candidate of medical sciences. — Kiev. — 2001. — p. 24.

ИЗМЕНЕНИЯ СКОРОСТИ САЛИВАЦИИ И ВЯЗКОСТИ РОТОВОЙ ЖИДКОСТИ У ДЕТЕЙ В ДИНАМИКЕ ОРТОДОНТИЧЕСКОГО ЛЕЧЕНИЯ

Илона Ковач,

доктор медицинских наук,

ГУ "Днепропетровская медицинская академия МЗ Украины",

Марта Василишина,

главный врач городской поликлиники №1,

главный городской специалист по стоматологии г. Днепропетровска,

Яев Лавренюк,

аспирант кафедры детской стоматологии,

ГУ "Днепропетровская медицинская академия МЗ Украины"

Changes of speed of sialosis and viscosity of mouth liquid for children in dynamics of orthodontic treatment

Annotation. To determine the effectiveness of the application of the developed treatment-and-prophylactic complexes, we carried out a dental examination at 157 children with orthodontic pathology from 7 to 16 years. All the children who gave consent to participate in clinical trials, were distributed by age periods of occlusion: 7–11 years (temporary occlusion) and 12–16 years (permanent occlusion), as well as groups — primary and comparison. Patients of these groups was the removal of dental plaque and, if necessary, was carried out sanitation of the oral cavity. All patients of both groups the oral hygiene was carried out using a toothpaste "Parodontacs classic".

Analysis of the results shows that the viscosity of the oral fluid increased in children of all age groups. However, higher digital values of oral fluid were established in children with fixed orthodontic appliances and the lowest in children without orthodontic treatment. In addition, the viscosity of the oral fluid differs also depending on the age of the child.

Application of the proposed treatment-and-prophylactic complex including mucosal gel "Phitolizocim", multiprobitics "Apibact" and calcium drug "Calcium citrate with vitamin D", stimulates the functional activity of the salivary glands, significantly improving mineralizing, protective and cleansing functions of oral fluid and provides a balance of physiological processes in the oral cavity.

Keywords: orthodontic, children, oral liquid, salivation, viscosity oral liquid, hard tooth tissues, periodontal tissues, treatment-and-prophylactic complex.

Актуальность. Значительную роль в развитии кариеса зубов и воспаление в тканях пародонта играет ротовая жидкость, которая объединяет внешние и внутренние факторы патогенеза этих заболеваний [1]. При этом одним из важных факторов, определяющих резистентность твердых тканей зубов и десен к поражению, является состав и свойства слюны. Стабильность ее физических свойств, таких, как вязкость и скорость слюноотделения, является необходимым условием для нормального функционирования органов и тканей полости рта [2]. Поэтому своевременное выявление качественных изменений в ротовой жидкости, особенно у детей с ортодонтическими аппаратами в полости рта, позволяет вовремя устранить эти изменения и дает возможность поиска новых путей решения этой проблемы для стабилизации основных показателей ротовой жидкости [3].

Цель нашего исследования. Изучение вязкости ротовой жидкости и скорости ее выделения у детей в динамике применения разработанных лечебно-профилактических комплексов во время ортодонтического лечения.

Материал и методы исследования. С целью определения эффективности применения разработанных лечебно-профилактических комплексов нами было проведено стоматологическое обследование у 157 детей с ортодонтической патологией от 7 до 16 лет. Все дети были распределены по возрастным периодам прикуса: 7–11 лет (временный прикус) и 12–16 лет (постоянный прикус), а также на группы — основную и сравнения. Пациенты основной группы были разделены на 2 подгруппы и получали два варианта лечения: I (съёмная ортодонтическая аппаратура) — гигиена полости рта + зубной эликсир “Гранатовый” + мукозальный гель “Фитолизоцим” + мультипробиотик “Апибакт”; II (несъёмная ортодонтическая аппаратура) — гигиена полости рта + зубной эликсир “Гранатовый” + мукозальный гель “Фитолизоцим” + мультипробиотик “Апибакт” + препарат кальция “Цитрат кальция с витамином D”. Группа сравнения кроме гигиены полости рта применяла зубной эликсир “Санодент”.

Скорость слюноотделения устанавливали путем измерения стимулированной ротовой жидкости, собранной в течение 5-ти минут в градуированные мензурки. Скорость саливации определяли по формуле $v_c = V/t$, где V — объём слюны, t — время. Единицы измерения скорости слюноотделения — мл/мин. Вязкость ротовой жидкости определяли с помощью вискозиметра Оствальда трехкратно через 2–3 часа после приёма пищи и рассчитывали по формуле $\Delta_x = \Delta_o t_x / t_o$, где Δ_x — вязкость нестимулированной ротовой жидкости; Δ_o — относительная вязкость воды при данной температуре; t_x — время истечения слюны; t_o — время истечения воды. Забор ротовой жидкости производили по методике, предложенной В. К. Леонтьевым и Ю. А. Петровичем [4].

Результаты исследования и их обсуждение. Изменения показателей вязкости ротовой жидкости у детей 7–11 и 12–16 лет с зубочелюстными аномалиями и с разной ортодонтической аппаратурой в полости рта показаны на рисунках 1–2. Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что вязкость ротовой жидкости повышена у детей всех возрастных групп. Однако более высокие цифровые значения этого показателя ротовой жидкости были установлены у детей с несъёмной ортодонтической техникой и наименьшие — у детей без ортодонтического лечения. Кроме того, вязкость ротовой жидкости отличается также в зависимости от возраста ребенка. Так, в начале наблюдения у детей 7–11 лет средний показатель вязкости в группе сравнения составил $2,52 \pm 0,13$ СП, а в 12–16 лет он составлял — $2,69 \pm 0,14$ СП. Исходные данные в основных группах 7–11-летних детей с ортодонтическими конструкциями до лечения составляли $2,55 \pm 0,13$ СП — у детей со съёмной техникой и $2,56 \pm 0,13$ СП — у детей с несъёмной аппаратурой. После лечения первым способом, который предусматривал кроме местного применения гигиенического эликсира “Гранатовый” использование мукозального геля “Фитолизоцим” и мультипробиотика “Апибакт”, он стал равняться $2,12 \pm 0,11$ СП. После лечения вторым способом, который отличался от первого дополнительным приемом препарата “Цитрат кальция с вита-

мином Д", показатель вязкости составил $2,11 \pm 0,11$ СП, что в 1,2 раза ниже исходных данных.

Подобная тенденция была установлена у детей в период постоянного прикуса (12–16 лет), снижение показателя вязкости в зависимости от способа лечения было в 1,2–1,3 раза. Так, цифровые значения изучаемого показателя за год после лечения составляли $2,22 \pm 0,11$ СП в группе детей со съемной ортодонтической аппаратурой, в которой применяли мукозальный гель и мультипробиотик, и $2,21 \pm 0,12$ СП в группе детей с несъемной техникой, в которой использовали еще и препарат кальция. При этом, все полученные результаты в основных группах в конце наблюдений были достоверно ниже по сравнению с исходными данными ($p < 0,05$). Однако в группе сравнения снижение показателей вязкости ротовой жидкости было незначительным в течение всего срока исследования ($p < 0,05$).

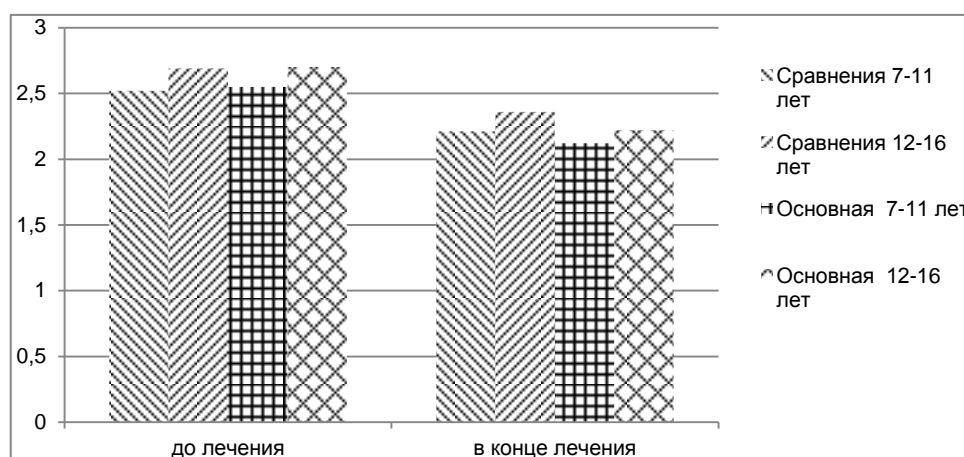

Рис. 1. Динамика изменений вязкости ротовой жидкости у детей во время ортодонтического лечения съемными аппаратами

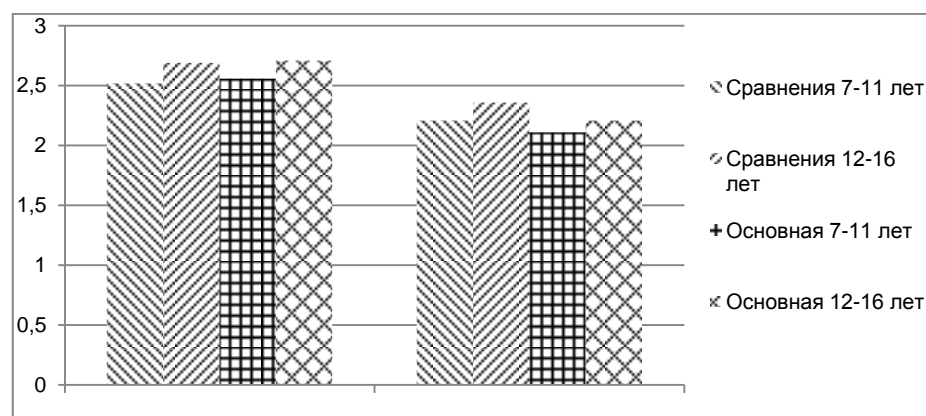

Рис. 2. Динамика изменений вязкости ротовой жидкости у детей во время ортодонтического лечения несъемными конструкциями

При изучении показателей вязкости ротовой жидкости у детей с ортодонтической патологией и различными видами ортодонтической техники, установлено, что наиболее высокие значения этого показателя определены у детей с несъемной ортодонтической аппаратурой в полости рта, а наименьшие цифровые значения вязкости ротовой жидкости установлены у детей без ортодонтических конструкций, что еще раз доказывает негативное влияние ортодонтической техники на состав и свойства ротовой жидкости. При этом результат лечения зависит от выбранного лечебно-профилактического комплекса. Как свидетельствуют данные, представленные на рисунках 1 и 2 показатель вязкости ротовой жидкости достоверно снизился у детей основных групп после применения первого и второго методов лечения у детей с несъемной и съемной ортодонтической аппаратурой в полости рта.

Однако, применение разработанного комплекса, в состав которого входят мукозальный гель, кальцийсодержащий препарат и мультипробиотик, привело к наилучшим результатам по уменьшению вязкости ротовой жидкости у детей с несъемной ортодонтической техникой в ротовой полости.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что у детей, которые имеют поражения твердых тканей зубов и тканей пародонта, возникших на фоне ортодонтического лечения, показатель вязкости ротовой жидкости остается на достаточно высоком уровне и логично предположить, что это может быть существенным фактором, провоцирующим кариесогенную ситуацию в полости рта и приводит к воспалению десен в полости рта. В то же время у детей групп сравнения вязкость ротовой жидкости после проведенной коррекции местными средствами несколько снизилась, по нашему мнению, благодаря высоким очистительным свойствам цетавлону, который входит в состав зубного ополаскивателя "Санодент".

Ротовая жидкость, ее состав и свойства имеют важное значение для обеспечения процессов минерализации твердых тканей зубов и нормального состояния тканей пародонта. Вместе с тем, на процессы слюнообразования и слюноотделения влияют множество различных факторов, в том числе и ортодонтические патологии и ортодонтические конструкции из различных материалов, и именно поэтому функция слюноотделения очень лабильная. Поэтому при сопоставлении средних величин скорости слюноотделения у детей обеих возрастных групп с кариесом зубов и воспалением десен, которые возникали во время ортодонтического лечения, наименьшая скорость слюнообразования и слюноотделения наблюдалась у детей с несъемными ортодонтическими конструкциями. При этом цифровые значения этого показателя зависели и от возраста ребенка (рис. 3–4).

Так, исходное значение скорости слюноотделения в группе сравнения у 7–11-летних детей в среднем составляло $0,32 \pm 0,016$ мл/мин., а в 12–16-летнем возрасте этот показатель равнялся $0,37 \pm 0,019$ мл/мин. Результаты исследований скорости слюноотделения при проведении лечебно-профилактических мероприятий у детей 7–11 лет представлены на рисунке 3.

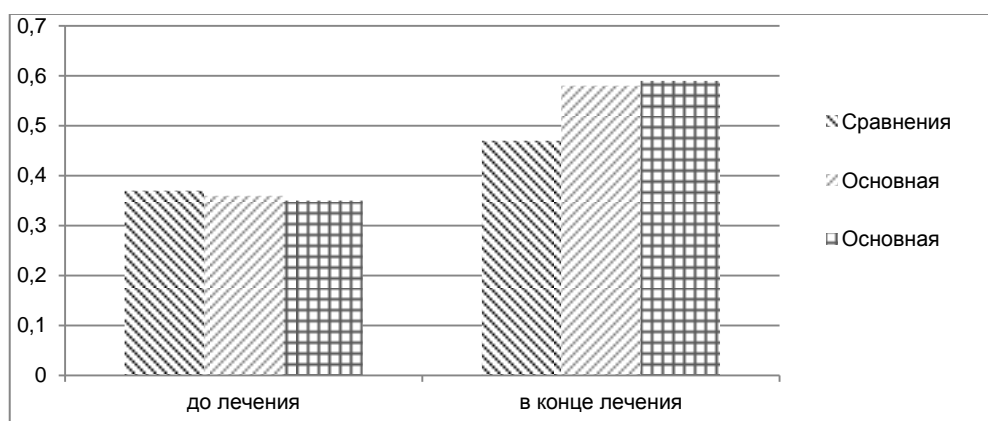

Рис. 3. Динамика изменений скорости слюноотделения у детей 7–11 лет на фоне ортодонтического лечения

Приведенные данные свидетельствуют о том, что у детей всех исследуемых групп при первичном обследовании установлено явление гипосаливации. Местное применение гигиенического эликсира "Санодент" и проведения профессиональной гигиены полости рта в группах сравнения привело к незначительному повышению слюноотделения у детей с зубочелюстными аномалиями. Так у 7–11-летних детей он составил $0,41 \pm 0,021$ мл/мин, а у 12–16-летних — $0,47 \pm 0,024$ мл/мин через год после проведенного лечения. Гораздо более существенное повышение скорости слюноотделения у детей 7–11 лет возникло под влиянием разработанных нами лечебно-профилактических комплексов. Так, в основных группах наблюдения уровень секреции увеличился в 1,6 раза у детей этой возрастной группы, которые имеют пластиночные ортодонтические аппараты и применяли зубной эликсир "Гранатовый", мукозальный гель "Фитолизозим" и мультипробиотик "Апибакт". Такая же тенденция изменения скорости слюноотделения была установлена и у детей с несъемной ортодонтической техникой, где значение этого показателя увеличилось в 1,7 раза после проведенного лечения, которое отличалось от предыдущего способа дополнительным использованием препарата кальция. Кроме того подобное повышение скорости слюнообразования и слюноотделения установлено и в другой возрастной группе детей. Несмотря на снижение скорости слюноотделения в основных группах после лечения, значение этого показателя соответствовали оптимальному уровню секреции и достоверно превышало такие в группах сравнения на всех этапах исследования ($p < 0,05$).

Анализ данных исследования показал, что скорость слюноотделения у детей с поражением твердых тканей зубов и тканей пародонта основных групп наблюдения зависит от вида ортодонтических конструкций. Согласно полученным данным установлено, что скорость слюноотделения у детей 12–16 лет увеличивается в результате лечения в 1,3–1,7 раза. При этом при лечении вторым методом скорость слюноотделения достоверно увеличивалась у детей на фоне ортодонтического лечения (рис. 4).

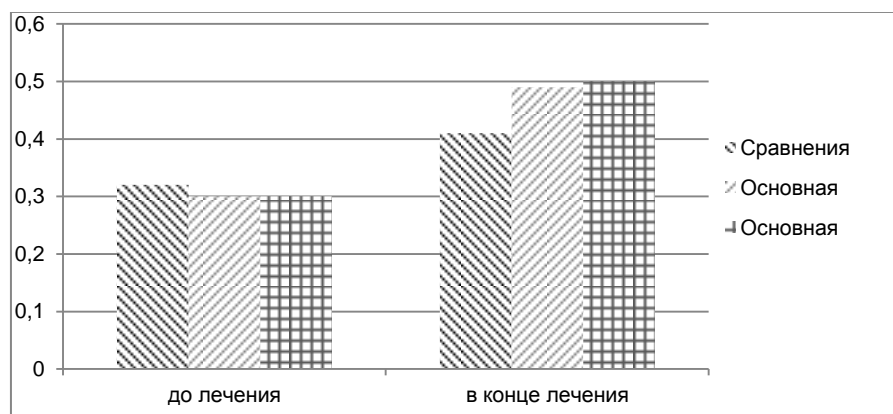

Рис. 4. Динамика изменений скорости слюноотделения у детей 12–16 лет на фоне ортодонтического лечения

Выводы. Установлено, что повышенная вязкость ротовой жидкости на фоне пониженной скорости ее отделения у детей, имеющих зубочелюстные аномалии развития и различные ортодонтические аппараты в ротовой полости, способны значительно ухудшить ее минерализующую, защитную и очищающую функции, что может привести, в свою очередь, к созданию кариесогенной ситуации в полости рта и увеличению риска поражения твердых тканей зубов и тканей пародонта. Согласно приведенным выше данным можно утверждать, что на фоне ортодонтического лечения происходит изменение состава и свойств ротовой жидкости.

В то же время, можно предположить, что курсовое применение предложенных лечебно-профилактических комплексов, включающих в себя мукозальный гель "Фитолизосим", мультипробиотик "Апибакт" и кальцийсодержащий препарат "Цитрат кальция с витамином D", стимулирует функциональную активность слюнных желез, значительно улучшая минерализующую, защитную и очищающую функции ротовой жидкости и обеспечивает равновесие физиологических процессов в полости рта.

References

1. Kankanyan A. P., Leont'ev V. K. Illnesses of paradontium : new approaches in etiology, pathogeny, prophylaxis and treatment / A. Kankanyan. — Er.: Tigran Mets., 2000. — 360 p.
2. Tsepov L. M., Orekhova L. Yu., Nikolaev A. I., Mikheev E. A. Factors of local resistance and immunological reactivity of cavity of mouth. Methods of their clinic-laboratory estimation (review of literature). / L. M. Tsepov // Parodontologiya. 2005. — 3(36). P. 3–9.
3. Den'ga O. V. Frequency Dependence of Electric Impedance of oral liquid — as an indicator of her mineralizing function at children. / O. Den'ga // Visnik stomatologii. 1997. — 4. — P. 507–510.

4. Leont'ev V. K., Petrovich Yu. A. Biochemical methods of research in clinical and experimental stomatology: / V. Leont'ev, Metod. posobie. Omsk. — 1976. — 93 p.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ СПОСОБА ФИКСАЦИИ ЧАСТИЧНЫХ СЪЕМНЫХ ПРОТЕЗОВ НА СОСТОЯНИЕ ТКАНЕЙ ПАРОДОНТА У ЛИЦ ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА С СОХРАНЕНИЕМ ОДИНОЧНЫХ ЗУБОВ НА ЧЕЛЮСТЯХ

Анна Захарова,
кандидат медицинских наук,
Виталий Пашкевич,
Елена Терещук,

Национальный медицинский университет им. А. А. Богомольца

The comparative clinical estimation of the influence of the method of fixation of the partial removable dentures upon the periodontal tissues in patients of gerontologic age with preservation of solitary teeth at jaws

Annotation. The work covers the clinical problem of the planning of the orthopedic treatment with partial removable dentures in patients of gerontologic age with preservation of solitary teeth on oral cavity. The choice of the mechanical holders plays very important role not only for the firm fixation of the removable dentures in oral cavity, but also influence the duration of support teeth functioning. At present the different holders of removable dentures are used, but the clam fixation remains the most widely spread one. The significant disadvantage of the use of the mentioned fixation at solitary teeth preservation is the overloading of its periodontium. The alternative method of the replacement of edentulous spaces at solitary teeth preservation at jaws is the application of the covering constructions of removable dentures, supported by alveolar appendages and roots of support teeth, used for the fixation of locks (attachments).

The use of the covering constructions of the laminar dentures with the fixation on intra-coronary spherical attachments is the most predictably favorable for the preservation of periodontal tissues, than the clam fixation, and is more preferable at solitary teeth preservation in oral cavity.

Keywords: gerontologic age, removable dentures, support teeth, clam fixation.

В условиях современного мира в промышленно развитых странах прослеживается общая тенденция к старению популяции населения и увеличению численности лиц пожилого возраста [1, 2]. В Украине эта медико-социальная проблема также актуальна. Несмотря на развитие современных стоматологических технологий, с возрастом увеличивается количество утраченных зубов. Так, если в среднем среди взрослого населения Украины нуждаемость в съемном протезировании имеет около 30% лиц, в возрастной категории от 65 лет и старше этот показатель достигает 90% [3, 4]. Наиболее значительный объем потери зубов у лиц пожилого возраста происходит вследствие заболеваний пародонта, часто приводя к образованию дефектов зубных рядов значительной величины, вплоть до полной потери зубов. Удельный вес лиц, имеющих большие дефекты зубных рядов (отсутствие более 6 зубов на челюсти), среди пожилых людей составляет до 78,65–82,55% [5, 6, 7].

Конструирование протезов при субтотальных дефектах, когда на челюстях сохраняются лишь единичные зубы, является сложной клинической проблемой. Крепление на одиночных опорных зубах не обеспечивает надежной фиксации и стабилизации протезов и приводит к значительной функциональной перегрузке тканей пародонта [8]. Наиболее рациональным способом замещения подобных дефектов является использование ортопедических конструкций с опорой на внутрикостные имплантаты, установка которых позволяет создать эффективную механическую фиксацию съемных протезов или даже изготовить более удобные для пациента несъемные конструкции [9,10, 16,17]. Однако возможность протезирования с опорой на имплантаты не является общедоступной из-за высокой стоимости лечения, а также ограничивается рядом общих и местных противопоказаний. У многих лиц геронтологического возраста проведение имплантации невозможно из-за общесоматических заболеваний или неблагоприятных клинических условий в полости рта, в частности значительной атрофии костной ткани челюстей [18]. Поэтому самым распространенным видом ортопедических конструкций, используемых в случаях сохранения одиночных зубов остаются частичные съемные пластинчатые протезы (ЧСП). Протокол лечения и планирования конструкции в значительной степени обуславливается состоянием тканей пародонта, а также зависит от того, на какую челюсть изготавливается протез [11]. Наиболее часто используемой конструкцией в этом случае является частичный съемный пластинчатый протез с удерживающими кламмерами. Доказано, что точечная кламмерная фиксация на одиночных зубах приводит к значительной перегрузке тканей пародонта, в связи с действием не физиологичных по направлению трансверсальных сил. Наиболее проблема выражена в случаях, когда потеря зубов произошла на фоне генерализованных форм патологии пародонта. У этой категории пациентов наблюдаются крайне неудовлетворительные условия анатомической ретенции. Вследствие воспалительных и дистрофических процессов в костной ткани атрофия альвеолярных отростков челюстей достигает значительного степени, что приводит к уменьшению площади протезного ложа и отсутствия надежного противодействия горизонтальным компонентам жевательной нагрузки. Атрофия стенок альвеол оставшихся зубов снижает выносливость тканей пародонта и в случае использования для размещения фиксирующих элементов протеза приводит к быстрой их потере [12]. Также к недостаткам протезов с кламмерной фиксацией следует отнести неудовлетворительную эстетику. Актуальной тенденцией в ортопедической стоматологии является использование так называемых покрывных конструкций съемных протезов [13]. Это разновидность пластинчатых ЧСП, базис которых полностью перекрывает и имеющиеся на челюсти зубы, и альвеолярные отростки с вестибулярной и орального сторон. К преимуществам покрывных конструкций перед обычными кламмерными ЧСП относят: надежную фиксацию за счет как механических креплений так и функциональной присасываемости (границы базиса конструируются как в полных съемных протезах), равномерное распределение жевательного давления на ткани протезного ложа и более физиологическое вертикальное направление нагрузки опорных зубов, эстетический вид при отсутствии видимых эле-

ментов крепления. Развитие высокоточных технологий дает возможность улучшить качество протезирования за счет использования в покрывных протезах современных видов креплений, в частности замковых, балочных и телескопических систем [14,15].

Цель исследования. Изучить влияние способа фиксации частичных съемных протезов на состояние тканей пародонта у пациентов геронтологического возраста с субтотальными дефектами зубных рядов и сохранением одиночных зубов на челюстях. Провести сравнительную клиническую оценку динамики атрофических изменений пародонта опорных зубов у пациентов, пользующихся съемными протезами с кламмерной фиксацией и съемными покрывными протезами с фиксацией на интракоронарных сферических замковых креплениях (атачменах).

Материалы и методы. Проведено обследование и ортопедическое лечение из 30 человек в возрасте 65–80 лет с большими дефектами зубных рядов и сохранением на челюстях одиночных (1–3) зубов, с атрофией костной ткани альвеол не выше первой степени, или без атрофии. Были применены общеклинические методы обследования, а также прицельная дентальная рентгенография и компьютерная томография для оценки состояния костной ткани в области опорных зубов. Пациенты были разделены на две клинические группы: 14 человек, которым изготовлены покрывные протезы с фиксацией на сферических атачменах составили основную группу; 16 человек, протезированных классическими ЧСП с кламмерной фиксацией, вошли в контрольную группу. Пациенты находились под диспансерным наблюдением в течение трех лет после изготовления съемных протезов. После комплексного клинического обследования и оценки состояния пародонта опорных зубов пациентам контрольной группы для замещения дефектов зубных рядов были изготовлены частичные съемные пластинчатые протезы с литым комбинированным базисом и литыми удерживающими кламмерами. Опорные зубы перед изготовлением съемных протезов при наличии соответствующих показаний (дефекты твердых тканей, недостаточно выраженный экватор, низкая клиническая коронка) предварительно покрывались искусственными коронками (у 9 (56%) пациентов). В 7 (44%) человек с интактными и устойчивыми зубами правильной анатомической формы, искусственные коронки не использовались. Пациентам основной клинической группы были изготовлены покрывные протезы с пластмассовым базисом и фиксацией с помощью сферических полулабильных замковых креплений VKS-OC Uni (Варио Кугель Снап) фирмы Bredent, расположенных интракоронарно на штифтовых вкладках. Границы базиса покрывных протезов конструировали как при полной адентии. Жесткость пластмассовых матриц креплений выбирали в зависимости от податливости слизистой оболочки и состояния пародонта опорных зубов. При значительной податливости слизистой оболочки протезного ложа и / или атрофии пародонта использовали матрицы низкой, при умеренно и малоподатливой слизистой и отсутствии атрофии в пародонте — средней степени жесткости. Для замковой фиксации на опорные зубы подвергали эндодонтическому лечению и укорачивали до уровня 2 мм над десневым краем. Корневые каналы зубов препари-

ровались под цельнолитые штифтовые вкладки согласно общепринятых требований. Внутрикорневые вкладки использовались для размещения патричной части замкового крепления, которая размещалась в наддесневой части в проекции центра корня. Матричная часть замкового крепления устанавливалась в базисе съемного протеза (рис. 1).

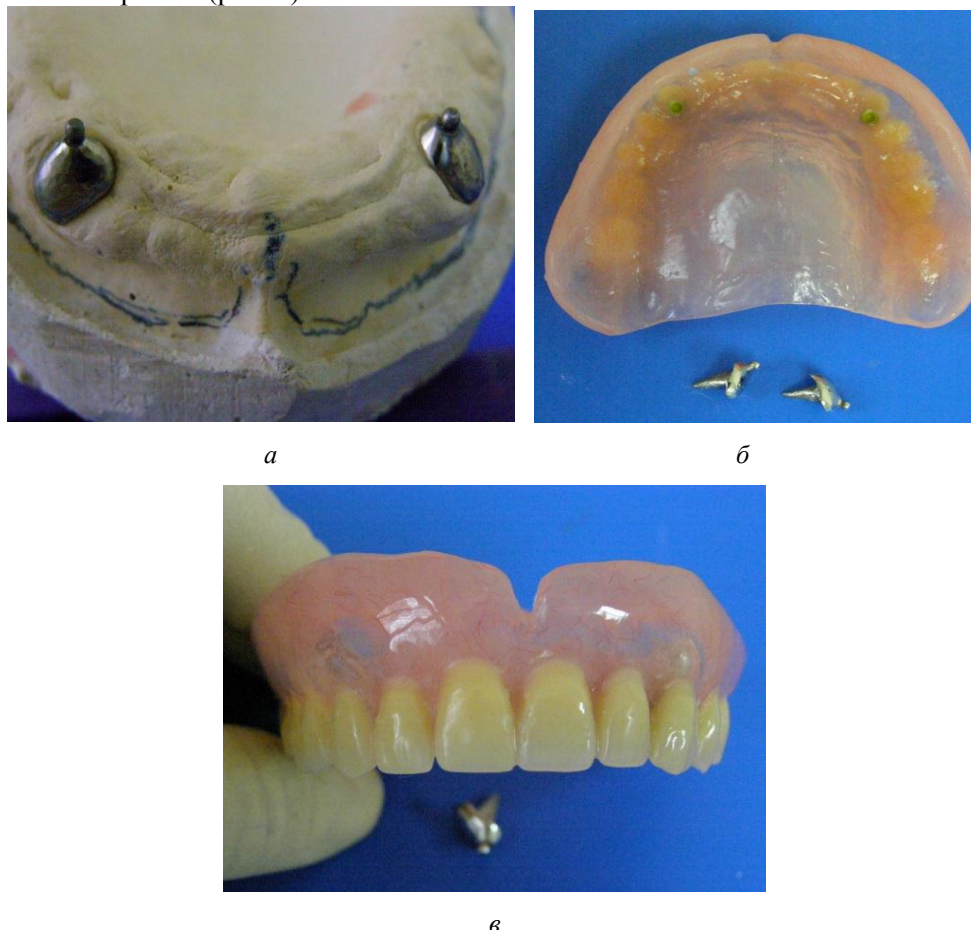

Рис.1 покрывной пластинчатый протез для верхней челюсти с опорой на корни 13 и 23 зубов и фиксацией на сферический атачменах VKS-OC Uni (Bredent)
 а — внутрикорневые штифтовые вкладки с патричными частями замковых креплений на рабочей модели;
 б — внутренняя поверхность базиса съемного протеза с матричными частями замковых креплений и литые штифтовые внутрикорневые вкладки с патричными частями замковых креплений
 в — общий вид покрывного протеза

Результаты исследования и их обсуждение. В основной группе 6 (42,86%) человек имели дефект на верхней, 8 (57,14%) — на нижней челюсти; из них с сохранением на челюсти трех зубов — 2 (14,29%), двух зубов — 9 (64,29%), од-

ного зуба — 3 (21,43%) человека. В области 15 (55,56%) опорных зубов не выявлено атрофии альвеолярных стенок, в 12 (44,44%) случаях присутствовала атрофия 1 степени. В контрольной группе 7 (43,75%) человек имели дефект на верхней, 9 (56,25%) — на нижней челюсти; из них с сохранением на челюсти трех зубов — у 2 (12,5%), двух — 9 (56,25%), одного — в 5 (31,25%) человек. Из общего числа опорных зубов атрофии альвеолярных стенок не имели 18 (62,07%), атрофия 1 степени обнаружена в области 11 (37,93%) зубов. На момент начала протезирования у лиц обеих групп отсутствовали клинические проявления воспаления тканей пародонта.

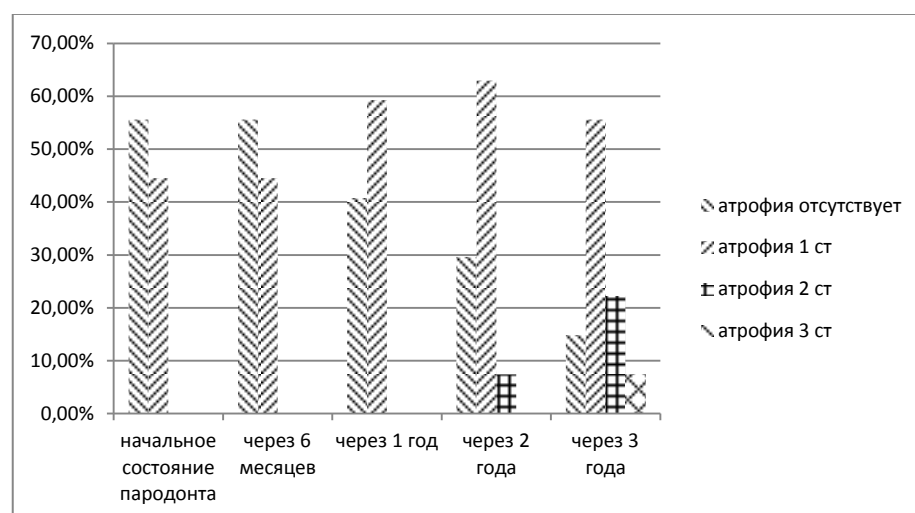
Результаты исследования и их обсуждение. Клиническую оценку результатов ортопедического лечения проводили через 6 месяцев, 1, 2 и 3 года по таким параметрам как наличие воспаления тканей маргинального пародонта, динамика атрофии костной ткани в области опорных зубов и их утрата вследствие расшатывания на протяжении срока пользования протезами.

Через 6 месяцев после протезирования у лиц основной группы клинических изменений состояния тканей пародонта опорных зубов сравнительно с состоянием до протезирования не обнаружено; в контрольной группе количество зубов с атрофией костной ткани 1 степени увеличилась с 11 (37,93%) до 14 (48,28%).

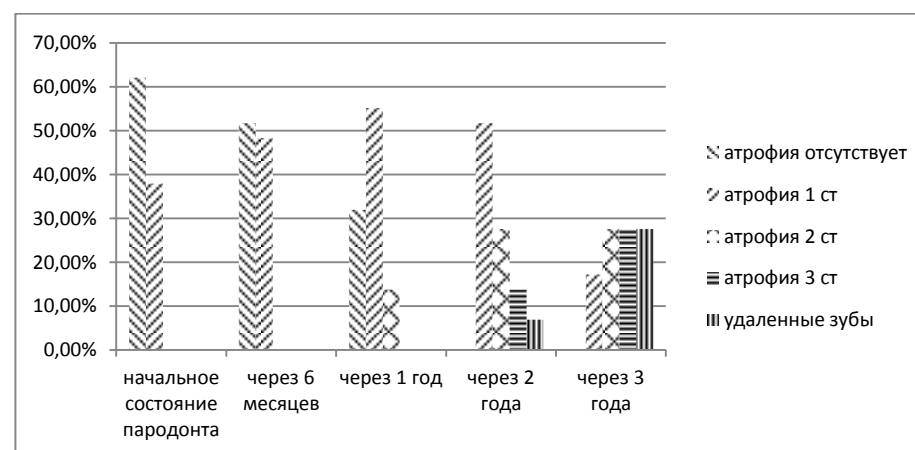
Через 1 год в основной группе выявлено, что количество зубов с атрофией костной ткани 1 степени увеличилась с 12 (44,44%) до 15 (55,56%). В контрольной группе количество зубов с атрофией 1 степени увеличилась с 14 (48,28%) до 16 (55,17%), в области 4 (13,79%) опорных зубов выявлена атрофия второй степени.

Через 2 года после протезирования в основной группе выявлена атрофия первой степени в области 15 (55,56%), второй степени — в области 2 (7,41%) опорных зубов. В области 10 (37,04%) зубов атрофии альвеолярного отростка не выявлено. В контрольной группе в течение второго года пользования протезами с кламмерной фиксацией 2 (6,90%) зуба были удалены из-за значительной подвижности. Атрофия альвеолярных стенок выявлена в области всех сохранившихся опорных зубов: в 15 (51,72%) случаях — 1 степени, 2 степени — у 8 (27,59%) случаях, 3 степени — у 4 (13,79%) случаях.

Через 3 года в основной группе без атрофии альвеолярной кости в области корней остались 4 (14,81%) опорных зуба, с первой степенью атрофии — 15 (55,56%), со второй степенью — 6 (22,22%), с третьей степенью — 2 (7,41%) зуба. Удаления опорных зубов у пациентов основной группы в течение третьего года пользования протезами с замковым креплением не отмечено. В контрольной группе, у пациентов пользовавшихся протезами с кламмерной фиксацией, в течение третьего года количество утраченных опорных зубов увеличилось еще на 6 (20,68%), атрофия первой степени выявлена у 5 (17,24%), второй степени — у 8 (27,59%), третьей степени — у 8 (27,59%) зубов (рис. 2).

а — основная группа (лица, протезированные покрывными протезами с замковой фиксацией)

*б — контрольная группа (лица, протезированные протезами с кламмерной фиксацией).
Рис. 2 Динамика изменения уровня альвеолярной кости в области опорных зубов в пациентов основной и контрольной групп*

Исходя из результатов клинического наблюдения установлено, что у лиц контрольной группы, пользовавшихся ЧСП с кламмерной фиксацией, атрофические изменения тканей пародонта опорных зубов развивались более быстро, и имели более тяжелую степень, чем у лиц основной группы, пользовавшихся покрывными протезами с фиксацией на атачменах. В течение рекомендованного трехлетнего срока пользования протезами с кламмерной фиксацией у пациентов контрольной группы было удалено 8 (27,59 %) опорных зубов; также в конце

этого срока в области еще 8 (27,59 %) зубов атрофия альвеолярных стенок достигла третьей степени, что сделало невозможным их дальнейшее использование для фиксации любых ортопедических конструкций. У лиц основной группы, где для фиксации протезов использовались сферические атачмены, случаев утраты опорных зубов не отмечено; в конце трехлетнего срока также обнаружены зубы с третьей степенью атрофии альвеолярных стенок, но количество таких зубов меньше, чем у лиц контрольной группы — 2 (7,41 %) случая (против 8 (27,59 %) случаев в контрольной группе). Это может быть объяснено тем, что применение покрывной конструкции протезов уменьшает действие трансверзального компонента жевательной нагрузки на опорные зубы. Использование для фиксации протезов атачменов, расположенных интракоронарно в проекции корней, обеспечивает более физиологическое распределение жевательного давления на опорный зуб, чем в случае использования кламмеров.

Выводы. Основываясь на исследовании изменения состояния тканей пародонта опорных зубов в течение трехлетнего срока пользования покрывными протезами с опорой на корни зубов и фиксации на сферических атачменах и традиционными ЧСП с удерживающими кламмерами установлено, что использование первого типа протезов является более целесообразным и прогностически благоприятным для сохранения опорных зубов. Расположение замкового крепления в проекции центра корня и перекрытие корней базисом способствует физиологическому распределению жевательного давления и уменьшению трансверзальной перегрузки пародонта. Конструирование базисов с полными границами позволяет улучшить фиксацию протезов также за счет функционального присасывания, отсутствие видимых извне частей механических креплений создает более эстетический вид протезов.

References:

1. Knyazevich V. M., Golubchikov M. V., Pavlenko O. V. et al. The stomatological aid in Ukraine / V. M. Knyazevich — Kiev: Polimed. 2009. — 43 p.
2. Bednenko A. V., Novikova E. N., Grigor'yan M. F. The life quality of elderly patients as both medical and social problem / A. V. Bednenko // Rossiyskiy semeynyy vrach. — 2011. — T. 15, № 4. — P. 74–75.
3. Kuz' V. S. The estimation of the demographic situation in Ukraine and Poltava region for the determination of the needs of the population in removable dentures at partial and total loss of teeth / V. S. Kuz' // The urgent problems of medicine today: Visnyk Ukrainskoi medychnoi stomatologichnoi akademii (Herald of Ukrainian Medical Stomatological Academy). — 2015. — T. 15, 1 (49). — P. 20–23.
4. Kulakov A. A., Maksimovskiy Yu. M. The organization of medical and social stomatological aid for elderly and old patients. The state of the problem in whole / A. A. Kulakov // Stomatologiya. — 2010. — № 5. — P. 43–44.
5. Protsenko A. S., Svistunova E. G. The need of elderly people in stomatological aid taking into consideration the state of their maxillo-dental system and somatic state / A. S. Protsenko // Molodoy uchenyy. — 2011. — T. 2, № 11 (34) — P. 188–190.

6. Ryzhak G. A., Iordanishvili A. K., Soldatov E. E. et. al. The diseases of masticatory apparatus in elderly and old age / G. A. Ryzhak // Rossiyskiy semeynyy vrach. — 2011. — T. 15, № 4. — P. 70–71.
7. Iordanishvili A. K., Soldatov S. V., Soldatova L. N. et. al. The stomatological state of elderly and old patients / A. K. Iordanishvili // Uspekhi gerontologii. — 2010. — T. 23, № 4. — P. 644–651.
8. Iordanishvili A. K., Veretenko E. A., Soldatenko L. N. et. al. The influence of the method of fixation of complete removable dentures upon the effectiveness of use and psycho-physiological state of elderly and old patients / A. K. Iordanishvili // Institut stomatologii. — 2014. — № 4 (65). — P. 28–34.
9. Kalenchuk V. V., Pol'oviy P. V. The rational methods of treatment of secondary adentia in patients with unfavorable clinical and anatomical changes / V. V. Kalenchuk // Aktual'ni problemy suchasnoi' medycyny: Visnyk Ukrai'ns'koi' medychnoi' stomatologichnoi' akademii'. — 2009. — T. 9, Vol. 4. — P. 216–217.
10. Kozak R. V., Korol' D. M., Kindij D. D. The comparative characteristics of the different methods of prosthetics at distally unlimited edentulous spaces (literary review) / R. V. Kozak // Visnyk problem biologii' i medycyny. — 2015. — Vol. 2, T. 2 (119). — P. 114–117.
11. Dzhepson N. The partial removable dentures / Dzhepson N. — M. : MEDpressinform, 2006. — 168 p.
12. Khorkhordin S. A., Al'bert E. L., Obukhov M. I., Yalovoy I. L. The substantiation of the construction of the combined clammer for the fixation of partial removable laminar denture of upper jaw at solitary tooth / S. A. Khorkhordin // Aktual'ni problemy suchasnoi' medycyny: Visnyk Ukrai'ns'koi' medychnoi' stomatologichnoi' akademii'. — 2009. — T. 9, Vol. 4. — P. 197–199.
13. Lebedenko I. Yu., Peregodov A. B., Glebova T. E., Lebedenko A. I. The telescopic and lock fixtures of dentures / I. Yu. Lebedenko. — M.: Molodaya gvardiya, 2005. — 336 p.
14. Myul'khoyzer A. The lightened telescopic restorations. The constructions of lock fixtures by “Bredent”. Theory and practice / A. Myul'khoyzer — M. : «Meditsinskaya pressa», 2006. — 160 p.
15. Perevezentsev A. P. Constructions of the lock fastening of firm Bredent. Theory and practice / A. P. Perevezentsev — M. : MEDpressinform, 2004. — 272 p.
16. Müller F., Duvernay E., Loup A. et al. Implant-supported mandibular overdentures in very old adults: A randomized controlled trial / F. Müller // J. Dent. Research. — 2013. — Vol. 92. — P. 154–160
17. Van Assche N., Michels S., Quirynen M., Naert I. Extra short dental implants supporting an overdenture in the edentulous maxilla: a proof of concept / N. Van Assche // Clin. Oral Implants Res. — 2012. — Vol. 23, N 5. — P. 567–576.
18. de Souza R. F., Ribeiro A. B., Della Vecchia M. P. et al. Mini vs. standard implants for mandibular overdentures: A randomized trial / R. F. de Souza, // J. Dent. Research. — 2015. — Vol. 94. — P. 1376–1384.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ МИКРОКАПИЛЛЯРНОГО РУСЛА ДЕСНЫ В ПРОЦЕССЕ ЛЕЧЕНИЯ МНОГОФОРМНОЙ ЭКССУДАТИВНОЙ ЭРИТЕМЫ

Виктория Почтарь,

кандидат медицинских наук,

Эдуард Деньга,

кандидат физико-математических наук,

Станислав Шнайдер,

доктор медицинских наук,

ГУ «Институт стоматологии

Национальной академии медицинских наук Украины»

Functional state of micro-capillary bed of gums during multiform exudative erythema.

Annotation. In the scientific literature there is practically no quantitative information on the impact of exudative erythema multiforme on the functional state of micro-capillary bed of oral tissues. The aim of this work was the quantitative assessment of functional status of micro-capillary gums bed of patients in the treatment and prevention of exudative erythema multiforme complications.

The study involved 47 patients of different ages with a diagnosis of exudative erythema multiforme. Patients of the main group with a reduced immune response in addition to basic therapy received prophylactic complex includes interferon and solkoseril, and patients with increased immune reactivity in addition to basic therapy received a set that included prednisolone and solkoseril, an elixir "Lizomukoid" and mucosal gel "Kvertulin". State of micro capillary bed gums of patients by change of the blood flow under the influence of regulated chewing load was evaluated spectrophotometrically.

Results indicate that application of differentiated preventive and therapeutic complexes in patients with varying reactivity with exudative erythema multiforme improves the functional state of the microcapillary bed gums, disturbed in its initial state.

Keywords: exudative erythema multiforme, therapeutic and preventive complex, microcapillary bed gums, functional state.

Многоформная экссудативная эритема (МЭЭ) представляет собой острое воспалительное заболевание слизистых оболочек, в том числе в полости рта, характеризующееся полиморфизмом элементов поражения. МЭЭ характеризуется острым началом и длительным рецидивирующим течением. Источником сенсибилизации и обострения МЭЭ являются очаги хронической инфекции, снижение реактивности организма вследствие гиповитаминоза, переохлаждения, вирусных инфекций, стрессов [1].

В научной литературе приводится информация об оценке при МЭЭ эффективности различных препаратов, обладающих антивирусной и иммунорегуляторной активностью [2–5]. При этом в литературе практически отсутствует количественная информация о влиянии МЭЭ на функциональное состояние микрокапиллярного русла тканей полости рта, барьерную защиту тканей полости рта от проникновения в них различных микроорганизмов.

Целью данной работы была количественная оценка функционального состояния микрокапиллярного русла десны пациентов в процессе лечения и профилактики осложнений МЭЭ.

Материалы и методы. Было обследовано 47 пациентов различного возраста с диагнозом МЭЭ, из которых были составлены 2 группы пациентов со сниженными иммунными реакциями (группа сравнения — 12 чел., основная группа — 12 чел.) и 2 группы пациентов с повышенной иммунной реактивностью (группа сравнения — 11 чел., основная группа — 12 чел.). Пациенты группы сравнения получали только базовую терапию, включавшую в себя энтеросорбенты (энтеросгель), антигистаминные препараты (лоратадин), десенсибилизирующие препараты (глюконат кальция), капилляропротекторы (аскорутин) и местно обезболивающие, антисептические и протеолитические препараты. При выраженных явлениях интоксикации (средней степени тяжести заболевания) назначали дополнительно реосорбилакт 200мл в/в №3, и тиосульфат натрия 30% — 10мл в/в №3.

Пациенты основных групп со сниженной иммунной реакцией дополнительно к базовой терапии получали профилактический комплекс, включавший интерферон и солкосерил по схеме в виде инъекций в течение 10 дней, а пациенты с повышенной иммунной реактивностью дополнительно к базовой терапии получали комплекс, включавший преднизолон (30мг в сутки 1,5 месяца, каждую неделю уменьшая на 5мг) и солкосерил, а также эликсир «Лизомукоид» и мукозальный гель «Квертулин».

Спектроколориметрические исследования состояния микрокапиллярного русла десны по его реакции на регламентированную жевательную нагрузку были проведены по методу [6].

Результаты и их обсуждение. Спектроколориметрические методы исследования тканей пародонта позволяют оценить на различных этапах лечения МЭЭ в полости рта состояние микрокапиллярного русла десны, возникновение и вид функциональной гиперемии под действием регламентированной жевательной нагрузки (ЖН), которая определяется состоянием клеток организма и их способностью реагировать на факторы воздействия, состоянием капилляров, тонусом сосудов, адекватной вазомоторной реакцией. Метод основан на том, что кровоток в десне составляет 70 % от общего кровообмена тканей пародонта и определяет цветовые характеристики десны. В случае интактного пародонта ЖН всегда вызывает гиперемию, которая заключается в увеличении на определенное время кровенаполнения артериальной и венозной части микрокапиллярного русла. При этом наблюдается, как правило, высокая концентрация в крови оксигемоглобина и отсутствие метгемоглобина. При наличии различных воспалительных процессов в тканях пародонта, в том числе и скрытых, кровообмен в капиллярном русле под действием жевательной нагрузки, как правило, уменьшается и зависит от степени воспаления. Все оптические и цветовые параметры десны при этом фиксируются в координатах цвета и в виде спектрального распределения коэффициента отражения света ею [6].

В таблице 1 представлены результаты изменения цветовых координат десен под действием жевательной нагрузки пациентов со сниженной реактивностью организма в процессе лечения, получавших кроме базовой терапии лечебно-профилактический комплекс интерферон+солкосерил.

Таблица 1

Цветовые координаты X, Y, Z слизистой десны до и после жевательной нагрузки у пациентов с многоформной экссудативной эритемой в процессе лечения (интерферон+солкосерил), $M \pm m$

Сроки наблюдения			Группа сравнения n=12	Основная группа n=12
Исходное состояние	До ЖН	X	16,1±0,9	16,0±0,9
		Y	14,3±0,8	14,0±0,9
		Z	14,5±0,9	14,1±0,9
	После ЖН	X	9,8±0,8	10,1±0,9
		Y	9,1±0,7	9,4±0,7
		Z	9,2±0,6	9,4±0,8
Через 1 месяц после лечения	До ЖН	X	16,3±0,7	17,4±0,7
		Y	14,7±0,7	15,5±0,7
		Z	14,2±0,8	15,3±0,8
	После ЖН	X	10,2±0,6	15,1±0,7
		Y	9,0±0,7	14,5±0,6
		Z	8,0±, 06	14,4±0,6

П р и м е ч а н и е : показатель достоверности отличия изменений цветных координат десны после ЖН в основной группе от группы сравнения $p > 0,1$ в исходном состоянии и $p < 0,006-0,001$ через 1 месяц после лечения.

Проведенные в исходном состоянии исследования реакции микрокапиллярного русла десен на жевательную нагрузку пациентов с МЭЭ основной группы и группы сравнения показали, что в большинстве случаев у них наблюдалось спазмирование и артериальной (координата X), и венозной (координата Z) части капиллярного русла, уменьшение кровотока и уменьшение цветовых координат XYZ десны под действием регламентированной жевательной нагрузки (ЖН), что свидетельствовало о нарушениях в данном случае его функциональных реакций [7].

Проведенные лечебно-профилактические мероприятия с использованием базовой терапии и лечебно-профилактического комплекса интерферон+солкосерил привело в основной группе пациентов со сниженной реактивностью к улучшению функционального состояния микрокапиллярного русла слизистой десен. Наблюдавшееся спазмирование микрокапиллярного русла слизистой десен на жевательную нагрузку, которая имела место у них в начальном состоянии, практически исчезла (табл. 1). Кроме того, в спектре отражения света десной у большинства пациентов исчез минимум на 500 нм, связанный с наличи-

ем метгемоглобина в крови и более четким стал минимум на 575 нм, связанный с увеличением в крови концентрации оксигемоглобина.

В табл. 2 представлены результаты изменения цветовых координат десен под действием жевательной нагрузки пациентов с МЭЭ с повышенной реактивностью организма в процессе лечения, получавших кроме базовой терапии лечебно-профилактический комплекс преднизолон+солкосерил.

И в этом случае, несмотря на несколько больший чем в группе со сниженной реактивностью кровотоков капилляров в исходном состоянии, у большинства пациентов также наблюдалось спазмирование капиллярного русла на регламентированную жевательную нагрузку (ЖН), что свидетельствовало о нарушениях и в этом случае функциональных реакций связанных с ним (табл. 2). Проведенные лечебно-профилактические мероприятия с использованием базовой терапии и лечебно-профилактического комплекса преднизолон+солкосерил привело в основной группе пациентов с повышенной реактивностью практически к ликвидации спазмирования капилляров слизистой десен на жевательную нагрузку, которая имела место у них в начальном состоянии.

Таблица 2

Цветовые координаты X, Y, Z слизистой десны до и после жевательной нагрузки у пациентов с многоформной экссудативной эритемой в процессе лечения (преднизолон+солкосерил), $M \pm m$

Сроки наблюдения			Группа сравнения n=11	Основная группа n=12
Исходное состояние	До ЖН	X	17,3±0,9	17,4±0,9
		Y	15,3±0,8	15,5±0,9
		Z	15,5±0,9	15,8±0,9
	После ЖН	X	10,2±0,8	10,5±0,9
		Y	10,0±0,7	10,3±0,7
		Z	10,1±0,6	10,4±0,8
Через 1 месяц после лечения	До ЖН	X	17,2±0,7	16,7±0,7
		Y	15,2±0,7	14,9±0,7
		Z	15,1±0,8	14,8±0,8
	После ЖН	X	11,2±0,6	15,1±0,7
		Y	10,1±0,7	14,5±0,6
		Z	10,2±0,6	14,4±0,6

П р и м е ч а н и е : показатель достоверности отличия изменений цветных координат десны после ЖН в основной группе от группы сравнения $p > 0,1$ в исходном состоянии и $p < 0,006-0,001$ через 1 месяц после лечения

Таким образом проведенные исследования показали, что и в случае сниженной, и в случае повышенной реактивности организма пациентов с МЭЭ функциональные реакции в микрокапиллярном русле десны нарушены, о чем свидетельствует спазмирование капилляров при воздействии регламентированной жевательной нагрузки. В тоже время применение в обеих основных группах пациентов с МЭЭ комплексной терапии, включающей препарат «Солкосерил» в сочета-

нии с препаратами «Интерферон» и «Преднизолон» привело в обеих группах наблюдения к определенной нормализации реакции капилляров на нефизиологическую нагрузку. В группах сравнения получавших только базовую терапию подобных изменений не наблюдалось.

Выводы. Полученные результаты спектроколориметрической оценки реакции микрокапиллярного русла десны и тканей парадонтана регламентированную жевательную нагрузку у пациентов с МЭЭ с различной иммунологической реактивностью свидетельствуют о том, что дифференцированное применение лечебно-профилактических комплексов с использованием как противовирусных, иммунорегуляторных, так и десенсибилизирующих, противовоспалительных и восстанавливающих функцию кровеносных сосудов препаратов улучшает при этом состояние микрокапиллярного русла десны, заключающееся в практически исчезновении процесса спазмирования их под действием жевательной нагрузки, имевшего место в исходном состоянии.

References:

1. Eurolab. Retrieved from: <http://www.eurolab.ua/diseases/2397/>
2. Sokolova T. M., Shuvalov A. N., Poloskov V. V., Ershov F. I. Stimulation of signal transduction genes by drugs "Radostin" "Tsikloferon" and "Ingavirin". *Citokiny i vospalenie*. 2015; V. 14 (2):26–34.
3. Sorokina E. V., Ahmatova N. K., Shodova S. A. The impact of proteflazid on the expression of TLRs by mononuclear leukocytes of peripheral blood cells, mucous membranes and skin of patients with herpes-associated exudative erythema multiforme and by centrifugal annulare Dar'e erythema. 2014. — p. 28–31.
4. Azam V. V. Treatment of patients with exudative erythema multiforme associated with herpesvirus infection. — 2005. — №3. — p. 61–63.
5. Zabyshnyj A. A. Treatment of exudative erythema multiforme with different clinical manifestations in the oral mucosa during childhood. Dissertation for candidate of medical sciences. Donetsk, 2007. — p. 140.
6. Den'ga O. V., Den'ga E. M., Den'ga A. E. Patent №47096, Ukraine, MPK A61N 5/00, A61K 8/00, u2009 09529. Method of assessment of functional status of micro capillary bed mucous gums; publ. 11.01.10. Bul. № 1.
7. Danilevskij N. F., Den'ga E. M. Effect of chewing load carried by chewing gum "Orbit" sugar-free to blood supply of the periodontal tissues of children. *Visnyk stomatologiyi*. 1997. — №1. — p. 91–98.

МЕНЕДЖМЕНТ В СТОМАТОЛОГИИ В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Олег Савчук,

*Национальная медицинская академия последипломного образования
имени П. Л. Шупика*

Management in dentistry in the new economic conditions

Annotation. *Solution of the problem of adaptation of the dentistry to the new economic conditions depends largely on the implementation of the new economic mechanism and training managers for dental services. To scientifically substantiate the priority directions of development of management in dentistry in the new economic environment.*

The priorities of management organization in dentistry in the new economic conditions in the new economic conditions were substantiated on the basis of a systematic approach and system analysis with using information-analytical method. The information bases for its formulation were scientific works specialists in the organization and management of health and the results of their research.

Outpatient dental institutions are central, crucial problems of dental health. To adapt them to the new economic conditions prompted two strategic direction of management. The first — the formation of a new economic mechanism and a gradual transition to the classical management. Second — improving of intellectual component in management in dentistry and organization of modern human resources of managers.

Keywords: *management, dentistry, new economic conditions.*

Вступление. Актуальность исследования обусловлена тем, что результаты объективного анализа ситуации в стоматологии свидетельствуют о снижении качества и доступности стоматологической помощи [3]. Преодолеть эту сложную проблему можно только при условии оптимизации управления системой стоматологического обслуживания. В ее решении одно из приоритетных направлений — подготовка менеджерского персонала стоматологических учреждений [1]. По мнению ведущих американских специалистов, менеджмент — это не управление предметами, а организация и управление трудом людей, это система ежедневного и перспективного планирования, прогнозирования и организации производства, реализация услуг с целью получения максимальной прибыли (материальной, интеллектуальной и духовной) [6, 7].

Менеджмент в здравоохранении — это деятельность, направленная на повышение эффективности с помощью совокупности принципов, методов и средств, активизирующих трудовую деятельность, интеллект и мотивы поведения, как отдельных медицинских работников, так и всего коллектива [4].

По утверждению классика менеджмента Питера Друкера: «редко, если вообще когда-либо, какой-нибудь новый основанный институт так быстро доказывал свою необходимость, как развивался менеджмент с начала нынешнего столетия» [2].

Решение проблем стоматологии во многом зависит от обновления руководящих кадров, в стоматологические учреждения должны прийти амбициозные, подготовленные по вопросам управления, экономики, рынка, стоматологи — ру-

ководители, которые сдвинули бы с мертвой точки топчущуюся на месте государственную систему производства стоматологических услуг.

Цель исследования. Обосновать приоритетные направления менеджмента в стоматологии в новых экономических условиях.

Материалы и методы исследования. Приоритетные направления организации менеджмента в стоматологии в новых экономических условиях обоснованы на базе системного подхода и анализа с использованием информационно-аналитического метода. Информационной базой для их формирования выступили научные труды специалистов по организации и управлению здравоохранением и результаты собственных исследований.

Результаты исследования. Амбулаторно-поликлинические стоматологические учреждения продолжают на сегодня оставаться центральным звеном в бурно развивающейся системе стоматологической помощи. Именно они, в первую очередь, решают проблемы стоматологического здоровья населения.

Наши исследования показали, что для решения проблемы сохранения стоматологического здоровья населения необходима реформа государственных стоматологических амбулаторно-поликлинических учреждений, при этом организация и управление стоматологическими учреждениями должны быть подчинены экономическим целям и сформирован новый хозяйственный механизм на основе государственно — частного партнерства.

Таким образом, для стоматологических учреждений с новым хозяйственным механизмом необходима программа по внедрению идеологии менеджмента в систему производства стоматологических услуг, как наиболее эффективная система управления.

В основу программы предлагается включить два взаимосвязанных стратегических направления идеологии менеджмента.

Направление первое: формирование и использование в управлении приоритетных экономических отношений, постепенный переход от интуитивных, опытно-прагматических методов управления к действительно научно-обоснованным методам и формам классического менеджмента.

Направление второе: повышение интеллектуальной составляющей управленцев в стоматологии и формирование качественно нового кадрового ресурса менеджеров.

Первое стратегическое направление — выдвигает перед органами управления стоматологическим сектором регионального и муниципального уровня, главными специалистами по стоматологии и учеными вузов ряд требующих решения задач:

- проведение анализа работы стоматологических учреждений разных форм собственности и условий их деятельности, в том числе оценки демографической сегментации рынка стоматологических услуг и анализа статистических форм отчетности стоматологических учреждений;
- изменение структуры хозяйственного механизма управления амбулаторно-поликлинической стоматологической помощью с учетом рыночной экономики;

- разработка оптимальной стратегии и тактики ценообразования в государственных и муниципальных стоматологических учреждениях для современных рыночных условий;

- применение системно-ситуационных методов и процессорного подхода в управлении деятельностью учреждений стоматологического профиля;

- проведение анализа формирования штатных расписаний, принципов оплаты труда, подготовки и повышения квалификации медицинского персонала;

- формирование уровня квалификации специалистов, соответствующего бренду стоматологического учреждения;

- разработка системы материальных и моральных стимулов для персонала, создание оптимального климата в коллективе, выбор методов и стиля руководства;

- формирование стабильного потока пациентов и налаживание работы с ними. Оптимизация процесса взаимодействия с пациентами стоматологического учреждения, т.к. пациент стоматологической поликлиники является основным инвестором ее развития.

Менеджмент, как современная концепция управления, как процесс планирования, организации, приведения в действие и контроля необходимых для эффективного выполнения задач, характеризуется еще и возможностью выбора в зависимости от производственной ситуации, что позволяет находить конкретные и реальные пути и методы руководства.

В связи с этим, роль руководителя стоматологического учреждения, работающего в рыночных условиях, с точки зрения идеологии менеджмента, должна определяться:

- появлением рынка рабочей силы, товаров, услуг и т. д., которые будут продаваться и покупаться;

- необходимостью взаимодействия с рыночными структурами;

- умением представить систему охраны стоматологического здоровья перед местными органами власти, которые должны определять объемы многоканального финансирования учреждения;

- ответственностью за достижение конкретных запланированных результатов деятельности учреждения и за эффективное использование ресурсов.

Менеджеру также необходимо владеть научно-обоснованными методами и формами классического менеджмента. Как пример, можно привести ситуационный и целевой подход. Ситуационный подход в управлении обеспечивает внутреннее построение системы управления и является ответом на воздействия внешней среды. В условиях ситуационного подхода формы, методы, системы, стиль руководства должны существенно варьировать в зависимости от объективных условий организационного контекста. Целевой подход служит основой стратегического управления и планирования, предполагает выбор, обоснование и реализацию четких и конкретных долгосрочных или краткосрочных целей, которые выступают как ориентиры для руководства стоматологическим учреждением. Таким образом, каждый руководитель, независимо от его мощности, должен будет обладать перечисленными и многими другими навыками менеджмента.

Второе стратегическое направление — воспитание качественно нового кадрового ресурса менеджеров.

В кабинетах многих опытных менеджеров висят плакаты со словами Анри Файоля: "Управлять — значит прогнозировать и планировать, организовывать, руководить командой, координировать и контролировать". В этих словах одного из основоположников научного менеджмента сформулированы основные функции управления, которые необходимо знать и уметь применять современному менеджеру [5].

Путь к повышению эффективности системы стоматологической помощи проходит через улучшение качества менеджмента. С этой целью для стоматологического сектора должна быть сформирована современная программа обучения и переподготовки управленческих кадров.

Решение данной задачи требует компетентного профессорского — преподавательского состава, сформированного из представителей высшей школы менеджмента. Они должны иметь медицинское и бизнес-образование и опыт работы с программами для руководителей. Такой состав преподавателей будет способен подготовить менеджеров, как по классической теории управления, так и менеджменту, маркетингу, экономике, праву, информационным технологиям; менеджеров — опирающихся на научно-обоснованные методы управления, а не только на интуицию и практический опыт.

Функционирование системы подготовки менеджеров и использования этих кадров в практическом здравоохранении позволит осуществить перевод стоматологического сектора здравоохранения из бюджетной структуры государства в современную отрасль, адекватно встроенную в рынок стоматологических услуг.

Таким образом, в формировании менеджмента в здравоохранении необходим системный подход, в основе которого должна лежать идея декомпозиции и интеграции системы, при анализе взаимосвязей организации с внешней средой и принятии управленческих решений, обеспечивающих комплексный подход к ее функционированию и получению желаемого результата с учетом совокупного воздействия внешних и внутренних факторов.

Применение системного подхода в менеджменте позволяет увидеть организацию в единстве составляющих ее частей, которые неразрывно связаны с внешней средой. При этом необходимо иметь в виду, что системный подход — это способ по отношению к организации и управлению, полагающий руководителю лучше понять организацию и более эффективно достичь ее целей. При этом включая два взаимосвязанных стратегических направления идеологии менеджмента в процесс функционирования, осуществляется преобразование системы. Происходит эффективное преобразование ресурсов образуется добавочная стоимость выходов по отношению к входам, в результате чего формируются дополнительные выходы: увеличиваются продажи, формируется прибыль, увеличивается доля рынка, реализуется социальная ответственность организации, удовлетворяются потребности сотрудников, обеспечивается рост организации и т.д.

Декомпозиция системы, реализуемая в рамках системного подхода, является основным способом, позволяющим проникнуть в существо конкретного объекта,

проблемы, не нарушая комплексного подхода при формировании управленческих решений. Системный подход позволяет учитывать взаимосвязи между элементами системы (то есть организации) и конкретными факторами внешней среды в их взаимосвязи. Декомпозиция и структуризация системы, ее подсистем и элементов в сочетании с интеграцией оценки последствий принимаемых решений являются главными инструментами системного подхода при формировании менеджмента.

Выводы. В заключение, можно сделать вывод, что одним из приоритетных направлений организации государственных стоматологических учреждений в новых экономических условиях является формирование нового хозяйственного механизма в стоматологических учреждениях и подготовка для них современных руководителей, обладающих алгоритмом мышления предпринимателей, необходимым объемом знаний и практических навыков менеджеров и хорошо знающих специфику своего бизнеса.

Наши исследования показали, что для этого необходимо разработать программу внедрения идеологии менеджмента в систему производства стоматологических услуг как конструктивную концепцию управления.

References

1. Vesnin V. R. The principles of management / V. R. Vesnin. — M.: ООО Izdatel'stvo Elit, 2004. — 560 p.
2. Druker P. Management. The challenges of the 21st century: Transl. from English. / P. Druker. — M.: Izdatel'skiy dom "Vil'yame", 2004. — 432 p.
3. Kosenko K. N., Reyzvikh O. E. The state of the stomatological aid in Ukraine / K. N. Kosenko // *Ekonomika i Menedzhment v Stomatologii*. — 2012. — № 2 (37). — P. 57–61.
4. Gerasimenko N., Starodubov V. I., Shchepin O. P. Public health and health protection. The national guidance / N. Gerasimenko. — Moskva, Izdatel'skaya gruppa «GEOTAR-Media» — 2014. — 624 p.
5. Orlov A. I. Management: Manual / A. I. Orlov — M.: "Izumrud", 2003. — 87 p.
6. Conrad D., Lee R., Milgrom P., Huebner C. Determinants of general dentists' decisions to accept capitation payment: a conceptual model and empirical estimates / D. Conrad / *Community Dentistry and Oral Epidemiology*. — 2010. — V. 37, №3. — P. 189–198.
7. Holmes R. D., Donaldson C., Exley C., Steele J. G. Managing resources in NHS dentistry: the views of decision-makers in primary care organisations / R. D. Holmes // *British Dental Journal*. — 2008. — №205. — P. 231–235.

ТЕХНИКА ПРИЕМА ПИЩИ ПРИ ЗАБОЛЕВАНИЯХ ВИСОЧНО-НИЖНЕЧЕЛЮСТНОГО СУСТАВА

Константин Семенов,

кандидат медицинских наук,

ГУ «Днепропетровская медицинская академия»

Министерства здравоохранения Украины

Food intake technique in the context of diseases of the temporomandibular joint

Annotation. The lower jaw bone is moved by masseter muscles, thus it may be overloaded due to the uneven distribution of a masticating pressure in the jaw bone when there is a violation of occlusive interrelations between teeth of upper and lower jaw bones. In which case a certain stereotype of chewing food and joining of teeth in the dental arch is formed. This leads to microtraumas of temporomandibular joint elements and its functional disorders.

We recommend to apply a special technique for oral food intake to decrease the pressure on temporomandibular joint elements.

Keywords: the temporomandibular joint, food intake technique.

В последние годы возросло количество пациентов с заболеваниями височно-нижнечелюстного сустава (ВНЧС). Интерес у специалистов к этой патологии остаётся довольно высоким, т.к. многие аспекты данной проблемы до настоящего времени остаются спорными и недостаточно изученными. Наиболее частой патологией ВНЧС являются артриты, артрозы и мышечно-суставная дисфункция [Тимофеев А. А., Максимча С. В., Новинский В. П. 2012, Маргунская В. А., Людчик Т. Б. 2012]. [6, 7, 8, 9].

Возникновение нарушений в ВНЧС редко происходит внезапно, за исключением острой травмы (удар в околосуставную область, падение на подбородок, резкое максимальное открытие рта). Существует определенная зависимость хронической перегрузки группы мышц при вынужденном одностороннем жевании, патологическом прикусе, частичной вторичной адентии, длительном термине прорезывания зубов мудрости. В результате на рабочей стороне возникает гипертрофия мышц, приводящая к стойкой дисфункции сустава. Основными симптомами при этом могут быть щелканье в ВНЧС, заклинивание при движении нижней челюсти, усталость мышц при жевании, невозможность откусывания, нарушение в смыкании зубов, артралгия [Аболмасов Н. Г., Рябоконь Е. Н., 2006; Й. Иде, Наказава К., Хватова В. А., 2001, Шувалов С. М., Силин А. В., Мирза Р. А., 2013; Михеева И. В. 2012; Wang Y. Edwin, Fleisher A. Kenneth, 2008]. [5, 9].

Заболевания височно-нижнечелюстного сустава в наше время становятся достаточно распространенными. Изменения в структурах височно-нижнечелюстного сустава (ВНЧС) чаще всего связаны с индивидуальными особенностями строения зубочелюстного аппарата. При глотании, когда рефлексивно сокращаются жевательные мышцы и смыкаются поверхности зубов, траектория движения нижней челюсти зависит от положения зубов в зубном ряду и их соотношении друг с другом. [1, 4]

Движением нижней челюсти управляют жевательные мышцы, которые могут быть перегружены за счет неравномерного распределения жевательного давления в челюсти при нарушении целостности зубного ряда. При этом будет формироваться определенный стереотип пережевывания пищи и смыкания зубов в зубном ряду, которые приведут к микротравмам элементов височно-нижнечелюстного сустава. Учитывая, что височно-нижнечелюстной сустав является парный и синхронно работающим, изменения с одной стороны в зубном ряду обязательно отразятся на работу элементов височно-нижнечелюстного сустава с противоположной стороны. [1, 4, 5]

Нами в эксперименте на лабораторных животных был смоделирован окклюзионных травматический артрит.

Материалом экспериментального исследования служили 10 половозрелых беспородных восьмимесячных крыс — самцов. Перед началом эксперимента животные были распределены на 2 группы — основную и контрольную.

Основную группу составили 5 крыс, у которых моделировали окклюзионный артрит ВНЧС.

При этом вначале под общим обезболиванием производили раскрытие и фиксацию полости рта. Ногтевыми кусачками с одной стороны (левой) скусывали передние резцы верхней и нижней челюстей, отступая от режущего края 3 мм, и нарушали целостность щечных бугров первого моляра нижней челюсти одноименной стороны. В течение последующих двух недель крысы находились на жестком корме, который включал преимущественно твердые сорта злаковых культур растений. В конце первой недели, в связи с восстановлением центрального резца нижней челюсти, осуществляли повторное скусывание режущего края, высотой 2 мм.

Через 14 дней крысы были выведены из эксперимента

Забой животных осуществляли путем декапитации под эфирным наркозом в соответствии с «Методическими рекомендациями по выведению животных из эксперимента»: Богомолов А. Ф., Лукьянов И. Ю., Горбачева Л. Р.; "Ивановский государственный университет". — 2005 г., эксперимент проводили в одно и то же время суток — 10 часов утра.

Для последующего морфологического исследования брались костно-мышечные блоки из области ВНЧС поврежденной стороны (*1 группа исследования*), а также из области интактного ВНЧС (*2 группа наблюдений*).

В контрольную группу (3 группа) вошли 5 здоровых особей, без макроскопических признаков патологических изменений ВНЧС. Диета животных этой группы соответствовала стандартному корму крысы соответствующего пола и возраста.

Для патоморфологического изучения выделялись височно-нижнечелюстные суставы с прилежащими мягкими тканями слева и справа.

Гистологическое исследование.

Кусочки мягких тканей ВНЧС фиксировали в 10 % растворе нейтрального формалина. После фиксации материал промывали, обезвоживали в серии спиртов растущей концентрации, проводили через хлороформ и заливали в парафин

[Волков О. В., Елецкий Ю. К., 1982]. Срезы ткани толщиной 7–8 мкм готовили на ротационном микротоме, размещали на стекле, красили гематоксилином и эозином, а также по Ван-Гизону, заливали в канадский бальзам.

Комплексы височно-нижнечелюстных суставов и прилежащих мягких тканей декальцинировали в жидкости Эбнера. По окончании декальцинации кусочки на несколько дней переносили в ежедневно сменяемый 12–15% раствор поваренной соли, в дальнейшем промывали в проточной воде 24–28 часов (Г. А. Меркулов 1969)

Гистологические препараты изучались при увеличении $\times 10$, $\times 40$ с помощью микроскопа Primo Star 5, комплектация 5 (Carl Zeiss, ФРГ), с последующим фотографированием микроскопических изображений.

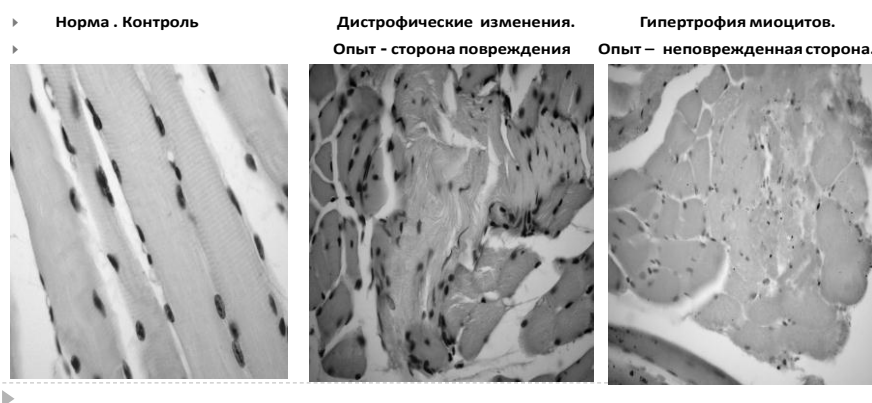
Изучение макро — и микроскопических особенностей жевательной мышцы проводили в экспериментальной группе и в группе контроля.

Осмотр околосуставных мягких тканей невооруженным глазом, не позволил выявить заметных различий в материале опытной и контрольной групп слева.

Использование лупы позволило выявить некоторую неравномерность.

При микроскопическом исследовании гистологических препаратов мягких тканей животных были выявлены следующие изменения:

Структурное изменение жевательной мышцы

На препаратах, окрашенных гематоксилином и эозином в группе контроля (жевательная мышца в норме) отчетливо заметна поперечная исчерченность, возникающая в результате чередования темных и светлых дисков волокна. Многочисленные уплощенные ядра располагаются под клеточной сарколеммой через более или менее постоянные интервалы. Они входят в состав миосимпластической части мышечного волокна. Ядра волокон своим максимальным диаметром ориентированы вдоль мышц. При увеличении $\times 40$, особенно на продольном разрезе мышечных волокон, наряду с ядрами миосимпласта выявляются более мел-

кие овальные ядра миосателлитоцитов, прилежащие снаружи к сарколемме миосимпласта. Центр миосимпласта образует саркоплазма с многочисленными органеллами и включениями. На поперечном срезе обычно в поле зрения попадают единичные ядра миосимпласта, как правило, находящиеся на периферии саркоплазмы, вблизи клеточной мембраны (сарколеммы). Ядра мышечных волокон овоидной формы, довольно светлые, содержат 1–2 ядрышка.

На стороне повреждения целостности зубного ряда, где животное не пережевывало пищу, в жевательной мышце — обнаруживали мелкие очаги дистрофии. На продольных срезах регистрировались участки фрагментации мышечных волокон. Отдельные миоциты были увеличены в размерах, цитоплазма нередко содержала розоватого цвета белковые гранулы.

На неповрежденной стороне, где в основном происходило пережевывание пищи у крыс экспериментальной группы, в собственно жевательной мышце отмечали гипертрофию мышечных волокон, расширения перимизия и эндомизия. На гистологических срезах жевательной мышцы, окрашенных гематоксилином и эозином, заметны резко увеличенные в диаметре срезы миоцитов, регистрировали локальные признаки мышечной деструкции.

Целостность зубного ряда и равномерность распределения жевательного давления — это основное требование для слаженной работы элементов височно-нижнечелюстного сустава.

Нарушения в зубочелюстном аппарате являются пусковым моментом в развитии артритов ВНЧС. В основе хронического артрита лежит болевая дисфункция ВНЧС. Развитие болевой дисфункции многими авторами объясняется следующим образом: в случаях, когда во время смыкания зубных рядов, отдельные зубы или их участки вступают в контакт раньше, чем другие зубы, создается препятствия для смыкания всего зубного ряда, что приводит к смещению нижней челюсти в вынужденное положение. Это в свою очередь приводит к изменению положения суставных головок. Рефлекторно меняется функция жевательных мышц, перестраивается жевание, что приводит к микротравмам суставных элементов и нарушению их физиологического обмена [1, 3, 4].

Для снижения нагрузок на элементы височно-нижнечелюстного сустава нами рекомендована техника внесения пищи в ротовую полость.

Техника внесения пищи в ротовую полость при заболеваниях височно-нижнечелюстного сустава заключается в следующем: пациенту разрешается употреблять обычную привычную для него пищу, но при этом ее в полость рта необходимо закладывать небольшими равномерными кусочками, чтобы не перенапрягать связочный аппарат сустава при открывании рта. Обязательным условием является закладывание небольших кусочков пищи не рабочей рукой. Если человек «правша», то левой рукой, а если «левша» — правой рукой. В этом момент на помощь приходит нож и вилка, ножом создаются маленькие комфортные кусочки пищи, а вилкой вносят их в полость рта согласно нормам этикета. При подношении вилки не рабочей рукой к полости рта срабатывает безусловный рефлекс и рот открывается параллельно срединной линии тела. Координация движений в организме человека осуществляется за счет согласованной деятель-

ности коры больших полушарий головного мозга, мозжечка, вестибулярного аппарата. Ведущим органом координации движений является мозжечок, который регулирует и мышечный тонус. При подношении кусочка пищи не рабочей рукой происходит синхронизация мышечного компонента зубочелюстного аппарата, так как рука стремится к кончику носа (пальценосовая проба) [2]. Рот открывается параллельно срединной линии тела и тем самым происходит более равномерное распределение нагрузки на мышечный и связочный компонент височно-нижнечелюстного сустава. Если принимается жидкая пища, то необходимо использовать десертную ложку, которую вносят в полость рта обычным привычным способом, но при этом стараться не сильно открывать рот. При употреблении пищи, вносимой в рот руками, хлеб, фрукта, кусочки овощей, семечки, орехи, необходимо создать небольшие комфортные кусочки и вносить не рабочей рукой стараясь равномерно распределять их при пережевывании по левой и правой сторонам зубочелюстного аппарата.

Универсального метода лечения или идеальной схемы, применяемой при заболеваниях височно-челюстного сустава, пока нет. Комплексный подход к проблеме патологии височно-нижнечелюстного сустава с учетом всех факторов, способствующих нарушению функциональной работы сустава, позволяет стабилизировать развитие данной патологии и облегчить состояние пациента в периоды обострения.

Выводы. Предложенная нами техника приема пищи при заболеваниях височно-нижнечелюстного сустава один из способов снизить нагрузку на элементы височно-нижнечелюстного сустава за счет небольшого открывания рта и равномерного распределения, пережевываемой пищи в ротовой полости.

Открытие рта параллельно срединной линии способствует более равномерному распределению нагрузки на мышечный и связочный компоненты височно-нижнечелюстного сустава левой и правой сторон.

References:

1. Gross M. D., Dzh.D. Met'yus. The normalization of occlusion / M. D. Gross, — M.: Meditsina. 1986. — 286 p.
2. Gusev E. I., Burd G. S., Kononov A. N. The manual on neurology and neurosurgery / E. I. Gusev. — Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Feniks. 2006. 692 p.
3. Korzh N. A., Khvisyuk A. N., Dedukh N. V. Osteoarthritis / N. A. Korzh. — Khar'kov: Zolotye stranitsy. 2007. 424 p.
4. Klyaynrok M. The functional disorders in the motor part of masticatory apparatus / M. Klyaynrok. — L'vov: «GalDent». 2015. 256 p.
5. Ral'f E., Mak-Donal'd, Deyvida R. Eyveri. The pediatric and teenagers dentistry / E. Ral'f — M.: Meditsinskoe stomatologicheskoe agentstvo. 2003. 766 p.
6. Robustova T. G. Dental surgery / T. G. Robustova. — M.: Meditsina. — 1996. 688 p.
7. Timofeev A. A. The manual on maxillo-facial surgery and dental surgery / A. A. Timofeev. — Kiev.: ООО "Chervona Ruta-Turs". 2004. 1062 p.

8. Timofeev O. O. Maxillo-facial surgery: [manual] / O. O. Timofeev. — K.: VSV «Meditcina». 2011. 512 p.

9. Khvatova V. A. The clinical gnathology / V. A. Khvatova. — M: Meditsina. 2005. 312 p.

ИЗУЧЕНИЕ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ПАЦИЕНТОВ, У КОТОРЫХ В КАЧЕСТВЕ ОПОР ОРТОПЕДИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ ИСПОЛЬЗУЮТСЯ РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ДЕНТАЛЬНЫХ ИМПЛАНТАТОВ

Евгений Семенов,

кандидат медицинских наук,

ГУ «Институт стоматологии

Национальной академии медицинских наук Украины»

The study of the stomatological state of the patients with different dental implants as supports of orthopedic constructions

Annotation. The results of the examinations of 221 patients, using fixed orthopedic constructions with the support on different dental implants at various defects in dentition for a long time, are given in the article. The periodontal state was studied in the patients (index Piz was determined); the state of occlusal curves was investigated for the revelation of the foci of traumatic occlusion, the number of the patients, in whom the orthopedic constructions have lost their functional value because of the failure of the stability of implants-supports, was calculated.

Keywords: periodontitis, dental implants, occlusal disorders.

В последние годы использование дентальных имплантатов в качестве опор несъемных ортопедических конструкций получило широкое распространение в клинике, однако, несмотря на это в литературе содержится мало данных о долгосрочной эффективности использования различных их видов в качестве опор несъемных ортопедических конструкций, при различных дефектах зубных рядов [1-3]. В литературе последних лет все реже встречаются публикации об использовании субпериостальных, пластичных (Линковских) имплантатов, что указывает на снижение их доли в общем количестве установленных дентальных имплантатов. В последнее время в силу определенных причин предпочтение отдается двухэтапным цилиндрическим имплантатам, однако их применение в некоторых случаях сталкивается с трудностями связанных с неблагоприятными индивидуальными анатомо-топографическими у пациента [10]. В этом случае в качестве опор несъемных ортопедических конструкций возможно использование других видов дентальных имплантатов, однако многих практикующих врачей, сдерживает тот факт, что в литературе содержится мало данных о долгосрочной эффективности использования различных видов дентальных имплантатов в качестве опор несъемных ортопедических конструкций в зависимости от топографии дефекта зубного ряда в сравнительном аспекте [5, 6].

В литературе мало данных об изменении пародонтального статуса пациентов в течение длительного времени пользования несъемными ортопедическими конструкциями с опорами на дентальные имплантаты и как эти изменения влияют на стабильность различных видов имплантатов [4].

В литературе нет четких указаний на причины которые приводят к нарушению стабильности имплантатов в долгосрочной перспективе (или это связано с

окклюзионными изменениями в силу различных причин [11], или с нарушением обменных процессов в костной ткани альвеолярного отростка, пусковым моментом, которого является воспалительные явления в тканях пародонта оставшихся зубов [7–9].

На основании вышесказанного целью исследований является:

- Дать сравнительную оценку в долгосрочной перспективе эффективности использования различных видов дентальных имплантатов, используемых в качестве опор несъемных ортопедических конструкций, при различных дефектах зубных рядов, оценить пародонтальный статус обследуемых пациентов и изучить окклюзионные соотношения зубных дуг у них.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. На основании клинических обследований пациентов пользующихся ортопедическими конструкциями с опорами на разные виды дентальных имплантатов для замещения различных дефектов зубных рядов, выявить количество пациентов у которых ортопедические конструкции потеряли свою функциональную ценность вследствие нарушения стабильности имплантатов служащих им опорой и дать сравнительную оценку их эффективности.

2. Оценить пародонтальный статус всех обследуемых пациентов.

3. Изучить окклюзионные кривые всех обследуемых пациентов на предмет выявления очагов травматической окклюзии.

Материалы и методы. Для достижения поставленных целей было обследовано 221(125 мужчин и 96 женщин) пациентов путем нерегулярных осмотров и по обращаемости у которых в качестве опор несъемных ортопедических конструкций при различных дефектах зубных рядов использовались различные виды дентальных имплантатов.

В протоколе осмотров заносились пациенты мужского пола до 60 лет и женского до 45 лет. Данный подход использовался во избежание влияния физиологических возрастных гормональных изменений, которые влияют на обменные процессы в костной ткани на результаты исследований. Из них 90 пациентов с дистально-неограниченными дефектами зубных рядов, у 16 в качестве дистальной опоры мостовидного протеза использование субпериостальный имплантата (рис. 1), у 25 пластиночный (Линковский), одноэтапные винтовые в качестве дистальной опоры ортопедической конструкции служили у 24 пациентов, двухэтапные цилиндрические также у 24 (рис. 2).

Количество пациентов, у которых в качестве промежуточной опоры мостовидного протеза при включенном дефекте зубного ряда большой протяженности использовались пластиночные (Линковские) имплантаты (рис. 3) составило 23 пациента, одноэтапные винтовые 24 (рис. 4) и двухэтапные цилиндрические 25 (рис. 5). Количество пациентов, у которых одноэтапные винтовые имплантаты служили самостоятельной опорой несъемной ортопедической конструкции составило 27, а количество обследуемых, у которых самостоятельной опорой ортопедических конструкций служили двухэтапные цилиндрические 33 (рис. 6).

Для оценки состояния тканей пародонта обследуемых пациентов использовались следующие методы обследования:

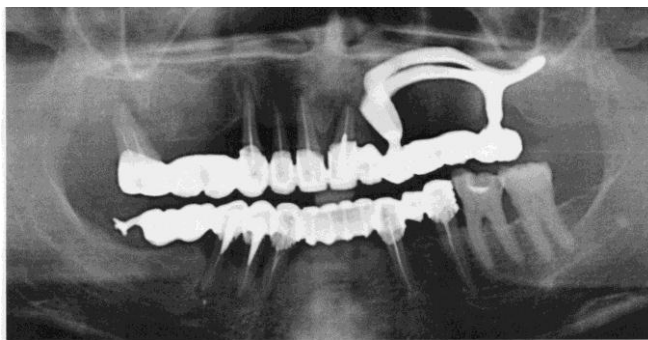

Рис. 1. Субпериостальный имплантат служащий дентальной опорой мостовидного протеза в течении 10 лет. В области тканей пародонта своих зубов картина соответствует генерализованному пародонтиту тяжелой

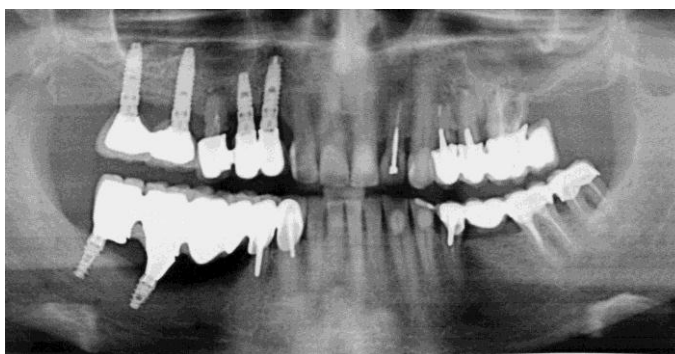

Рис. 2. Двухэтапные цилиндрические имплантаты служат дистальной опорой мостовидного протеза на нижней челюсти справа в течении 6 лет. Состояние тканей пародонта соответствует генерализованному пародонтиту средней тяжести (PI 3,6). Ортопедическая конструкция на нижней челюсти справа полностью функциональна.

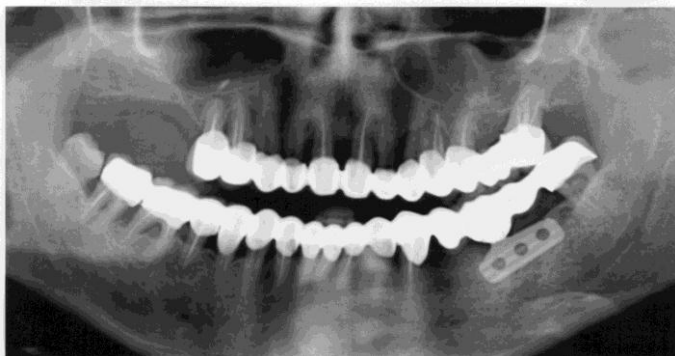

Рис. 3. Пластиночный (Линковский) имплантат служит промежуточной опорой мостовидного протеза в течении 9 лет. Состояние тканей пародонта соответствует генерализованному пародонтиту тяжелой степени в стадии обострения (PI 6). Ортопедическая конструкция на нижней челюсти полностью функциональна.

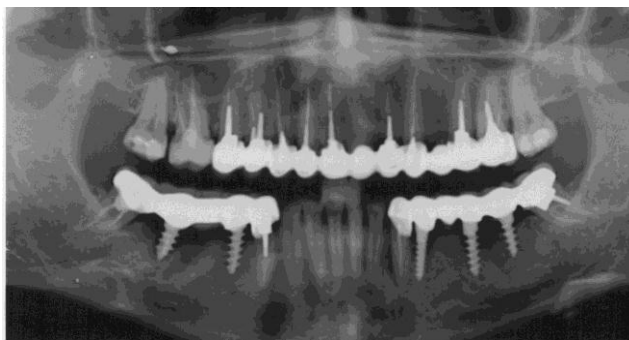

Рис. 4. Одноэтапные винтовые имплантаты служат промежуточной опорой мостовидного протеза в течении 8 лет. Состояние тканей пародонта соответствует генерализованному пародонтиту средней степени тяжести (PI 3,5). Ортопедическая конструкция на нижней челюсти слева и справа полностью функциональна.

Рис. 5. Двухэтапные цилиндрические имплантаты служат промежуточной опорой мостовидного протеза в течении 5 лет. Состояние тканей пародонта соответствует генерализованному пародонтиту средней степени тяжести (PI 3,8). Ортопедическая конструкция на нижней челюсти слева полностью функционирует.

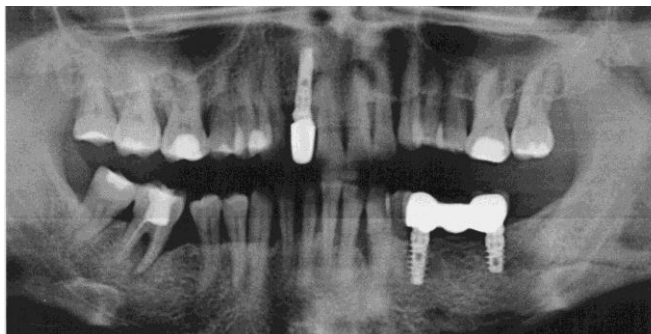

Рис. 6. Двухэтапные цилиндрические имплантаты самостоятельной опорой ортопедических конструкций в течении 7 лет. Состояние тканей пародонта соответствует генерализованному пародонтиту тяжелой степени тяжести в стадии обострения (PI 6,2).

- Клинические

Осмотр (обращали внимание на наличие и степень распространенности воспалительных явлений десневого края вокруг зубов) наличие или отсутствие нарушения эпителиального прикрепления десны, наличие или отсутствие подвижности зубов.

Инструментальные (панорамная R-графия)

Обращали внимание на наличие и степень выраженности деструкции костной ткани в области тканей пародонта и внутрикостной части дентальных имплантатов

На основании проведенных исследований определяется пародонтальный индекс (PI) который был предположен Ruseel.

Для выявления очагов травматической окклюзии и степени их выраженности использовалась окклюзионная бумага. Исследования проводились при всех видах смыкания челюстей имитирующих движения нижней челюсти при жевании.

Учитывая тот факт, что в ходе проведения обследований, нами не установлена зависимость между топографией дефекта и видом дентальных имплантатов, используемых в качестве опор несъемных ортопедических конструкций, используемых для их замещения и показателями индекса (PI), для получения более точных статистических данных, все пациенты, которые утратили ортопедическую конструкцию вследствие нарушения стабильности имплантата при определении у них индекса (PI) были объединены в одну группу.

Результаты исследования и их обсуждение. Полученные в результате обследования данные заносили в таблицу (табл. 1).

В результате анализа таблицы обращает на себя внимание следующий факторы:

- средняя величина

индекса (PI) у всех групп пациентов колеблется в пределах соответствующих средней степени пародонтита, однако эта величина находится у верхней границы коридора соответствующего этой степени (величина коридора от 1,5 до 4,0).

Отсутствие значительных колебаний индекса (PI) в исследуемых группах, указывает на то, что топография дефекта для замещения которого используются несъемные ортопедические конструкции с опорой на дентальные имплантаты, вид дентального имплантата служащего им опорой, не оказывает никакого влияния на состояния тканей пародонта обследуемых. Кроме того, отсутствие достоверных отклонений по индексу (PI) говорит о репрезентативности групп сравнения

При использовании различных видов дентальных имплантатов в качестве дистальной опоры мостовидных протезов, наибольший процент осложнений, связанных с нарушением остеинтеграции и как следствие удаление имплантатов вместе с ортопедической конструкцией наблюдаются в группе, где в качестве опор мостовидных протезов использовались одноэтапные винтовые 16,6 % от общего количества пациентов в группе. У пациентов, у которых в качестве опоры использовались субпериостальные, пластиночные Линковские, двухэтапные

цилиндрические преимущества имеют не один из перечисленных видов имплантатов (процент осложнений составляет 11,8 %, 12 % и 12,5 % соответственно).

При использовании различных видов имплантатов (пластиночных Линковских, одноэтапных винтовых, двухэтапных цилиндрических), в качестве опор мостовидных протезов при включенных дефектах зубного ряда ни один из этих имплантатов не имеет преимуществ (процент осложнений связанных с нарушением стабилизации имплантатов, что приводит к необходимости его удаления вместе с мостовидными протезами, составил 13 %, 12,5 % и 12 % соответственно).

При использовании одноэтапных винтовых и двухэтапных цилиндрических имплантатов в качестве самостоятельной опоры ортопедических конструкций двухэтапные имплантаты имеют значительное преимущество. Так у 22,2 % пациентов, у которых в качестве самостоятельной опоры несъемной ортопедической конструкции использовались одноэтапные винтовые имплантаты, они потеряли свою функциональную ценность по причине дезинтеграции имплантата с костной тканью, окружающей его внутрикостную часть, у пациентов у которых в качестве опоры ортопедических конструкций использовались двухэтапные цилиндрические, таких было 9 % от общего количества в группе.

Общее количество пациентов (во всех обследуемых группах) у которых ортопедические конструкции потеряли свою функциональную ценность в связи с нарушением стабильности имплантатов составило 30, что составило 13,6 % от общего числа обследуемых, из них количество пациентов у которых ортопедические конструкции замещали дефекты на нижней челюсти составило (12) на верхней (18).

У всех 30 пациентов, у которых ортопедические конструкции были удалены по причине нарушения стабильности дентальных имплантатов служащих им опорой, были выявлены очаги травматической окклюзии в области проблемных конструкций. Средняя величина индекса (PI) у пациентов этой группы составило ($3,5 \pm 0,48$), что сопоставимо с величиной этого индекса во всех группах пациентов у которых ортопедические конструкции сохранили свою функциональную ценность (отличия не достоверны).

У 4-х пациентов этой группы при опросе были выявлен сахарный диабет, который был у них диагностирован спустя несколько лет после установки ортопедической конструкции с опорой на дентальные имплантаты. (На момент установки имплантатов он отсутствовал, поскольку перед оперативным вмешательством пациенты проходили общее обследование). При сборе анамнеза у остальных пациентов этой группы (12 из них проходили регулярные осмотры после установки ортопедических конструкций по роду своей профессиональной деятельности, 8 по причине обследования по поводу различных общесоматических заболеваний, которые по данным литературы не могли привести к глубоким деструктивным изменениям в костной ткани альвеолярного отростка), выявить связь между соматической патологией и обменными процессами в костной ткани альвеолярного отростка приведшей к нарушению стабильности дентального имплантата служащего опорой ортопедической конструкции не удалось.

Оценка индекса (PI) у пациентов опорой несъемных ортопедических конструкций служили различные виды дентальных имплантатов

Вид имплантатов	М Ж	Вид дефекта	Количество пациен- тов, у которых им- плантаты стабильные, ортопедические конструкции функ- циональные	Количество пациен- тов, у которых им- плантаты утратили стабильность, ортопе- дические конструкции нуждались в снятии	Средний показате- ль индекса PI у пациентов у которых имплан- таты сохранили стабильность	Показатель индекса PI у пациентов, у которых имплан- таты утратили стабильность	Средний срок службы ортопеди- ческих конструк- ций на момент снятия
Пластинчатые (Линковские)	15 8	Включенный	20	3 (15 %) в/ч 2 н/ч 1	3,7±0,35 p>0,05	5,9±0,34	
Одноэтапные винтовые	12 12	Включенный	21	3 (12,5 %) в/ч 2 н/ч 1	3,5±0,3 p>0,05	6,8±0,38	
Двухэтапные цилиндрические	14 11	Включенный	22	3 (12 %) в/ч 2 н/ч 1	3,4±0,35 p>0,05	6,7±0,36	
Субпериостальные	9 7	Дистально- неограниченный	14	2 (11,8 %) в/ч 1 н/ч 1	3,7±0,55 p>0,05	8,4±0,48	
Пластинчатые (Линковские)	16 9	Дистально- неограниченный	22	3 (12 %) в/ч 2 н/ч 1	3,5±0,44 p>0,05	7,5±0,34	
Одноэтапные винтовые	15 9	Дистально- неограниченный	20	4 (16,6 %) в/ч 2 н/ч 2	3,4±0,36 p>0,05	5,8±0,35	5,7±0,24
Двухэтапные цилиндрические	14 10	Дистально- неограниченный	21	3 (12,5 %) в/ч 1 н/ч 2	3,4±0,37 p>0,05	7,5±0,4	
Одноэтапные винтовые	15 12	Самостоятельная опора	21	6 (22,2 %) в/ч 4 н/ч 2	3,8±0,32 p>0,05	6,8±0,25	
Двухэтапные цилиндрические	15 18	Самостоятельная опора	30	3 (9 %) в/ч 2 н/ч 1	3,5±0,35 p>0,05	9,1±0,63	

Примечание: p — показатель достоверности отличий, рассчитанных по отношению к показателю индекса PI у пациентов, нуждающихся в удалении имплантатов.

У 56 пациентов, из 191 у которых ортопедические конструкции с опорой на дентальные имплантаты сохранили свою функциональную ценность были выявлены очаги травматической окклюзии, которые концентрировались на них. Надо отметить, что интенсивность окрашивания в области этих ортопедических конструкций незначительно превосходила другие места смыкания зубных рядов, в тоже время интенсивность окрашивания в области проблемных ортопедических конструкций была значительно выше.

Данный факт указывает на то, что зубочелюстная система не является стабильной и со временем в ней происходят процессы приводящие к изменению окклюзионных соотношений челюстей.

К основным таким причинам относятся: пародонтит (средней и тяжелой степени тяжести, поскольку он часто сопровождается изменением положения зубов в зубной дуге), стираемость зубов как физиологическая так и патологическая, удаление зубов (в результате чего происходит перераспределение жевательной нагрузки, а так же вторичные зубочелюстные деформации).

В тоже время несъемную ортопедическую конструкцию, опорой которой служат дентальные имплантаты, необходимо рассматривать как стабильную систему, которую в течении всего времени её функционирования необходимо подстраивать под изменившиеся вокруг нее условия.

Всем 56 пациентам было проведена коррекция окклюзионных кривых.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1) Для замещения дистально — неограниченных дефектов зубных рядов несъемными ортопедическими конструкциями в качестве дистальных опор, рекомендуем отдавать предпочтение субперностальным, пластиночным (Линковским), двухэтапным винтовым имплантатом в зависимости от клинической ситуации (процент осложнений 11,8 %, 12 %, 12,5 %), а при использовании одноэтапных винтовых (16,6 %)

2) Для замещения включенных дефектов зубных рядов, несъемными ортопедическими конструкциями с опорой на дентальные имплантаты и собственные зубы только клиническая ситуация определяет вид имплантата используемого в качестве опоры.

Пластиночным (Линковский), одноэтапный винтовой, двухэтапный цилиндрический. Процент осложнений составляет 13 %, 12,5 % и 12% соответственно)

3) В качестве самостоятельной опоры несъемных ортопедических конструкций предпочтение следует отдавать двухэтапным цилиндрическим имплантатам, процент осложнений 9 % от общего количества пациентов в группе, при использовании одноэтапных винтовых 22,2 %.

4) При длительном пользовании ортопедических конструкций с опорой на дентальные имплантаты решающее значение на сохранение ими стабильности оказывает изменившиеся со временем в силу различных причин окклюзионные соотношения челюстей, а не степень воспалительных явлений в тканях пародонтита развивавшиеся со временем (индекс РІ в группах, где дентальные имплантаты сохранили свою стабильность и в группе где ортопедические конструкции

утратили свою функциональную ценность в следствии нарушения стабильности имплантатов служащих опорой не имели достоверных отличий ($P>0,05$).

5) Необходимо наладить диспансерный осмотр всем пациентам у которых в качестве опор несъемных ортопедических конструкций используются дентальные имплантаты обязательными элементом которого наряду с лечебно-профилактическими мероприятиями в области тканей пародонтита и слизистой вокруг шейки имплантатов у врача-пародонтолога, необходимо проводить коррекцию окклюзионных кривых с целью выявления и устранения очагов травматической окклюзии, возникших в следствии различных причин после протезирования.

References:

1. Labunets V. A., Semenov E. I., Sennikov O. N. The twelve-years experience of the use of different implants, as the support of the fixed orthopedic constructions at their early loading / V. A. Labunets // *Visnyk stomatologii*'. 2012. 1. P. 58–63.
2. Surov O. N. The subcortical implantation. Innovations in dentistry. / O. N. Surov // *Novoe v stomatologii*. 1993. — 3. P. 24–25.
3. Paraskevich V. L., Maksimenko L. Single-stage screw implants. The advantages and disadvantages. Innovations in dentistry. / V. L. Paraskevich. // *Novoe v stomatologii*. 2000. — 8. P. 38–45.
4. Semenov E. I., Labunets V. A., Sennikov O. N. The remote results of the use of different dental implants at the edentulous spaces of various lengths in patients with generalized periodontitis / E. I. Semenov. // *Visnyk stomatologii*'. 2012. — 6. P. 75–76.
5. Semenov E. I. The prevention and the methods of elimination of breaks of the joining screws in the constructions of double-stage screw implants. / E. I. Semenov // *Visnyk stomatologii*'. 2012. — 4. P. 81–84.
6. Baltabaev M. M., Sel'piev T. T., Kombayev K. K., Murzaliev A. D. The use of the different systems of implantation at implantation process. / M. M. Baltabaev // *Novoe v stomatologii*. 2005. — 2. P. 63–64.
7. Semenov E. I. The restoration of the masticatory function in the patients with the fixed orthopedic constructions, set on osteo-integrated double-stage screw implants at the break of the screw, joining implant and abutment. / E. I. Semenov. // *Visnyk stomatologii*'. 2010. — 1. P. 51–54.
8. Kallus T., Bessing C. Losses gold screw frequently occur in full-arch prostheses suggested by osseointegrated implants after 5 years. / T. Kallus // *Jnt J Oral Maxillofac Implants*. 1994. — 9. P. 169–178.
9. Maok Ber The elimination of the complications of implantologic treatment. / Ber Maok. — Moskva. Izdatel'skiy dom «Azbuka». 2007. 355 p.
10. Lungu V. I., Lungu S. V. The recommendations and the use of implants in hump-wing area / V. I. Lungu // *Implantologija. Parodontologija. Osteologija*. 2010. — 4. P. 65–68.
11. Ugljar I. M., Vovk V. Ju., Vovk Ju. V. The analysis of the findings of clinico-instrumental investigations of occlusal disorders in patients with partial edentulous spaces / I. M. Ugljar // *Visnyk stomatologii*'. 2013. — 4. P. 88–96.

CORRELATION ANALYSIS OF HORMONE-IMMUNE INTERACTIONS IN PATIENTS WITH DEMODICOSIS

Zhanetta Chornenka,

Ph.D, Assistant Professor,

Higher state educational establishment of Ukraine

«Bukovinian State Medical University»

Annotation. *The paper finds and specifies scientific data on the status and relationship of hormonal and immune systems in demodicosis as well as defines their role in the disease pathogenesis. We have proved reliable correlations between the level of circulating hormones in blood and the key indices of cellular and humoral immunity in demodicosis. We have also discovered a disorder of normal relationships and the emergence of new correlations between hormonal and immunological parameters.*

Keywords: *demodicosis, cellular immunity, humoral immunity, correlation analysis, hormonal system, reliable relationship.*

Topicality. The important role of Demodex mites in the development of acne and acne-like dermatitis that are characterized by an expressed polymorphism of clinical manifestations, due to the development of inflammatory and noninflammatory lesions on the skin areas rich in sebaceous glands has been actively discussed during the recent decades [1, 17].

The pathogenesis of demodicosis has not been sufficiently studied. Uncontrolled reproduction of Demodex mites is explained by some authors as due to the weakening of the immune mechanisms and endocrine disorders [2]. A number of studies have shown that demodicosis occurs and persists against the background of pathological conditions caused by central hyperandrogenism [3]. A number of researchers believe that the presence of these parasites in the sebaceous hair follicles of the facial skin is the main cause of rosacea [4; 5; 16]. At the same time, demodicosis is sometimes believed to be an independent disease, but in the International Classification of Diseases X demodicosis is not presented as a separate nosologic form that reflects the idea of only provocative actions of the mite in the development of acne-like dermatoses [6; 7].

The skin is actively involved in the metabolism of steroid hormones, and most of the functions of the skin (the intercellular lipid synthesis, hair growth, mitotic activity of the epidermis) are influenced by androgens [16]. Under the influence of the enzyme 5-reductase testosterone turns into its more active metabolite — dihydrotestosterone. Increased androgen and enzyme activity in the puberty leads to the fact that inactive sebaceous glands start producing sebum. Secretion of fat depends on many factors: the ambient temperature, the patient's age, menstrual cycle, biological rhythm [8; 9].

The pathogenesis of demodicosis includes an increased production and changes in the composition of sebum, due to the peculiarities of metabolism and function of the sebaceous glands controlled by androgens [10]. Such changes during the puberty are due to an increased sensitivity of androgen receptors of the sebaceous glands to male sex hormones, often under normal physiological composition and levels of androgens in blood [16]. However, in some patients demodicosis occurs and persists on the background of pathological conditions caused by central hyperandrogenism [11]. Many re-

searchers emphasize that sustainable progress of demodicosis can support background diseases, its persistence after the puberty is possible under the influence of additional trigger factors [18] that are important to detect during the examination. At the same time, the algorithms of examinations of adolescents with demodicosis is insufficiently covered in the literature.

Most authors indicate that the prevalence of demodicosis among young people is about 90% in boys and 80% in girls aged under 21 years [12]. The incidence peak of the disease was observed in 14–16 year-old girls and 16–17 year-old boys [13]. Demodicosis development leads to a severe psychological trauma that deranges the social adaptation of teenagers. In numerous special psychological studies many authors note that 38% of 13–16 year-old adolescents have psychological disorders due to demodicosis [16].

We know that the overstrain of regulation systems can lead to a depletion of the host defenses, reducing its functionality. A prolonged exposure to any parasitic infestation, including demodicosis, as a stress factor, may lead to activation of hormonal regulation while maintaining the adaptive capacity of the body can be a pathogenetic basis of various functional disorders and injuries at lower adaptive capacity [14; 17].

Adapting to different destructive factors occurs at all levels of the body, but its mechanism is mainly manifested by changes in the hypothalamic-pituitary-adrenal system [15]; however the adaptation and adaptive response of the body in parasitic invasions including demodicosis have not been studied. Therefore, we must further study the role of hormone-immune regulatory system with demodicosis in terms of forming the economic and parasitic relationships, deepening the knowledge of the demodicosis pathogenesis as well as substantiate the therapy and increase the treatment efficacy.

Objective. To evaluate the changes and to analyze the hormonal and immunological relationships based on gender and functional state of the liver in patients with demodicosis.

Materials and methods. To perform the tasks we examined 109 patients with demodicosis aged 20 to 60 years (63 men and 46 women) who were on outpatient examination and treatment. For comparison and control we examined 20 healthy individuals of corresponding sex and age. Diagnosis "demodicosis" in all patients of the group and its absence in the control group was confirmed according to diagnostic criteria based on the totality of clinical, clinical and laboratory parameters and of laboratory tests for demodicosis. Criteria for inclusion: the experimental group included patients with reliably diagnosed "demodicosis" in the acute stage, ranging from 14 to 30 days after obtaining their informed consent.

The clinical examination was conducted on patients by using a conventional technique that included some data of carefully collected history, subjective and objective data, laboratory findings (blood count, urinalysis, blood chemistry, analysis of stool for helminth eggs and protozoa, immune status) and instrumental study (fluoroscopy or chest radiography, electrocardiography, ultrasound of internal organs).

Statistical analysis of the results of research was carried out using the software package "STATISTICA" for Windows (Stat Soft Inc, USA) on a computer with processor Pentium II Celeron 850 PPGA. In some cases the method of statistical analysis

using criterion χ^2 (2x2 contingency tables) was applied. Assuming that the average value of many of the studied parameters were within normal limits we applied a more informative way for such cases — the analysis of the incidence of disorders in values. A disorder was considered a deviation from the value from the average normal values which equals 2 (standard deviation).

Results. The study involved 109 patients with demodicosis aged 20 to 60 years (average age $37,7 \pm 0,18$ years). There were 63 (57.7%) men and 46 (42.2%) women. To eliminate mixed helminth infestations, all patients were examined for antibodies to the antigens of ascarides, lamblia, opisthorchiasis and trichinella using ELISA. All the patients observed were taken feces samples on helminth eggs — see the section "Materials and Methods".

The duration of demodicosis on the day of examination, according to the information obtained from the patients ranged from several months to 2-15 years or more, in most cases the patients were not sure about the start of infestations.

The examination of patients with demodicosis was conducted by a detailed survey and a thorough checking up. It allowed revealing even minor symptoms that do not immediately attract attention, and patients did not think them to be important.

The history of stages of secondary sexual characteristics obtained from the patients did not allow an accurate assessment of the sequence and timing of their occurrence. However, a number of the patients, without being pretty sure, reported that the debut of puberty in them manifested with sexual body hair, which indicates hyperandrogenism starting with the puberty.

The male patients did not show an irregular sequence of secondary sex characteristics development in their history (development of external genitalia, pubic body hair, that in the armpits, hair growth on the face, Adam's apple, voice mutation).

While being examined before the treatment, the patients complained a lot about itching, burning, tightening skin, reducing the elasticity and softness, feeling some drilling into the skin or parasites crawling under it and so on. All the patients complained about increased sebaceous excretions.

During the clinical examination 30.4% (14 people) of patients were diagnosed with progressing hirsutism 39.1% (18 people) with android body type and 15.2% (7 people) with excessive height. The examination did not reveal any pronounced signs of virilization of external genitalia.

17.4% (8 persons) of patients had a combination of atrophic stretch marks and excessive body hair. 23.9% (11 people) of patients had no signs of hypertrichosis or hirsutism but they had stretch marks, and 19.6% (9 people) of girls with hirsutism or hypertrichosis had no stretch marks. These data suggest a variety of dishormonal manifestations of demodicosis in patients. The largest group consisted of patients with combined clinical forms of androgen dermatopathies — 76.0% (35 people). 32.6% (15 people) had hirsutism, 10.8% (5 people) — signs of alopecia by male pattern, 4.6% (10 people). —follicular hyperkeratosis on the extensor surfaces of the extremities.

While examining the men we found some signs of androgenetic alopecia in up to 95% of them.

Due to the preconceived idea about the role of the liver in the metabolism of hormones, the existence of a functional relationship between the pituitary gland and the liver, and taking into account data on the development of the hypothalamic-pituitary dysfunction in the liver, the patients were divided into 2 groups: the 1st group included the patients without manifestations of functional disorders of the hepato-biliary system, and the 2nd one consisted of patients with liver dysfunction (LD).

Moderate changes in blood gonadotrophin hormones rate and pronounced changes in the content of sex hormones indicate some disorders of pituitary-gonadal relations in demodicosis. A significant increase in estradiol and the testosterone decline in men, a decrease in estradiol and their testosterone increase in women without marked changes in the content of LH and FSH and clinical manifestations of impaired sexual function may be the outcome of disorders in the degradation of estradiol, testosterone aromatization and their mutual transformation observed during the liver dysfunction. The quantitative evaluation of identified quality ratios of the content of gonadotropin and sex steroid hormones in the blood by pair correlations showed that the functional relationship between these hormones in patients with demodicosis changed significantly. The structure of relationships in patients with demodicosis both men and women differed from the controls and was different in patients without LD and those with LD. In men without LD the correlation of hormones decreased significantly and the structure of the relationships changed. Among the relationships, which were found in the control group, only one remained reliable- the testosterone-estradiol. Instead of other correlations, present in healthy men, patients with demodicosis without LD had a "new" one- LH-estradiol. In patients with LD there were no reliable correlations.

In women without LD the level of hormone relationships also declined and their structure changed. The connection LH-estradiol remained stable like in healthy women, although the level of their relationship was lower than the normal one. The bonds between LH-progesterone, estradiol and testosterone got disintegrated. There were two "new" pairs instead, — LH-FSH and FSH- estradiol. The bond LH-estradiol remained relatively high in patients with LD and a new correlation — FSH-testosterone appeared. There were no other correlations between gonadotropin and sex hormones in women with LD.

These data show that a decrease in strength and changes in the structure of correlations were more pronounced in men than in women who did not have clinical and laboratory findings for LD. The bonds in patients with LD underwent even more significant changes, indicating more pronounced hormonal disintegrations.

Heterogeneity of changes in hormone concentration in the blood of patients with demodicosis before the treatment is indicative of their adaptive-compensatory nature. The identified hormonal changes during demodicosis were caused probably not only by the presence of a parasite in the body, but also by a number of other reasons, including the pituitary-gonadal dysfunction and disorders in pituitary- hepatic bonds developing with increasing duration of the disease.

Currently, there are a lot of data showing hormonal and neuro-humoral control of the formation and functioning of immuno-competent cells, which are summarized in several monographs [16; 17].

In healthy people, all the hormones influence the immune response, and this influence is provided by the receptors on the immunocompetent cells to all the hormones with no exception [13].

To get a real idea of the role of the pituitary-gonadal system in the implementation of demodicosis influence on the formation of the immune response, we evaluated the complex of correlations between the rate of circulating hormones in the blood and immune basic values under chronic infestation action. In order to make the initial conditions as typical as possible, we performed a correlation analysis of hormonal and immunological parameters in men with demodicosis.

The information about correlations is presented in table 1

Table 1.

The structure of the hormonally immunological connections in patients with demodicosis

Hormone	Immunity											
	1						2					
	Tl	Ok	VI	IgA	IgM	IgG	Tl	Ok	VI	IgA	IgM	IgG
galactopoietic hormone						–0,66					00,50	
LH		–0,44		00,63	–0,62		00,46	–0,51				
FSH	–0,37	00,32							00,43			
estradiol			00,33		00,37							
testosterone											00,55	
progesterone	–0,31			00,34					00,30	00,34		

Note:

1 — patients with normal liver function;

2 — patients with liver dysfunction

— reliable connection — $1,0 \geq r \geq 0,42$ ($P \leq 0,01$)

— moderate connection — $0,42 \geq r \geq 0,30$ ($P \leq 0,05$)

It was established that the correlations of hormone- immunological parameters before the treatment of patients without clinical manifestations of LD (group 1) were characterized by the presence of 3 strong connections with the correlation coefficient more than 0.54, a less strong but reliable connection with the correlation coefficient more than 0.42 and less than 0.54 ($P < 0.05$) and 6 moderate connections with the correlation coefficient below 0.42 and more than 0.30 ($P > 0.05$). In total, the patients of group 1 had 4 reliable connections before the treatment, 3 pairs of which reflected the relationship between the pituitary hormones and immunoglobulins.

The patients with LD (group 2) had one strong and 4 less strong reliable connections, 4 of which reflected the relationship of pituitary hormones, and one — the relationship between testosterone and immunological parameters. There were also 2 moderate connections.

There were mainly positive connections between the hormones and immunological parameters which were indicative of some commonality of systems aimed at preserving defense reactions and homeostasis.

Apart from the quantitative changes there were also qualitative ones in system interconnections. Correlations between pituitary hormones and immunological parameters in patients of group 1 were reliably stronger than in the second group ($x_2 = 6.23$ $P < 0.01$).

The presence of reliable connections between the pituitary hormones and the values of immunity in patients from the 1st and 2nd groups before the treatment allows us to consider it as one of the main mechanisms in the effects of tropic pituitary hormones on the immune response.

The papers of recent years found that tropic pituitary hormones can change the functional activity of immunocompetent cells, affecting these cells both indirectly through the peripheral gland hormones and directly too. This possibility is due to specific membrane receptors on these cells to almost all pituitary hormones. In addition, the regulatory action of galactopoietic hormone is determined by regulatory cells of the thymus [16].

Now it has been proved that sex hormones influence the immune system actively [17].

It has been established by experiments that the effects of sex steroid hormones on the immune system, like other hormones, are dose-dependent and depend on the type of hormones too. For instance, we know that estrogen and progesterone in physiological doses stimulate the function of B cells and phagocytic activity of macrophages and inhibit the function of T-suppressors [15]. The estrogens are believed to stimulate an antigene-dependent differentiation and cooperation of T- and B-lymphocytes. According to some researchers androgens do not cause such effects, and according to others the testosterone reduces suppressively the activity of T — and B cells [12].

Considering the controversy of published data, the difference in the immunological effects of various hormones of pituitary-gonadal system and the lack of relevant research on demodicosis, we carried out a correlation analysis between the concentration of hormones of the pituitary-gonadal system in the blood and parameters of cellular and humoral immunity in men and women with demodicosis without clinical manifestations of LD.

The data on correlations between hormonal and immunological parameters are shown in Fig. 1.

It has been established that the structure of interconnections in men before the treatment was characterized by the presence of 3 significant correlation pairs. There was no reliable connection with the peripheral hormones. The women had 4 reliable connections before the treatment, including 3 with LH and 1 with progesterone.

A comparative evaluation of the correlation analysis between men and women showed that the number of reliable hormonal and immunological connections women before the treatment was greater than in men. There was not any reliable connection between hormones and T- and B-lymphocytes in the men before treatment, and the women had a reliable connection between LH and progesterone and those of cellular and humoral immunity.

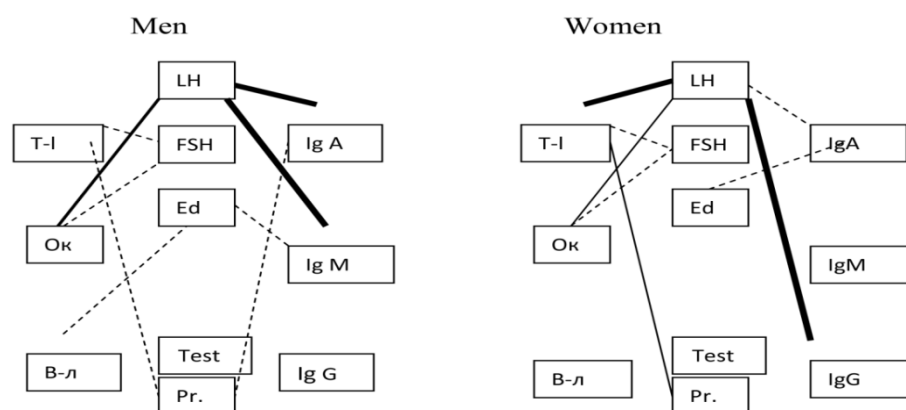

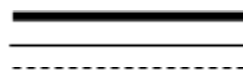
Fig. 1. The structure of the correlations between hormones of the pituitary-gonadal system and immune parameters in patients with demodicosis

Value:

strong connection — $1,0 \geq r \geq 0,54$ ($P \leq 0,01$)

less strong connection — $0,54 \geq r \geq 0,42$ ($P \leq 0,05$)

moderate connection — $0,42 \geq r \geq 0,30$ ($P \geq 0,05$)

These data show rather convincingly that the structure of relations between the pituitary-gonadal hormones and immunological parameters differ significantly by gender.

There is not any reliable connection between immunological parameters and progesterone in men, unlike women. There was not any connection with estradiol regardless of the gender.

These data conclude that a different degree of correlations was depended not only on the level of hormones and immunological parameters, but also on the type of sex hormones.

The lack of correlations between estradiol and immunological parameters shows that these mechanisms are not essential in regulating immunogenesis. It is suggested that sex steroids depending on the dose can cause both stimulating and inhibitory effect not only acting directly through the receptors of relevant cell populations, but also by changing the activity of the thymic epithelial cells.

Various fractions of estrogens are known to produce different effects. It is believed that estradiol is not directly involved in immunological process a lot, but it does not prevent its development. In excess, this hormone in the body inhibits the host immune-suppressor effect of testosterone.

Conclusions. Thus, evaluating the results of the analysis, the nature and characteristics of correlations between the pituitary hormones and those of peripheral endocrine glands with indices of cellular and humoral immunity shows that the changes in hormonal and immunological balance that occur in demodicosis alter the structure and level of interconnections which leads to inconsistencies in their functioning and disorders in interaction between the hormonal and immune systems, defining one of the main conditions of hormonal and immunological adaptation. The emergence of new

correlations in response to the invasion can give an answer to the question of mechanisms of hormonal-immunological changes and indicates the transition to a new level, which becomes a kind of norm for patients.

An imbalance between the hormonal and immunological parameters discovered during the studies, derangement of assistance between the endocrine and immune systems reflect the individual and gender features and they flow differently depending on the state of the liver and can (among other reasons) cause various defects in the regulation of physiological functions shaping the immune response of the host to the invading parasite, and therefore in the formation of relationships in the host-parasite system.

The identified patterns of changes and the nature of the dynamics of hormonal-immunological connections extend our knowledge of the pathogenesis of demodicosis, as well as create certain preconditions for the directional correlation of hormone-immune disorders and open up the prospects for improving pathogenetic treatment of demodicosis.

References:

1. Desch C. E. Morphology and functional anatomy of demodex folliculochim (Simon) of man / C. E. Desch, W. B. Nutting // *Acarologia*, 1977, V.19, № 3, p. 422–462.
2. Barriga O. O. Vidence of immunosuppression by Demodex canis / O. O. Barriga, N. W. Al-khalidi, S. Martin S. and M. Wyman // *Veter. Immunology and Immunopathology*. — 1992. — P. 37–46.
3. Borgia F. Are acne and hirsutism endocrine disease? / F. Borgia, S. P. Cannavo et al. // *J EADV*. — 2001. — 15 : Suppl. 2 : 131.
4. Bonnar E. The Demodex mite population in rosacea / E. Bonnar, P. Eustace, F. C. Powell // *J Am Acad Dermatoh*, T 993, 28 : 443–448.
5. Dahl M. V. Pathogenesis of rosacea. // *Adv Dermatol*. 2001. — Vol. 17. — P. 29–30.
6. Burkhart C. G. Acne : a review of immunologic and microbiologic factors / C. G. Burkhart, C. N. Burkhart, P. F. Lehmann // *Postgrad Med J*. — 1999. — 75 : 328–331.
7. Barco D. Rosacea / D. Barco, A. Alomar // *Actas Dermosifiliogr.*, 2008, 99 : 244–256.
8. Oztas M. O. The role of free oxygen radicals in the aetiopathogenesis of rosacea / M. O. Oztas, M. Balk, E. Ogus, M. Bozkurt, I. H. Ogus, N. Ozer // *Clinical & Experimental Dermatology*. 2003. — Vol. 2. — P. 188–192.
9. Van Zuuren E. J. Systemic review of rosacea treatments / E. J. Van Zuuren, A. K. Gupta, M. D. Gover, M. Graber, S. Hollis // *J Am Acad Dermatol.*, 2007, 56 : 107–115.
10. Шишкина И. Г. Некоторые биохимические и физиологические методы исследования функционального состояния кожи в практике косметологов / И. Г. Шишкина // *Врачебная косметика*. — 1980. — С. 64–68.
11. Kroshinsky D. Pediatric rosacea / D. Kroshinsky, S. A. Glick // *Dermatol Ther.*, 2006, 19 (4) : 196–201.

12. Thiboutot D. M. Acne and rosacea. New and emerging therapies / D. M. Thiboutot // *Dermatol Clin.*, 2000, 18 : 63–71.
13. Cunliffe W. J. Comedogenesis : Some new etiological, clinical and therapeutic strategies / W. J. Cunliffe, D. B. Holland, S. M. Clark, G. I. Stables // *Br J Dermatol.* — 2000. — 142 : 1084–1091.
14. Birnkrant M. J. Pyoderma gangrenosum, acne conglobata and IgA gammopathy / M. J. Birnkrant, A. J. Papadopoulos, R. A. Schwartz, W. C. Lambert // *Int J Dermatol.* — 2003. — 42(3) : 213–216.
15. Ljubojeviae S. Steroid dermatitis resembling rosacea, aetiopathogenesis and treatment / S. Ljubojeviae, A. Basta-Juzbasiaie, J. Lipozeneiaie // *J Eur Acad Dermatol Venereol.* 2002 Mar; 16 (2) : 121–126. Review.
16. Revenko Zh. A. Changes in hormonal control in patients with demodicosis as a response to parasitic infestation / Zh. A. Revenko, Yasynska E. Ts. // *Journal of Clinical and Experimental Medical Researches. Scientific Journal.* 2016, 4 №1: 51–55.
17. Ревенко Ж. А. Кореляційний аналіз взаємозв'язків між показниками імунітету хворих на демодекоз / Ж. А. Ревенко // Наукове періодичне видання "Медичний форум" Науковий журнал №6 (06). Львів 2015. — 135 с.
18. Revenko Zh. A. The modern approach to the complex therapy of demodicosis / Zh. A. Revenko // *Scientific journal «EUREKA: Health Sciences»* Number 1, (2016), 60 p.: 25–24.

LAW

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ В ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Ольга Кучма,

кандидат юридических наук, доцент,

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Responsible entity compulsory state social insurance in legal doctrine and legislation

Annotation. The article examines the concept of legal liability as a form of social responsibility considered its features. Analyzed as part of the responsibility and duty of states that responsibility comes not when the person forced to do his duty, and when a person undergoes additional (along with the duties) costs harassment, restrictions, prohibitions (penalty, compensation, denial of the right to occupy certain positions or engage in certain activities, etc.) exclusively through breach of duty. Performing the duty to enforce sanctions manifestation includes state and not a liability, but is involuntary duty. Proposed amendments to the law on the basis that although recovery of compensation and is bringing people to justice, but do not restrict the right of a person whose rights have been violated for a penalty.

Keywords: social responsibility, legal responsibility, duty, compulsory social insurance, tort, compensation.

Государство гарантирует выполнение сторонами правоотношений возложенных на них законодательством или договором обязательств через институт ответственности. Правовыми нормами в сфере общеобязательного государственного социального страхования также предусмотрено привлечение субъектов правоотношений к различным видам ответственности за нарушение обязательств. В правовой доктрине отсутствуют единые взгляды на ответственность и ее признаки. Законодательство также не в полной мере учитывает правовую природу ответственности и требует усовершенствования в этой части. Поэтому исследование понятия ответственности является необходимым и своевременным.

Вопросы ответственности в праве исследовали специалисты теории права и различных отраслей права: Н. И. Боднарук, Н. И. Иншин, А. А. Отраднава, Н. М. Хуторян, В. И. Щербина и другие ученые. Изменение законодательства и судебной практики побуждает исследовать проблемы юридической ответственности субъектов общеобязательного государственного социального страхования, ее признаки и виды.

Целью статьи является определение особенности компенсации, ответственности, разграничение наступления исполнения обязанности и наступления ответственности субъектов в сфере социального страхования.

Справочная литература трактует ответственность как 1. Возложенная на кого-то или взятая на себя обязанность отвечать за определенный участок работы, дело, за чьи-то действия, поступки, слова. Привлекать (привлечь, призвать) к от-

ветственности кого — считая кого-то виновным, требовать отчета за его поступки (перед судом, органами власти и т. др.). 2. Серьезность, важность дела, момента и т. п [1].

Соотношение понятий социальной и юридической ответственности — это соотношение общего и особенного. Социальная ответственность представляет собой единство двух составляющих: 1) ответственность лица за совершенное деяние перед другими индивидами, социальными группами, государством и обществом в целом; ответственность государства и общества перед отдельным человеком либо социальной группой [2, с. 4].

Боднарук Н. И. отмечает, что ответственность имеет тесную связь с существованием государства и общества. Именно социальная ответственность является основной, а все остальные — производными от нее. Одним из видов социальной ответственности является юридическая ответственность [3, с. 318].

Ответственность предусматривается в законодательстве за конкретные нарушения или преступления, а также может быть предусмотрена в договоре, если это соответствует законодательству и не нарушает его (например, установление штрафных санкций за несвоевременное исполнение или неисполнение обязательства).

Под ответственностью понимаем дополнительные негативные для нарушителя/преступника последствия, связанные с неисполнением им своих обязанностей. Если лицо, например, обязывают решением суда выполнить обязанности — это не будет отрицательным последствием для лица, поскольку его обязали исполнить в принудительном порядке то, что он должен исполнить добровольно (например, вернуть долг), а взыскание по решению суда штрафа за несвоевременную уплату долга является негативным следствием, которое возникло исключительно из-за невыполнения должником своевременно своей обязанности по уплате долга.

Ответственность, по сути, является обязанностью, ведь также есть обязательная к выполнению и санкционируется государственным принуждением. Основанием для возникновения такой обязанности является нарушение другой обязанности.

В законодательстве могут быть предусмотрены определенные негативные последствия, которые в науке не считают ответственностью, хотя они тоже негативные для нарушителя и наступили, исключительно, за невыполнение им своих обязанностей. Например, Законом Украины «Об общеобязательном государственном пенсионном страховании» предусмотрено, что начисленные суммы пенсии, не полученные по вине органа, что назначает и выплачивает пенсию, выплачиваются за прошедшее время без ограничения любым сроком с начислением компенсации потери части доходов [4].

Также, Гражданским кодексом Украины предусмотрено взыскание инфляционных потерь и трех процентов годовых за несвоевременное выполнение денежного обязательства [5]. Несмотря на название статьи Гражданского кодекса Украины, которая установила данное взыскание «Ответственность за нарушение денежного обязательства» данное взыскание, по мнению судей, не является

штрафной санкцией, поскольку не наказывает нарушителя, а обязывает компенсировать кредитору потери от того, что он не мог пользоваться своими средствами. Формулировка ст. 625 ГК, когда начисление процентов тесно связывается с применением индекса инфляции, ориентирует на компенсационный, а не штрафной характер соответствующих процентов. По смыслу ч. 2 ст. 625 ГК начисление инфляционных расходов на сумму долга и трех процентов годовых входят в состав денежного обязательства и является особой мерой ответственности должника (специальный вид гражданско-правовой ответственности) за просрочку денежного обязательства, поскольку выступают способом защиты имущественного права и интереса, который заключается в возмещении материальных потерь (убытков) кредитора от обесценивания денежных средств вследствие инфляционных процессов и получения компенсации (платы) от должника за пользование удерживаемыми им денежными средствами, надлежащими к уплате кредитору (постановления Верховного Суда Украины от 6 июня 2012 г. в деле №6-49цс12, от 24 октября 2011 г. в деле №6-38цс11). Следовательно, проценты, предусмотренные ст. 625 ГК, не являются штрафными санкциями (постановление Верховного Суда Украины от 17 октября 2011 г. в деле №6-42цс11). Следует учитывать, что, несмотря на сходство правовой природы ч. 3 ст. 549 ГК (по уплате пени) и ст. 625 этого Кодекса (по уплате трех процентов годовых), которые в обоих случаях применяются как ответственность за нарушение денежного обязательства, эти правовые нормы являются разными по своей правовой природе [6].

Неустойка может быть предусмотрена в законодательстве императивно (в соответствии с частью 10 статьи 25 Закона Украины «О сборе и учете единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование» на сумму недоимки начисляется пеня из расчета 0,1 процента суммы недоплаты за каждый день просрочки платежа [7]) и тогда ответственность наступает автоматически, при наличии факта нарушения, или может предусматриваться в договоре, тогда ответственность за невыполнение обязанности может наступить только при условии, если она прямо предусмотрена в договоре.

Сам факт наступления ответственности де-юре не всегда может иметь для нарушителя фактические негативные последствия. Ведь если нарушитель, например, добровольно не уплатит пеню, а кредитор не будет требовать от нарушителя, в том числе через суд, уплаты пени, то де-факто, нарушитель не будет привлечен к ответственности.

Наступления ответственности де-юре имеет место, когда есть основания привлекать лицо к ответственности; наступления ответственности де-факто имеет место, когда лицо фактически привлечено к ответственности. Не всегда эти две стороны ответственности совпадают. Возможна ответственность только де-юре, или де-юре и де-факто, но юридической ответственности де-факто без де-юре не может быть.

В связи с вышеизложенным, требуется более детальное исследование вопроса, всегда ли предусмотрена юридическая ответственность за нарушение обязанностей. Данный вопрос является дискуссионным и сложным в реализации на практике. Не возникает вопросов, если ответственность за конкретное нарушение

обязанности четко определена. Если законодательством не предусмотрено ответственности за конкретное нарушение обязанности, то можно говорить только о моральной ответственности, но не юридической.

Ответственность всегда является следствием нарушения обязанности, но нарушение обязанности не всегда своим следствием имеет привлечения лица к ответственности. (Ч.2 ст.15 Закона Украины «О всеобщем обязательном государственном социальном страховании» — работодатель обязан: 1) предоставлять и оплачивать застрахованным лицам в случае наступления страхового случая соответствующий вид материального обеспечения, страховых выплат и социальных услуг в соответствии с настоящим Законом; 2) вести учет средств социального страхования и своевременно предоставлять Фонду установленную отчетность относительно этих средств; 3) во время проверки правильности использования средств Фонда и достоверности представленных работодателем данных предоставлять должностным лицам Фонда необходимые документы и объяснения по вопросам, возникающим во время проверки 4) представлять в установленном порядке в соответствии с законодательством сведения о: размере заработной платы и использовании рабочего времени работников; годовой фактический объем реализованной продукции (работ, услуг), количество несчастных случаев и профессиональных заболеваний на предприятии за прошлый календарный год; использование средств Фонда по другим определенным настоящим Законом направлениям в порядке, установленном правлением Фонда; 5) информировать о каждом несчастном случае или профессиональном заболевании на предприятии; 6) безвозмездно создавать все необходимые условия для работы на предприятии представителей Фонда; 7) сообщать работникам предприятия адрес и номера телефонов Фонда, а также лечебно-профилактических заведений и врачей, которые по соглашениям с Фондом обслуживают предприятие; 8) предоставлять отчетность в Фонд в сроки, в порядке и по форме, установленным правлением Фонда; 9) вернуть Фонду сумму выплаченного материального обеспечения и стоимость предоставленных социальных услуг пострадавшему на производстве в случае невыполнения своих обязательств относительно уплаты страховых взносов. Ч.5 ст.15 вышеупомянутого Закона — работодатель несет ответственность за: 1) нарушение порядка использования средств Фонда, несвоевременный или неполный их возврат; 2) несвоевременное представление или непредставление сведений, установленных настоящим Законом; 3) представление недостоверных сведений об использовании средств Фонда; 4) вред, причиненный застрахованным лицам или Фонду вследствие невыполнения или ненадлежащего выполнения обязанностей, определенных этим Законом [8]).

В правовой доктрине относят ответственность к одному из элементов юридической обязанности, который означает необходимость претерпеть лишения определенных благ [9, с.267] и отмечают, что ответственность призвана стабилизировать правоотношения, реагировать на правонарушителей в системе и реализовывать социальную справедливость [10, с.319].

Юридическая обязанность является возложенной на обязанное лицо и обеспеченной возможностью применения средств государственного принуждения мера необходимого поведения, которую оно обязано осуществлять в интересах уполномоченного лица [11, с. 137].

Хотя ответственность и является элементом обязанности, но нарушая права одного лица, ответственность может наступить перед другим лицом. В частности, привлекая лицо к уголовной ответственности, в отличие от привлечения к финансовой ответственности (когда, например, пеню получает лицо, права которого на получение основной суммы долга нарушены) привлечение виновника к уголовной ответственности — лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (статья 51 Уголовного кодекса Украины [12]) по сути не влияет на материальное положение лица, права которого нарушены (только моральное удовлетворение от того, что нарушитель наказан).

Ответственность за нарушения прав граждан в сфере социального страхования наделена следующими признаками: 1) производный характер от гарантий, установленных в сфере социального страхования, заключается в том, что в случае, когда кто-то из участников уклоняется от выполнения своих обязанностей или выполняет их ненадлежащим образом, государство привлекает его к ответственности; 2) воспитательный характер — целью привлечения к ответственности является потребность указать о социально-правовых приоритетах государства в обществе, перевоспитать того, кто совершает правонарушения против социальных прав застрахованных лиц; 3) реальность — в связи с привлечением уполномоченных органов и лиц к ответственности государство утверждает господство норм права (верховенство права), а не только их фиктивный и декларативный характер [3, с. 327].

Отраднова А. А. определяет, что общетеоретический подход к определению признаков юридической ответственности: юридическая ответственность является следствием правонарушения; является применением мер государственного принуждения; является определенной дополнительной обязанностью, которая возлагается на нарушителя; связанная с осуждением нарушителя и превенцией будущих нарушений [13, с. 153].

В зарубежной правовой литературе развивается такая концепция юридической ответственности. Юридическая ответственность проявляется в общественных отношениях двух родов. Отношения первого рода — *die Verantwortlichkeit* — это специфическое общественное отношение между гражданами и государством. Оно содержит обращенное к гражданам и организациям право государства требовать подчинения. Для граждан и организаций данное отношение содержит обязанность выполнять указанное требование и отвечать за свое поведение в случае нарушения обязанности. Именно невыполнение, нарушение права государства требовать подчинения является основанием возникновения нового общественного отношения, которое регулируется нормами права. Это отношение — *die juristische Verantwortung* — есть не что иное, как ответственность. Оно как бы превращено из отношений первого рода, с *die juristische*

Verantwortlichkeit. В рамках отношения второго рода правонарушитель должен отчитаться о свои неправомерные действия перед государством. При этом его обязанность отвечать означает, что правонарушитель должен принять принудительные меры против своей личности, своего имущества и т. п. [14, с. 94].

В юридической литературе деликтное обязательство и деликтную ответственность рассматривают как правоотношение и его результат. Деликтная ответственность является целью деликтного обязательства и итогом реализации механизма гражданско-правового регулирования деликтных обязательств [13, с. 157].

Считаем, что ответственность наступает не тогда, когда человека заставили выполнить свои обязанности, а тогда, когда лицо понесет дополнительные (наряду с выполнением обязанности) расходы, притеснения, ограничения, запреты, исключительно, за нарушение обязательства (неустойка, компенсация, проценты, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и тому подобное). Исполнение обязанности в принудительном порядке содержит проявление санкции государства и не является ответственностью, а является недобровольным исполнением обязанности и не более того.

Тот факт, что компенсация не создает для лица, права которого были нарушены, дополнительных благ (в отличие от получения пени, штрафа), а лишь возобновляет ее в нарушенном праве, с учетом времени просрочки исполнения обязательства, не меняет того, что выплата компенсации является дополнительной затратой для нарушителя, а потому для нарушителя это будет ответственностью. Дискуссионно утверждать, что должник пользовался денежными средствами кредитора, а потому уплата им компенсации не несет дополнительных затрат, ведь не всегда должник даже имея такую возможность, ею воспользовался. Кроме того, например, при выплате за время вынужденного прогула работодатель по сути компенсирует работнику неполученную им заработную плату за нарушения трудового законодательства; при этом работодатель не получил никакой прибыли от того, что работник не работал на него.

Конечно, и компенсация и пеня являются одним видом ответственности, а согласно статьи 61 Конституции Украины никто не может быть дважды привлечен к юридической ответственности одного вида за одно и то же правонарушение [15].

Исследование проблематики ответственности субъектов общеобязательного государственного социального страхования в правовой доктрине и законодательстве позволяет сделать вывод, что социально справедливым является возможность лица, права которого нарушены, иметь право не только на компенсацию, но и на неустойку. Учитывая это, необходимо внести изменения в статью 61 Конституции Украины, изложив ее в следующей редакции: «Никто не может быть дважды привлечен к юридической ответственности одного вида за одно и то же правонарушение. При этом, наличие обязанности осуществление компенсации не учитывается при определении видов ответственности, к которым привлекается лицо».

References:

1. <http://sum.in.ua/s/vidpovidaljnistj>
2. Onishchenko N. On the nature of the research institute legal liability / N. Onishchenko, S. Sunyehin // State and Law: scientific research journal: Legal and Political Sciences / Institute of State and Law V. Koretsky NAS of Ukraine. — Kyiv, 2014. — Vyp. 65. — S. 3–9.
3. Bodnaruk N. Legal Regulation of Social Insurance in Ukraine: Monograph / N. Bodnaruk. — Chernivtsi: Chernivtsi th. University Press, 2014. — 472 p.
4. The Law of Ukraine "On Compulsory State Pension Insurance" from 09.07.2003 № 1058-IV: [electronic resource] / <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1058-15>.
5. Civil Code of Ukraine of 16.01.2003 number 435-IV: [electronic resource] / <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/main/435-15>.
6. http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/VSS00079.html
7. The Law of Ukraine "On the collection and accounting of a single fee for obligatory state social insurance" from 08.07.2010 g. №2464: [electronic resource] / Access: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2464-17>.
8. The Law of Ukraine "On compulsory state social insurance" from 23.09.1999 number 1105-XIV: [electronic resource] / <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1105-14>.
9. Luts L. General Theory of State and Law: Textbook (with the credit system) / L. Luts. — K.: Atika, 2010. — 412 p.
10. Bodnaruk N. Legal Regulation of Social Insurance in Ukraine: Monograph / N. Bodnaruk. — Chernivtsi: Chernivtsi th. University Press, 2014. — 472 p.
11. Relationships with mandatory state social insurance: a theoretical aspect: Monograph / V. Andrew, A. Moskalenko, S. Prylypko, A. Yaroshenko. — Kharkov: Publishing house "Finn", 2011. — 280 p.
12. The Criminal Code of Ukraine from 05.04.2001 number 2341-III: [electronic resource] / <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2341-14/page2>.
13. Otradnova A. tort liability: concept, essence and value of tort obligations // University research note Khmelnytsky University of Management and Law: Journal Khmelnytsky University of Management and Law: Law, Economics, Management / Khmelnytsky University of Management and Law. — Khmelnytsky 2013 — Vyp. 3 (47). — S. 152–158.
14. Hetmantsev D. Makarchuk R. Tolkachev S. Legal liability for tax offenses: nauk. and practical. guidances. / D. Hetmantsev, R. Makarchuk, J. Tolkachev. — K.: Yurinkom Inter, 2015. — 752 p.
15. The Constitution of Ukraine of 28.06.1996 number 254k / 96-BP [electronic resource] / <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/main/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>.

The authors are responsible for exactness of the facts, quotations, scientific terms, names of owns, statistics and of other information.

The publication or its part cannot be reproduced without the consent of the administration of the journal or authors of the publications. The editors may not share opinions and ideas of the authors, which contained in the publications.

Autoři publikací jsou odpovědní za správné udání faktů, citát, vědeckých pojmů, jmen, statistických údajů.

Publikace nebo jakákoli část této publikace nesmí být reprodukována bez souhlasu redakční rady nebo autorů publikace. Redakce a redakční rada mají právo nesdílet názory a myšlenky, které jsou obsaženy v publikacích.

Východoevropské centrum základního výzkumu oznamuje možnost publikování v českém vědeckém časopise "**Modern Science — Moderní věda**" vědeckých článků (výsledků vědeckého výzkumu). Časopis má oficiální potvrzení o evidenci periodického tisku v České republice, evidenční číslo MK 53506/2013 OMA. Časopis je na seznamu Východoevropského centra základního výzkumu EECFR jako vědecký časopis. Časopisy se rozesílají základním evropským univerzitám a výzkumným institucím a do Nobelové nadace (Švédsko).

Časopis je vytvořen pro zveřejnění vědeckých děl, provedených vědci ze střední a východní Evropy. Publikace vědeckých článků je v angličtině, češtině a ruštině.

Zakladatelé časopisu: Východoevropské centrum základního výzkumu (Budapešť, Maďarsko), Inovační park — společnost "Nemoros" (Praha, Česká republika). Oficiální zástupce časopisu v Ukrajině je Vědecký a výzkumný ústav pro hospodářský rozvoj (web-stranka: <http://sried.in.ua>).

Prioritní témata časopisu:

1. Výsledky základního výzkumu.
2. Stabilní rozvoj, moderní technologie a ekologie.
3. Průmyslové a manažerské inovace.
4. Ekonomie, sociologie, politologie, veřejná komunikace.
5. Mezinárodní vztahy, státní správa a právo.
6. Filozofie, historie, psychologie, pedagogika, lingvistika.
7. Design, umění a architektury.
8. Fyzika, astronomie, matematika, informatika.
9. Chemie, biologie, fyziologie, medicína, zemědělství.
10. Doprava, spoje, stavebnictví, komunální služby.

Восточноевропейский центр фундаментальных исследований сообщает о возможности опубликования научных статей (результатов научных исследований) в чешском научном издании (журнале) "**Modern Science — Moderní věda**". Официальное свидетельство о регистрации журнала № МК 53506/2013 ОМА (Чешская Республика). Журнал включен в Международный каталог периодических изданий ISSN. Журнал включен в перечень научных изданий Восточноевропейского центра фундаментальных исследований EECFR. Журнал рассылается в ведущие университеты и научные учреждения стран ЕС, СНГ и Фонда А. Нобеля (Швеция).

Учредители журнала: Восточноевропейский центр фундаментальных исследований (г. Будапешт, Венгрия), Инновационный парк — компания "Nemoros" (г. Прага, Чешская Республика). Официальным представителем журнала в странах СНГ является Научно-исследовательский институт социально-экономического развития (Украина, г. Киев, НИИСР, <http://sried.in.ua>).

К публикации принимаются статьи на английском, русском или чешском языках. Статьи должны содержать новые научные результаты.

Авторы могут получить авторский экземпляр журнала обычной почтой или в украинском представительстве журнала (НИИСР).

НИИСР, тел.: +38(044) 360-97-28, 38(067) 405-09-81, 38(050) 225-80-87.

E-mail: **ms@sried.in.ua**

Детальные условия о возможности публикации:

<http://sried.in.ua/modern-science.html>